

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 1 2022 (ЯНВАРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

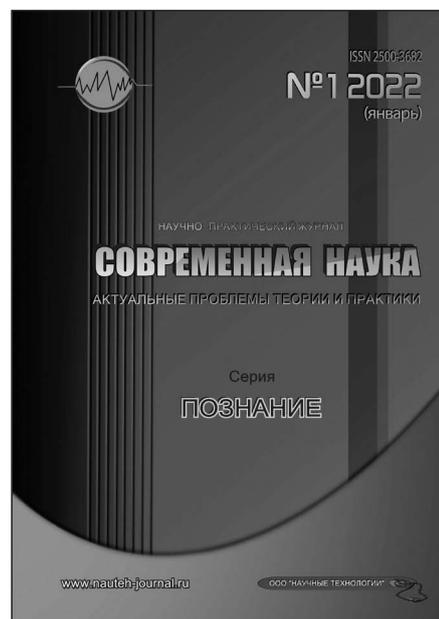
Подписано в печать 24.01.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №1 (январь) 2022 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

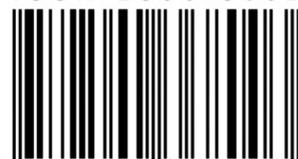
Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Мэн Фаньхун** – Образы китайцев в русской литературе Дальнего Востока начала XX века как отражение культурных взаимодействий
Meng Fanhong – Images of the Chinese in Russian literature of the Far East at the beginning of the twentieth century as a reflection of cultural interactions..... 5
- Нифтиева У.Н.** – Некоторые особенности вокального творчества Сулеймана Алескерова
Niftiyeva U. – Some features of the vocal creativity of Suleiman Aleskerov 10
- Чжао Мэн** – Певческие характеристики и ценностное воплощение «Новых народных песен» как творческая особенность современной музыкальной эпохи в развитии китайской культуры
Zhao Meng – Singing characteristics and value embodiment of "New Folk Songs" as a creative feature of the modern musical era in the development of Chinese culture 17

Психология

- Киселева А.А., Кузьмин М.Ю., Стародубцева Г.А.** – Смысло-жизненные ориентации педагогических работников как возможный ресурс адаптивной образовательной среды
Kiseleva A., Kuzmin M., Starodubtseva G. – Life-meaning orientations of teaching staff as a possible resource of adaptive educational environment 22
- Косолап А.В.** – Особенности адаптации курсантов к обучению в военном институте в зависимости от показателей самоотношения
Kosolap A. – Features of adaptation of cadets to training at a military institute, depending on the indicators of self-attitude..... 29

- Кутейников А.Н.** – Влияние профессионального стажа менеджеров на их склонность к манипуляциям
Kuteynikov A. – The influence of the professional experience of managers on their propensity to manipulate 34
- Латынов В.В.** – Индивидуальные особенности человека — объекта воздействия как фактор эффективности психологического воздействия
Latynov V. – Individual characteristics of a person — an object of influence as a factor of the effectiveness of psychological influence..... 39
- Рябинина М.В.** – Вовлечение преподавателей вуза в реализацию программы «Приоритет 2030» как фактор их личностно-профессионального развития
Ryabinina M. – Participation of academic staff in the program "Priority 2030" for their personal and professional development..... 44
- Фахурдинов Р.Р.** – Взаимосвязь мотивации и профессиональной направленности личности курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации
Fakhurdinov R. – Relationship of motivation and professional orientation of the personality of cadets of military institutes of the national guard of the Russian Federation..... 47
- Хасабова К.А.** – Значение семьи в воспитании мусульманской молодежи
Khasabova K. – The importance of the family in the upbringing of Muslim youth..... 52
- Шевеленкова Т.Д.** – Невротические состояния и экзистенциальные проблемы молодых людей – активных пользователей игровыми интернет-порталами
Shevelenkova T. – Neurotic states and existential problems of modern young people - active users of internet game portals..... 55

Ядрищенская Т.В. – Типологические особенности вегетативной регуляции с позиций системных взаимоотношений <i>Yadrischenskaya T.</i> – Typological features of vegetative regulation in the aspect of system relationship..... 64	Салямов К.М. – На грани срыва: наука и гуманизм <i>Salyatov K.</i> – On the verge of failure: science and humanism 86
Яценко О.В., Чернецкая Н.И., Кедярова Е.А. – Воздействие профориентирования по технологии PROF.Navigator на повышение внеучебной занятости подростков <i>Yatsenko O., Cherneckaya N., Kedyarova E.</i> – Impact of vocational guidance using PROF.Navigator technology on increasing the extracurricular employment of adolescents 69	Сиверцев Е.Ю. – Особенности менталитета как одна из причин психалгии <i>Sivertsev E.</i> – Peculiarities of mentality as one of the causes of psychalgia 93
Философия	Сметанкина Л.В., Рябов А.В. – К проблеме становления социальной философии XX века: марксистская реконструкция истории <i>Smetankina L., Ryabov A.</i> – On the problem of the formation of social philosophy of the XX century: a Marxist reconstruction of history 99
Мадалиева Ж.К., Иманмолдаева Б.З., Матжанова К.К. – Образ и место человека в мифологии и эпосе <i>Madaliev Zh., Imanmoldaeva B., Matzhanova K.</i> – The image and place of man in mythology and epic 73	Фролов А.С. – Экзистенциальные основания и историческая динамика мотивации религиозной веры <i>Frolov A.</i> – Existential foundations and historical dynamics of religious faith motivation 104
Некрасова Н.А., Некрасов С.И., Клепацкий В.В. – Историко-философский анализ взаимоотношений «человек-техника-общество» <i>Nekrasova N., Nekrasov S., Klepatsky V.</i> – Historical and philosophical analysis of relationship "man-technology-society" 77	Информация
Николаева Т.А. – Современное образование в контексте социальных трансформаций <i>Nikolaeva T.</i> – Modern education in the context of social transformation 81	Наши авторы. Our Authors 110
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 111

ОБРАЗЫ КИТАЙЦЕВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ¹

Мэн Фаньхун

Профессор, Хэйхэский университет, КНР, провинция Хэйлунцзян, г. Хэйхэ
479884839@qq.com

IMAGES OF THE CHINESE IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FAR EAST AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY AS A REFLECTION OF CULTURAL INTERACTIONS

Meng Fanhong

Summary: The article analyzes the reflection of the presence of Chinese in the Far East in Russian literature of the early twentieth century from the point of view of cultural interactions between residents of Russia and Chinese immigrants. It is noted that in order to understand the literature of this period, it is necessary to study the history of Chinese immigration. The Chinese first appeared in the Russian Far East in the middle of the 19th century. Since then, the problem of Chinese immigration in the Far East has occupied the consciousness of Russians and appears in the writings of a number of famous travelers, ethnographers, public figures, as well as in works of fiction. The image of the Chinese, embodied in the Russian literature of this period, reflects the peculiarities of the integration of the Chinese who lived in the Russian Far East into the local society. In literature, in particular, in the verses of V. Mart, the image of the Chinese is created as an eternal worker, performing low-skilled work, often a smoker of opium. Such images of the Chinese recreate the realities: both the fears of local residents before the «invasion» of the Chinese population, and the unwillingness of the Chinese themselves to assimilate, to be included in Russian life and culture.

Keywords: Far East, Russia, China, emigration, immigration, the image of the Chinese, literature, culture.

Аннотация: В статье анализируется отражение присутствия китайцев на Дальнем Востоке в русской литературе начала XX века с точки зрения культурных взаимодействий между жителями России и китайскими иммигрантами. Отмечается, что для понимания литературы этого периода необходимо изучить историю китайской иммиграции. Китайцы впервые появились на Дальнем Востоке России в середине XIX века. С тех пор проблема китайской иммиграции на Дальнем Востоке занимает сознание россиян и появляется в трудах ряда известных путешественников, краеведов, общественных деятелей, а также в произведениях художественной литературы. Образ китайца, воплощенный в русской литературе этого периода, отражает особенности интеграции китайцев, проживавших на Дальнем Востоке России, в местное общество. В литературе, в частности, в стихах В. Марта, создаётся образ китайца как вечного труженика, выполняющего низкоквалифицированную работу, нередко курильщика опиума. Подобные образы китайцев воссоздают реалии: как опасения местных жителей перед «нашествием» китайского населения, так и нежелание самих китайцев ассимилироваться, включаться в русскую жизнь и культуру.

Ключевые слова: Дальний Восток, Россия, Китай, эмиграция, иммиграция, образ китайца, литература, культура.

Введение

Проблема восприятия Китая и китайцев в русской литературе и культуре становится предметом анализа многих исследователей, специалистов различных гуманитарных дисциплин в связи с тем, что связи между Россией и Китаем с каждым годом становятся всё более тесными и разнообразными. А.А. Забияко и Е.В. Сенина выявляют «противоположные тенденции, влияющие на восприятие Китая и китайцев», и отмечают,

что в русской литературе в течение XX века встречались как негативная, так и позитивная трактовки образа Китая [Забияко, 2018, 212]. М.Н. Крылова также отмечает различные коннотации китайских образов, но в то же время пишет: «Начиная с XVIII века, Китай служил для русской аристократии символом экзотического и поэтому манящего Востока» [Крылова, 2016, 227]. Е.В. Сенина в диссертационном исследовании отмечает, что именно в 1920-х годах образ Китая и китайцев перестаёт быть в российском сознании «условным, стереотипно-схематичным»

¹ Данная статья является результатом научно-исследовательского проекта 2020 г. Ключевые исследовательские проекты экономического и социального развития в провинции Хэйлунцзян «Образ Китая в русской литературе и документах Дальнего Востока 1900-2000 гг.». Номер проекта: 20531.

[Сенина, 2018, 11]. Д.А. Владимирова считает нужным подчеркнуть культурную обособленность китайских иммигрантов в России: «Китайцы, которые жили на российской территории, неохотно подчинялись российским законам, жили замкнуто, скрывая свою жизнь от постороннего взора» [Владимирова, 2005, 15]. Чэн Хун, Ван Сюй концентрируют внимание на причинах китайской эмиграции и делают вывод, что «основой для привлечения большого количества китайцев в Россию явились чисто экономические, а не политические факторы» [Чэн Хун, 2021, 109]. Я. Тань и Ян Чжан выявляют, что «основную часть переселенцев составляли чернорабочие и малограмотные крестьяне» [Тань, 2021, 64]. Эмиграция китайского населения на Дальний Восток стала особенно интенсивной в 1920-1930-х годах. Интенсивность эмиграции была связана с демографическим дисбалансом между Китаем и Дальним Востоком [Дудченко, 2002], а также с политическими и экономическими причинами.

Исследователи считают, что уже в этот период на Дальнем Востоке были созданы условия для налаживания дружественных отношений между русским и китайским народами. Так, Н.П. Рябченко пишет: «В годы Первой мировой войны сотни тысяч китайцев прибыли в Россию на работу. Это дало возможность русским и китайцам лучше узнать друг друга и понять, что между ними нет психологического барьера, а культурные различия хотя и велики, но преодолимы» [Рябченко, 2009, 10]. На Дальнем Востоке в результате взаимодействия между населением России и эмигрантами из Китая сложились условия для культурных связей и даже для формирования общего культурного пространства, что не могло не отразиться на развитии литературы.

Цель статьи – провести анализ того, как в русской литературе 1920-1930-х годов отразились образы Китая и китайцев, и выявить зависимость данных образов от культурных факторов, от того, каким образом включались в жизнь России иммигранты из Китая.

Типы литературных текстов, фиксирующих образы китайцев

Существует три типа произведений литературы, которые фиксируют и описывают образы китайцев на Дальнем Востоке России.

Первый тип – путевые заметки и очерки путешественников, краеведов и географов. Например, В.В. Граве «Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье» (1912), В.К. Арсеньев «Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический» (1914), Н.М. Пржевальский «Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869» (1949), Се Хуайдань «Следы прожитых лет. Воспоминания студент-

ки Московского университета Сунь Ятсена» (1991), Лю Цзяньминь «Организация как преемник клановой ассоциации» (1993), Ши Чжэ «Моя жизнь: воспоминания Ши Чжэ» (2001) и др.

Вторая категория – романы, очерки, стихи, биографии, песни и другие произведения писателей, поэтов и этнографов. Например, Д.И. Шрейдер «Наш Дальний Восток» (1897), М.А. Булгаков «Китайская история» (1923), П.А. Северный «Фарфоровый китаец качает головой» (1937), Ли Юнчан «О китайских рабочих в России в период новой истории Китая» (1987), Ван Цзин «Китайские рабочие в России и экономическое развитие на Дальнем Востоке России» (1996), Нин Яньхун «Столетняя история китайских мигрантов» (2019) и др.

Третья категория – это мемуары, очерки, письма, правительственные документы, официальные опубликованные отчеты, руководства и другие источники, созданные учеными, писателями, официальными лицами. Например, Г.Е. Грум-Гржимайло «Описание Амурской области» (1894), А.В. Даттан «Исторический очерк развития приамурской торговли» (1897), П.Ф. Утербергер «Приморская область 1856-1898 гг.» (1900), А.Е. Маковкин «1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска» (1907), С.В. Витковская «Кругом земли» (1915), И.Я. Коростовец «Россия на Дальнем Востоке» (1922), Сюй Цзунлян «Краткий отчет о Хэйлунцзяне» (1985), Сюй Ванминь «Восточно-китайские бизнесмены на Дальнем Востоке России» (1993) и др.

Источники всех данных категорий в течение многих десятилетий помогают формировать образы китайцев, которые входят в русскую культуру и постепенно становятся важной её частью.

Отражение образов китайцев в художественной литературе

В период эмиграции китайцев на Дальний Восток в 1920-1930-х годах большинство из них не понимали местного языка и были материально необеспеченными. Как правило, они принадлежали к низам общества, были пекарями, мясниками, поварами, портными, сапожниками, переплетчиками, строителями, золотоискателями и т.д. Соответствующие сцены из жизни и работы китайских рабочих вскоре начали появляться в русской литературе.

Носильщиков (нощильник) также часто называли кули, а местные жители в просторечии именовали «каули» или «каваль». Во Владивостоке носильщики считались городским наземным транспортным средством, и, согласно правилам городского уличного движения,

эти «транспортные средства» должны были двигаться по правой стороне дороги, а не ходить по тротуару, поскольку они несли на спине тяжелые предметы.

В 1891 г. только в Амурском пароходстве было занято 506 китайских рабочих, что составляло 30 % от общего числа рабочих. Каждый год, когда начинался Праздник Весны, в этот залив из Маньчжурии приходило много парусных лодок грузоподъемностью до 10 т. Здесь временами было пришвартовано 500-800 черных парусов и плоскодонных лодок с национальными флагами. Товары, перевозимые на данных судах, – это соевое масло, спиртные напитки, табак, чай, женьшень, мех и другие. Китайские рабочие обменивали эти товары на русские водоросли, трепанги и гребешки. Перед прибытием парусника у пристани собирались заграничные китайцы и местные жители; это было похоже на большой, шумный базар, где стороны торговались и обменивались товарами [Чжао Чуньфан].

Во Владивостоке китайских судоходных рабочих называли «юли-юли» – производное от русского глагола «юлить» в значении «трясти». В стихотворении «На Амурском заливе» поэт Венедикт Март создал образ китайского лодочника, покачивающегося и поющего среди синих волн залива.

«Юлит» веслом китаец желтолицый.
Легко скользит широкая шаланда
По тихой глади синих вод залива.
Пред ним Востока Дальнего столица:
Владивосток за дымкою тумана,
На склонах гор застыл он горделиво.
Как всплески под кормою, монотонно,
Поет тягуче за веслом китаец
Про Хай-шин-вей – «трепангов град великий».
Над ним в далях небес светло-зеленых
Полоски алые в томленьи тают
И звезды робко открывают лики [Март, 1922, 6].

Большой популярностью пользовались на Дальнем Востоке местные китайские торговцы, которые в кратчайшие сроки доставляли еду в дома горожан, что делало жизнь более удобной. Нин Ньхун пишет в монографии, что китайские купцы в Сяобэйтуне Благовещенска открыли мастерские по производству тофу, вермишели, а также бойни и т. д. Был и более крупный бизнес, созданный Цзян Жунцаем, уроженцем уезда Хуансянь в Шаньдуне – Цюаньсин Фу, в основном занимавшимся нефтью, производством соли, соусов, уксуса и продуктов повседневного спроса. Была закусочная, открытая Ян Кунхэ и другими жителями Хэбэя; гостиница, открытая Чен Байсуй, уроженцем округа Хуансянь, Шаньдун, а также баня, парикмахерская, магазины кожаной обуви и одежды. Существовали также небольшие ремесленники, ко-

торые ходили по улицам и переулкам с инструментами на спине. Они занимались резкой стекла для инкрустации дверей и окон, сваркой, ремонтом кожаной обуви, управлением лошадьми и телегами для доставки воды и т. д. Кроме того, был рынок труда, и многие плотники, каменщики и другие рабочие собирались там каждый день в ожидании приема на работу [Нин Ньхун, 2019, 125].

Китайские мигранты-рабочие часто сохраняли свои пристрастия и дурные привычки, поэтому в восприятии русских жителей Дальнего Востока китаец – это прежде всего курильщик, живущий сегодняшним днём.

В 1916 году Венедикт Март описал приют для курильщиков опиума и его опьяняющую атмосферу в своем стихотворении «В курильне»:

Зорко и пристально взглядом стеклянным
Смотрит курильщик на шкуру тигрицы –
Некогда хищного зверя Амура.
Чтобы отдалиться объятиям пьяным,
Женщина с юношей ею прикрылись.
Смотрит курильщик, как движется шкура.
Странны, познавшему опия сладость,
Страсти животные к женщинам низким,
Страсти, мрачащие души – не мудрых.
Тихо в курильне и душно от чада,
Редко шипение лампы при вспышке,
Вздохи... чуть слышится шепот под шкурой.
Тени и блики на желтых циновках.
Дым поднимается темным туманом.
Курыт в молчании желтые люди.
Мак, точно маг-чаротворец багровый,
Явь затемняет обманом дурмана,
Чадные грезы тревожит и будит [Март, 1922, 10].

Согласно отчету Чжао Чуньфана о приобретении и сборе средств на границе, золотодобывающая промышленность на Дальнем Востоке – это отрасль, в которой больше всего работали китайские рабочие. С середины 1910-х годов сотни китайцев отправились работать на золотые прииски на Дальнем Востоке России. С развитием российской золотодобывающей промышленности количество китайских рабочих увеличилось и составляло значительную долю. На золотых приисках вдоль рек Хэйлунцзян и Уссури в России тысячи китайских рабочих, которые едут в Россию, были заняты добычей золота, составляя подавляющее большинство золотодобытчиков. В течение трех лет правления Сюаньтун (1911 г.) вследствие плохого управления китайским золотым рудником Мохэ, где чиновники и люди боролись за прибыль, людям стало невыгодно заниматься золотодобычей в Китае, поэтому многие китайцы предпочли перебраться для этого в Россию [Чжао Чуньфан].

Энтузиазм китайского народа по поводу добычи зо-

лота был велик. Фактически, по состоянию на 1908 год более 15000 китайских золотодобытчиков работали на более чем 140 золотодобывающих предприятиях, расположенных вдоль реки Амур. Золотоискатели обычно намеревались скопить немного золота и вернуться в Китай.

Аспекты культурного взаимодействия китайцев и русских на Дальнем Востоке

Хотя китайцы пришли на Дальний Восток вследствие нехватки рабочей силы и использовались здесь для экономического развития, они, естественно, участвовали во многих сферах городской жизни Дальнего Востока. Неизбежным стало начало приграничного культурного обмена с местными жителями. Необходимо выявить характеристики этого вида приграничного общения. Отметим, что китайцы обычно предпочитали держаться обособленно от русской культуры. Их отношение к русской культуре и возможной ассимиляции базировалось на следующих трех убеждениях.

1. Китайцы обладают хорошими навыками ведения бизнеса.

«Китайцы рождены, чтобы быть купцами» – таково было единодушное мнение россиян, которые полагали, что наиболее важной экономической деятельностью китайцев является ведение бизнеса. Фактически эмигранты из Китая захватили все экономические сферы Дальнего Востока и начали влиять на образ жизни в регионе. Китайские товары были намного дешевле и быстрее доходили до потребителей, вследствие чего жители Дальнего Востока вскоре высоко оценили китайских бизнесменов, способных максимально эффективно использовать все благоприятные условия для увеличения своего дохода. Большинство китайских бизнесменов были известны своей энергией, агрессивностью, ловкостью, опытом ведения бизнеса, гибкостью и тактичностью в деловой сфере, что гарантировало им финансовый успех. М.В. Ходяков отмечает, что Россия в этот период даже начала «процесс выработки законодательных мер, направленных на защиту дальневосточной экономики от дешевого труда китайцев и корейцев» [Ходяков, 2019, 78].

2. Необходимо держаться подальше от мейнстрима российской жизни.

Русские считают, что китайские традиции и обычаи не сочетаются с русской жизнью, особенно в повседневном существовании. Так, китайцы живут в своих поселениях, обычно в отдельной части города, со своими обычаями, своими магазинами, ванными, парикмахерскими, театрами и местами для общественных встреч, тавернами,

игорными залами, барами и т.д. При этом жизненные потребности китайцев чрезвычайно скромны, они довольствуются очень немногим, привыкли сводить свои нужды к самому низкому уровню, который абсолютно невозможен для европейцев. Китайцы очень бережливы, мало тратят на одежду и развлечения и почти не употребляют алкогольные напитки.

3. Важно поддерживать китайскую культуру.

С точки зрения русских, несмотря на приток все большего числа китайцев в Россию, китайские иммигранты не разрывали связи с родиной. Во-первых, сохранялись их родной язык, национальная еда, традиционные праздники, обряды и национальные костюмы, во-вторых, изготавливались китайские вывески в общественных местах. Например, китайские магазины, особенно небольшие и средние, как правило, были полны национального колорита; возле входа вешали красочную вывеску на холсте, нарисованную китайскими иероглифами. Такой образ жизни обеспечивал максимальный психологический комфорт. Дело в том, что китайцы не стремились селиться в России, им было свойственно сильное желание вернуться домой, они считали, что пребывание в России носит временный характер. Русских очень удивляло, что у китайцев не было в России жен и семей, что они не строили для себя постоянных домов. Семья должна была оставаться в Китае, на родине, а единственное, к чему стремился китаец, – это к тому, чтобы скопить немного денег или золота, а затем вернуться в страну.

Данные факторы, несомненно, влияли на восприятие жителями Дальнего Востока китайских иммигрантов и воздействовали на то, что в литературе того периода китаец – это необычный человек, чужак, совершенно непохожий на русских людей.

Заключение

С 1870 по 1937 год китайцы составляли основной массив мигрантов на Дальнем Востоке России. Хотя они и стали рабочей силой, от которой зависело дальневосточное общество и местные жители, их все же неизбежно считали «русскими чужаками» и даже «второсортными жителями» Дальнего Востока. Китайцы страдали от дискриминации, поскольку на Дальнем Востоке их называли «манзы» (варвары), «ходя» (на побегушках), «китаюза» (китайцы) и «купеза» (разносчики). Эти термины выражали отношение россиян к китайским иммигрантам, порой презрение и высокомерие. С одной стороны, Дальний Восток полностью зависел от китайской рабочей силы, товаров и услуг, с другой – он боялся этой «желтой опасности» и считал, что китайские иммигранты гораздо страшнее армий и военных кораблей. Все это

вкупе составляло противоречивую и сложную картину зависимости России от китайских иммигрантов и одновременно неприязни к ним. Поэтому такие прекрасные качества китайцев, как трудолюбие и взаимопомощь, а также умение вести дела, могли получить от россиян негативную эмоциональную окраску. Китайские иммигранты рассматривались как потенциальная угроза и чрезвычайно опасные конкуренты на Дальнем Востоке. В то же время закрытость групп китайских иммигрантов

и их сопротивление ассимиляции также являлись значимыми характеристиками дальневосточных китайцев, препятствующими их интеграции в местное общество.

Всё это не могло не отразиться в литературе и формировало образ китайца как постоянно работающего человека, принадлежавшего к низшим слоям общества, а также курильщика опиума, в целом – как человека чужого, значительно отличающегося в культурном плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирова Д.А. Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Владивосток, 2005. – 20 с.
2. Дудченко Г.Б. Китай и Дальний Восток России: к вопросу о демографическом дисбалансе // Вестник Евразии. 2002. № 3. С. 142-149.
3. Забияко А.А., Сенина Е.В. Образ восприятия Китая и китайцев в русской дореволюционной литературе и публицистике XX в. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. № 4. С. 212-219.
4. Крылова М.Н. Символика Китая в современной русской литературе // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 227-235.
5. Март В. Песенцы: Китайские этюды. Стихи. Харбин: Кооператив, 1922. 14 с.
6. Нин Яньхун. Столетняя история китайских мигрантов. Гуанчжоу: Изд-во Цзинаньского ун-та, 2019. 364 с.
7. Рябченко Н.П. Дружественные связи России и Китая на Дальнем Востоке: история и современность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 3 (10). С. 9-16.
8. Сенина Е.В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в.: дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2018. 246 с.
9. Тань Я., Чжан Ян. Исследование исторических данных эмиграции из Китая 1920-1930 гг. // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 2. С. 64-67.
10. Ходяков М.В. Российское законодательство начала XX века об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 78-83.
11. Чжао Чуньфан. Отчет о собрании пограничных дел // Айгунский Районный архив. Ф.: Айгунские архивы. Оп.: Иностранные дела. Д. 13.
12. Чэн Хун, Ван Сюй. К вопросу о китайской эмиграции в Россию (середина XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 2021. № 1. С. 109-120.

© Мэн Фаньхун (479884839@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА СУЛЕЙМАНА АЛЕСКЕРОВА

Нифтиева Улфат Намиг кызы

Диссертант, Бакинская музыкальная академия им. У. Гаджибекова
ulfatniftiyeva@gmail.com

SOME FEATURES OF THE VOCAL CREATIVITY OF SULEIMAN ALESKEROV

U. Niftiyeva

Summary: The presented article analyzes some of the features of the vocal creativity of the outstanding composer and teacher, People's Artist of Azerbaijan, Professor Suleiman Aleskerov. The author characterizes the songs by subject matter, ideological content and genre characteristics. The source of songs and romances is determined by mugam-intonation, structural and compositional features on which folk song art is based. Almost all mughams were widely used in S. Aleskerov's songs - shushtar, shur and bayati-shiraz, rast, seigah, etc. From the point of view of structure, most of S. Aleskerov's songs, as in folk music, have a verse-chorus form. The main object of the analysis in the article was the study of the musical form, mugam, rhythmic, harmonic and melodic language of songs and romances.

Keywords: Suleiman Aleskerov, vocal creativity, song, romance, musical analysis, mugham, style.

Аннотация: В представленной статье анализируются некоторые особенности вокального творчества выдающегося композитора и педагога, народного артиста Азербайджана, профессора Сулеймана Алескерова. Автор характеризует песни по тематике, идейному содержанию и жанровым особенностям. Источник песен и романсов определяется мугамно-интонационными, структурными и композиционными особенностями, на которых строится народное песенное творчество. В песнях С. Алескерова широко применялись практически все мугамы - шуштар, шур и баяты-шираз, раст, сейгах и др. С точки зрения структуры, большинство песен С. Алескерова, как и в народной музыке, имеют куплетно-припевную форму. Основным объектом анализа в статье стало изучение музыкальной формы, мугамного, ритмического, гармонического и мелодического языка песен и романсов.

Ключевые слова: Сулейман Алескеров, вокального творчества, песня, романс, музыкальный анализ, мугам, стиль.

Народный артист республики, лауреат Государственной премии, талантливый дирижер, известный педагог, общественный деятель, профессор С. Алескеров – один из композиторов, занимающих почетное место в истории и развитии азербайджанской музыки. Его творчество – яркая страница в истории азербайджанской профессиональной музыки. Своеобразный языковой стиль, принципы и особенности индивидуального творчества композитора, обогащающегося народным творчеством, привлекают внимание во всех его произведениях.

Музыка С. Алескерова отличается веселым, радостным настроением, эмоциональностью и искренностью мысли. Актуальные проблемы дня, жизнь наших современников, их мечты и желания, прославление Родины, трудовые достижения нашего народа - все это находит свое отражение в творчестве С. Алескерова.

С. Алескеров родился 22 февраля 1924 года в городе Шуша. Юный Сулейман, получивший начальное образование в Шуше, после окончания класса тара Музыкального училища приехал в Баку и в 1941 году поступил в Азербайджанскую государственную консерваторию. Здесь С. Алескеров, учась у У. Гаджибекова и Б. Зейдмана, овладел секретами композиторской деятельности.

С. Алескеров обладает богатым музыкальным наследием. Композитор является автором 2-х опер («Bahadır və Sona» («Бахадур и Сона») и «Solğun çiçəklər» («Увядавшие цветы»)), 12-и музыкальных комедий, 2-х симфоний («Gənclik» («Юность») и «Vətən» («Родина»)), симфонического мугама «Баяты-Шираз», «Двойного концерта» для виолончели, фортепиано и симфонического оркестра, «Увертюра» для симфонического оркестра, 2-х симфонических поэм, 6-и кантат, ряда камерно-инструментальных произведений, 3-х концертов оркестра азербайджанских народных инструментов с таром и произведений разнообразных жанров, сочиненных для хора, для оркестра народных инструментов. С. Алескеров скончался 20 января 2000 года.

Одним из широко распространенных примеров вокальной музыки в творчестве С. Алескерова является песенный жанр. Композитор является автором более 200 песен. Песенное творчество композитора по тематике и идейному содержанию можно сгруппировать следующим образом:

1. Песни о Родине;
2. Песни о любви;
3. Песни, воспевающие природу Азербайджана, его загадочную красоту;
4. Песни, посвященные героям труда;
5. Песни на молодежную тему;

6. Праздничные песни;
7. Детские песни.

В его песенном творчестве золотой чертой проходит тема любви к Родине, родной земле, краю, патриотизма. Будучи сыном народа, композитор словно под звуки музыки путешествует по Мили, Мугани, каждому уголку своей родины и озвучивает в своем сердце голоса красот, которые он видит повсюду. Композитор написал много песен на тему патриотизма. В качестве примера могут служить «Карабах» («Qarabağ») (на слова С. Рустам), «Хлеб нашей Родины» («Bizim vətən çörəyi») (на слова А. Гиясли), «Песня о мужестве» («Hünər nəğməsi») (на слова М. Араза), «Желание земли» («Torpağın arzusu») (на слова Т. Таисоглу), «Моя Родина» («Vətənim») (на слова Х. Зия) и др. [1-3].

Сулейман Алескеров в своей песне «Моя Родина» на слова Хикмета Зия выражает свою ненасыщенность сладостью, красотой, солнцем, водой и воздухом своей родины [2. С. 91–93]. Песня, написанная в темпе *moderato con moto*, в размере 6/8, основана на отделении «Шикастеу-фарс» мугама «Сейгах» тоники «Ми» [4, 5]. Если обратимся к музыкальному анализу, мы можем сказать, что песня состоит из вступления, куплета и припева. Вступление мелодии представлено двумя предложениями – в форме А+А1. Предложение А, состоящее из 4 тактов, и предложение А1, данное в относительно измененной форме и которое также содержит 4 такта, исполняются под сольным аккомпанементом фортепиано. В последних 2-х тактах введения происходит процесс подготовки к периоду. Период песни, написанной в отделении «Шикастеу-фарс» сейгах тоники «Ми», состоит из 3-х предложений (А+А1+В). Каждое предложение состоит из 4-х тактов. В припеве, основанном на отделении «Шикастеу-фарс» и данном в 2-х предложениях (С+С1), мелодия меняется.

Песни, написанные на тему любви, занимают важное место в творчестве Сулеймана Алескерова. Песни «Ты звезда» («Ulduzımsan») (на слова Т. Эйубова), «Знай, любимая» («Bilsin yar») (на слова Н. Гянджали), «Сероокая» (на слова Р. Рзы), («Первые воспоминания») («İlk xatirələr») (на слова И. Сафарли), «Я знаю, что ты идешь» («Bilsəm sən gəlirsən») (на слова З. Гамидоглу), «Я пришел» («Gəlmışəm») (на слова Ф. Гаджиевой), «Когда два сердца – одно» («İki könül bir olanda») (на слова А. Гиясли) и многие подобные песни отличаются изяществом, красотой и нежностью [1-3]. Песня С. Алескерова «Я знаю, что ты идешь» опирается на интересную по ладо-тональности структуру [3. С. 35–37]. Здесь взаимозаменяемость тонов посредством секвенции, ссылка на последовательность своеобразных функциональных гармонических аккордов выражают гармоничность индивидуального языка, стилистических особенностей композитора.

Песня написана в простой двухчастной форме, состоящей из куплета и припева, и носит лирический характер. Инструментальное вступление, сочиненное на «b moll», основываясь на лад «Шуштер», с размером такта 2/4, начинающееся в темпе «Moderato cantabile» и с динамическим знаком «mf <», опираясь на последовательность аккордов с функцией «S-t», основывается на нижней по ступеням секвенции небольшого мотива и повторяется репризой дважды.

Первая часть простой двухчастной формы, то есть «А», означает куплет, а вторая часть «В» – припев. Куплет, начинающийся словами «Bilsəm sən gəlirsən», образует форму простого квадратного периода, состоящую из динамического знака «p», вопросов и ответов. Вопросительное предложение периода сопровождается последовательностью гармонических аккордов с функцией «t-VII₂-t-t6-t». В этом выражении, изложенном на ладе «Шуштер», предпочтение отдается хроматизму, направленности, что является характерной чертой содержания текста (пример 1).

В ответном предложении периода это выражение завершается последовательностью гармонических функциональных аккордов «t-VII-VII₂-D-t» применительно к тонике лада «Шуштер» (пример 2). Куплет как форма полного квадратного периода повторяется дважды с другим текстом со знаком репризы, но согласно стихотворению. Вторая часть простой двухчастной формы, мотив припева, образующего второй период, отражена в инструментальном вступлении песни.

Припев начинается со слов «Yoxluğun dağ çəkir». В припеве песни, написанной на тональности «b moll» привлекают внимание акцент на «Ges dur» и повторное возвращение к «b moll», что воспевают содержащиеся в тексте тревожные чувства. При аккомпанировании находят свое отражение последовательности и направления аккордов с функцией «s-s₆-t₆-D₆-VI-VII₂-t» (пример 3).

Ответное предложение припева начинается с начального выражения в форме вопросительного предложения. На этот раз, однако, завершают припев направленность на «Des dur», а затем – на «Es dur» и повторное возвращение к «b moll». При аккомпанировании в таких направленностях как «II₇→III-s-t₆-D→II-t» привлекают внимание такие тональности как Des, Es, F.

Таким образом, завершается простая двухчастная форма «АВ», то есть первый куплет и припев песни. Второй куплет и припев песни, а также третий куплет и припев повторяются так же, как первый куплет и припев. В повторах, содержащихся в куплетах, происходят изменения в тексте.

Композитор-патриот, будучи верен своей Родине,

воспел на языке музыки каждую красоту, которую видел на земле, где жил. Красоты родины и ее загадочная природа вдохновляли композитора на творчество. Примерами таких песен могут служить «Гей-гель» («Göy-göl») (на слова А. Зиятая), («В Нафталане») «Naftalandadır» (на слова Г. Векилова), «Мингячевир» («Mingəçevir») (на

слова Н. Гянджали), «Мой Агдам» («Ağdamım mənim») (на слова А. Гиясли), «Красивая шуша» («Gözəl Şuşa») (на слова Ш. Гурбанова) и другие [2-3]. С этой точки зрения, следует особо отметить песню «В Нафталане», написанную на слова Г. Вакилова [2. 26-31]. Обратив внимание на слова песни, заметим: поэт говорит, что красота, источ-

Bil - sən sən gə - lir - sən, i - nan o gün - dən

Пример 1. С. Алескеров. Песня «Я знаю, что ты идешь»

gəl - di - yin yol - la - ra sə - pə - lə - nər - dim

Пример 2. С. Алескеров. Песня «Я знаю, что ты идешь»

Yox-lu-ğun dağ çə-kir, yox-lu-ğun dağ çə-kir mə-nə gün-bə - gün

Hər ağ-lı qa - ra-lı, hər ağ - lı qa-ra - lı xa - ti - rən ü - çün.

Пример 3. С. Алескеров. Песня «Я знаю, что ты идешь»

ник жизни, уголок сострадания, лечение находятся в Нафталане. И С. Алескеров, с любовью переведя эти слова на музыкальный язык, создал со своей композиторской душой красивую песню. Если обратимся к музыкальному анализу, можем отметить, что песня, состоящая из вступления, куплета и припева в темпе *moderato con moto*, размером 2/4, основывается на мугам «*Segah*» с тоникой «*Sol*».

С. Алескеров был одним из композиторов, заложивших основы песенного жанра, посвященного героям труда, и постоянно развивавших его. Композитор написал более 30 песен, посвященных героям труда. В качестве примеров могут служить песня «Мастер Мамед» («*Usta Məmməd*») (на слова А. Агаева), посвященная Герою социалистического труда Мамеду Гусейнову, песни «Песня о Ягубе Рустамове» («*Yağub Rüstəmov haqqında mahnı*») (на слова Н. Гасанзаде), «Песня о Севиль Алиевой» («*Sevil Əliyeva haqqında mahnı*») (на слова А. Кюрчайлы), «Рахила» («*Rəhilə*») (на слова А. Джамиля), «Зарифа» («*Zərifə*») (на слова М. Алима), «Айбениз» («*Aybəniz*») (на слова Р. Зяка) и другие [2-3]. Слушая эти произведения, каждый труженик видит отношение к своему труду и, вдохновляясь этими музыкальными чувствами, еще больше привязывается к нему. Одной из песен С. Алескерова на тему героизма является «песня о Ягубе Рустамове» [3. С. 10-13]. Песня на слова Наримана Гасанзаде посвящена известному помощнику мастера Мингячевирской шелковой фабрики Ягубу Рустамову. Обратив внимание на музыкальный анализ, мы заметим, что песня написана на основе мугама «*Segah*» с тоникой «*sol*» и мугама «*Шуштар*» с тоникой «*mī bəmol*» [4-5]. Песня, написанная в темпе *moderato cantabile* и размером 6/8, состоит из вступления, куплета и припева. Вступление представляется сольным исполнением на фортепиано. Два предложения состоят из 6-и тактов. Первое предложение заканчивается на шестой ступени *шуштара* с тоникой «*mī bəmol*», а второе предложение – на четвертой ступени *сейгаха* с тоникой «*sol*». Второе предложение вступления дается на одну октаву выше, как вариант первого предложения. В то же время, последний такт вступления заканчивается в тонике *сейгаха* с тоникой «*sol*». Куплет песни дан в виде периода, состоящего из двух предложений. Каждое предложение состоит из 6-и тактов. Оба предложения периода повторяются в виде вариантов. В целом, период состоит из 24-х тактов.

Сулейман Алескеров обратился также к песням на молодежную тему. Например: «Огненная сердца» («*Od ürəkli*») (на слова А. Векила) [6], «Песня Улдуз» («*Ulduzun mahnısı*») (на слова С. Рахмана) [7], «Вызов единства» («*Birlik çağırışı*») (на слова А. Гиясли) [8], «Вершины» («*Zirvələr*») (на слова Т. Муталлимова) [9] и другие. В этих песнях композитор, нравственно воспитывающий молодое поколение и вооружающий ее высокими моральными

качествами, призывает молодежь к мужеству, единству и борьбе.

На протяжении веков наш народ с большим энтузиазмом и воодушевлением отмечает праздник «Новрузбахар». Этой прекрасной традиции посвятил песни и С. Алескеров. Одна из таких песен – «Весенняя праздничная песня» («*Yazın bayram nəğməsi*») [2. 12-14]. Эта песня, написанная на слова Х. Зия, словно создает праздничную картину, возрождая на наших глазах великолепное народное веселье.

С. Алескеров сочинил также детские песни. В качестве примера могут служить такие песни как «Песня школьников» (на слова Г. Фазли) [10], «Мир встает за мир» (на слова стихи И. Сафарли) [11] и др. В этих песнях композитор с большим воодушевлением воспеваешь радость и счастье детей.

Наряду с песнями, особое место в творчестве композитора занимают романсы. Многие его романсы написаны на стихи и газели наших классиков. В частности, газели-романсы «Друг мой прекрасный» («*Sərvı xuramanım tənım*») (на слова Н. Гянджеви) [12. 73-84], «Моя Родина» («*Vətənimdir*») (на слова М. Физули) [13], «Что мне делать» («*Neylətəm*») (на слова И. Насими) [3. С. 45-52] со дня сочинения по сей день с любовью исполняются нашими известными певцами и завоевывают симпатию меломанов. Интересны и приятны также произведения С. Алескерова, написанные в жанре песни-романса. Самые популярные из них, романсы «Не обижусь» (на слова М. Мушфига), («Вспомнил тебя») («*Yada düşdü*») (на слова Дж. Джаббарлы), «Я не знаю» («*Bilmirəm*») (на слова М.А. Сабира) различаются по разнообразию, являются неповторяющимся музыкальными образцами [1-3, 14].

Романс «Не обижусь», написанный композитором на слова талантливого поэта М. Мушфига, носит лирический характер. Это простое двухчастное произведение в форме «АВ», размером такта 6/8, написанное в темпе «*Andante con moto*», в тональности «*h-moll*», начинается инструментальным вступлением с динамическим знаком «*p*<». Вступление основано на мотиве ответного предложения в первом периоде двухчастной формы – в «А». Первые четыре такта, сопровождаемые доминирующей функцией, затем исполняясь в октавах, выражают величие и страсть внутренних чувств и мыслей (пример 4).

Первый период – «А» – начинается словами «Соловей я и на розу иногда сержусь» в «*h-moll*» с динамическим знаком «*sfz*». Четырехтактное выражение, исполняемое в сопровождении последовательностями аккордов с функцией «*t-t-D-II-t-II-DD₇-D₇-t*», повторяясь с некоторыми изменениями, завершает вопросительное предложе-

ние периода (пример 5).

Вторая часть романса период «В» начинается словами «но вовек на тебя не обижусь я», динамическим знаком «*mf*», с сопровождением последовательностей аккордов с функцией « $D_7-t-II-II_{65}-S-DD-DD_7-D_7$ ». Здесь постепенное направление динамического знака «*f*», ме-

лодии к высокой ноте означает возвышение чувств нежности, любви (пример 6).

Ответное предложение периода начинается со слов «поверь мне, в сердце нет обид на тебя», с динамического знака «*p*». Линия развития повышается до кульминации. Кульминация романса находит свое подтверждение

The image shows the first system of piano accompaniment for the song 'Не обижусь'. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature has two sharps (F# and C#), and the time signature is 3/4. The music begins with a piano (*p*) dynamic. The right hand features a melodic line with eighth and sixteenth notes, while the left hand provides a steady bass line with quarter notes. A large slur covers the first two measures of the right hand.

Пример 4. С. Алескеров. Романс «Не обижусь»

The image shows the second system of the musical score, including a vocal line and piano accompaniment. The vocal line is on a single staff with lyrics in Russian: "Со-ло-вей я и на ро-зу и-ног-да сер-жусь,". The piano accompaniment consists of two staves (treble and bass clef). The dynamic marking *sfz* (sforzando) is present at the beginning of the piano part. The vocal melody is simple and follows the rhythm of the piano accompaniment.

Пример 5. С. Алескеров. Романс «Не обижусь»

На род-ных, на дру-зей рас - сер - жуть ско - рей, о мой друг,

На - род-ных, на дру - зей рас - сер - жуть ско - рей,

Пример 6. С. Алескеров. Романс «Не обижусь»

по-верь мне, всерд-це нет о - бид на те - бя,

по-верь мне, всерд-це нет о - бид на те - бя,

Пример 7. С. Алескеров. Романс «Не обижусь»

фермой с сопровождением последовательностями аккордов с функцией «T-S₆₄-IV₇-D₇» (пример 7).

Романс заканчивается словами «Səndən küsmüşəm», динамическим знаком «pp», словами «Не обижусь» в тональности «h-moll» с последовательностями функциональных аккордов «D₆₄-S₆₄-D₆-D₆₄-S₆₄-D₆-t».

Таким образом, в статье раскрываются тема и идейное содержание вокального творчества выдающегося азербайджанского композитора Сулеймана Алескерова. В исследовании обращается внимание на национально-мугамные основы песен и романсов. Анализируются музыкальная форма, ритм, мелодический и гармонический язык вокальных произведений композитора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алескеров С.А. Лирические песни (для исполнения с фортепьяно). Баку: Азербайджанский государственный музыкальный издательский дом. 1958, 30 с.
2. Алескеров С.А. Песни труда и отваги. Баку.: Издательство свет. 1990, 94 с.
3. Алескеров С.А. Песни храбрость и сердца. Б.: Издательство свет. 1978, 73 с.
4. Гаджибеков У.А. Основы азербайджанской народной музыки. Баку: Язычы, 1985, 152 с.
5. Шихалиев И. Ладовая теория азербайджанской музыки. Баку: Зардаби-издательская полиграфия, 2015, 172 с.
6. Алескеров С.А. Огненная сердца. Б.: Издательство Свет. 1981, 10 с.
7. Алескеров С.А. Песня Улдуз. Азербайджанское государственное музыкальное издательство. 1952, 5 с.
8. Алескеров С.А. Вызов единства. Издательство свет. 1992, 15с.
9. Алескеров С.А. Вершины. Издательство свет. 1984, 15 с.
10. Алескеров С.А. Песня школьников. Баку: Азербайджанское государственное музыкальное издательство. 1952, 4 с.
11. Алескеров С.А. Мир встает за мир. Азербайджанский государственный музыкальный издательский дом. 1950, 5 с.
12. Песни и романсы Азербайджанских композиторов на газели Низами: для голоса и фортепиано. Баку: Азернешр, 1947. 104с.
13. Алескеров С.А. Это моя родина. Издательство свет. 1982, 8 с.
14. Алескеров С.А. Песни (для голоса с фортепьяно). Баку: Азербайджанский Государственный Музыкальный Издательский Дом, 1960, 15 с.

© Нифтиева Улфать Намиг кызы (ulfatniftiyeva@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Бакинская музыкальная академия им. У. Гаджибекова

ПЕВЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ЦЕННОСТНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ «НОВЫХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН» КАК ТВОРЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЭПОХИ В РАЗВИТИИ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Чжао Мэн

*Аспирант, Российский государственный педагогический
Университет им. А.И. Герцена
zhaomeng0819@mail.ru*

SINGING CHARACTERISTICS AND VALUE EMBODIMENT OF "NEW FOLK SONGS" AS A CREATIVE FEATURE OF THE MODERN MUSICAL ERA IN THE DEVELOPMENT OF CHINESE CULTURE

Zhao Meng

Summary: Folk song is an ancient art form of the Chinese people. Chinese folk songs are an important part of China's centuries-old traditional culture, the soul and symbol of the Chinese nation. The culture of Chinese folk songs is vast and comprehensive, and the content of folk songs covers science, culture, anthropology, ethics, sociology and other humanities. However, over time, folk songs undergo a transformation, as evidenced by the appearance of "New Folk Songs" in the XX century. In modern society, "New Folk Songs" became the center of public attention, and their appearance led Chinese musical creativity away from the original ancient folk songs. In the long history of the Chinese people, the artistic form of folk songs developed and was transmitted along with history. New folk songs based on traditional culture unite nationality with popularity, the modern era, and also unite the cultural and economic interests of the state into a single whole. This not only takes into account the new aesthetic psychology and the needs of people in a new era, but also many other factors in accordance with modern aesthetic standards. This article first defines folk songs, new folk songs, and then explains the general situation with the popularization of "New Folk Songs" in China. The article focuses on the popularization of folk songs, their modern interpretation and performance options with the help of modern musical instruments. The article examines the trend of transformation and adaptation of folk music into the so-called "New Folk Song", which reflects modern trends in music, understandable to the broad masses of the Chinese population.

Keywords: folk music, new folk songs, popularization of new folk songs, musical trends, music history, PRC, musical culture, traditional culture.

Аннотация: Народная песня – древний вид искусства китайского народа. Китайские народные песни являются важной частью многовековой традиционной культуры Китая, душой и символом китайской нации. Культура китайских народных песен обширна и всеобъемлюща, а содержание народных песен охватывает науку, культуру, антропологию, этику, социологию и другие гуманитарные науки. Однако с течением времени, и народные песни претерпевают трансформацию, о чём свидетельствует появление в XX веке «новых народных песен». В современном обществе «новые народные песни» стали центром общественного внимания, и их появление увело китайское музыкальное творчество от оригинальных древних народных песен. В долгой истории китайского народа художественная форма народных песен развивалась и передавалась вместе с историей. «Новые народные песни», основанные на традиционной культуре, объединяют национальность с популярностью, современной эпохой, а также объединяют культурные и экономические интересы государства в единое целое. Это не только учитывает новую эстетическую психологию и потребности людей в новую эпоху, но и многие другие факторы в соответствии с современными эстетическими стандартами.

В данной статье сначала дается определение народных песен, «новых народных песен», а затем объясняется общая ситуация с популяризацией «новых народных песен» в Китае. В статье делается акцент на популяризацию народных песен, их современную интерпретацию и варианты исполнения с помощью современных музыкальных инструментов. В статье исследована тенденция трансформации и адаптации народной музыки в так называемую «новую народную песню», которая отражает современные тенденции в музыке, понятные широким массам населения Китая.

Ключевые слова: народная музыка, новые народные песни, популяризация новых народных песен, музыкальные тенденции, история музыки, КНР, музыкальная культура, традиционная культура.

В результате глобальных реформ и всеобъемлющей политики открытости китайское общество претерпело значительные изменения во всех сферах жизни, и в особенности в области культуры. Материальная жизнь людей существенно улучшилась, а их духовная и культурная жизнь значительно обогатилась.

Китайская история, уходящая корнями в глубокую

древность, за многие столетия обогатилась народными мотивами отразившимися в музыкальном творчестве. Народные песни берут свое начало из реального творчества и жизни трудящихся. Народные песни – это квинтэссенция национальной культуры, воплощающая национальный дух, характер, темперамент, психологию, местные обычаи и эстетическую привлекательность на-

ции. Оригинальные народные песни в разных уголках Китая имеют давние традиции. Под влиянием современного экономического, политического и культурного фона в них проявились многие черты новой эпохи [11, с.140].

С постепенным развитием этих характеристик новая эпоха стала приобретать «новые народные песни» с современными музыкальными характеристиками и новейшими музыкальными стилями, благодаря влиянию общества и её собственной эстетической логики, представляющей собой художественные особенности, отличные от традиционных народных песен. «Новые народные песни» имеют отличительные черты времени. Эстетические характеристики в основном включают народные напевы, популярные мотивы и влияние музыкальной моды, но среди них народные характеристики являются основными признаками новых народных песен [5, с.18].

1. Интерпретация «новых народных песен»

Создание «новых народных песен» имеет своеобразие собственные тенденции в смысле воплощения идейного замысла. Разнообразные стили произведений не могут быть в полной мере реализованы чистым народным пением. Более того, популярные и модные элементы включаются в создание современных народных песен. Многие певцы заимствовали у Запада стилистику, манеру поведения, артистические приемы, исполняя «новые народные песни». Музыкальные атрибуты, основанные на традиционном пении народных песен, включают в себя характеристики более популярной музыки, делая её более доступной и понятной. Исполнитель берет основной тон традиционных народных песен в качестве своей ведущей черты и в то же время интегрирует в него современную музыку, раскрывает личность современных людей, приближая их к реальной жизни и объединяя популярное пение в современном стиле с традиционным пением, чтобы публике было легче его принять. Таким образом, новый метод пения отражает современную моду и тенденцию к возрождению, и популяризации народных песен [9, с.154].

Традиционные народные песни представлены китайской публике через качественно новую манеру исполнения, включающую современные методы интерпретации музыки. «Новые народные песни» – это разностороннее проявление возможностей исполнителей, разнообразной тематики песен и современные возможности трансформации сцены как основы музыкально-театрального действия. Эти проявления в основном отражаются в следующих аспектах:

1. По сравнению с традиционными народными песнями, навыки пения и стиль «новых народных песен» сильно изменились.

Исполнители «новых народных песен» могут анализировать характеристики и стили песен и использовать соответствующие им методы. С улучшением способности слушателей к восприятию музыки традиционный метод пения народных песен оказался неспособен удовлетворить потребности людей. Поэтому исполнитель включает в «новую народную песню» новейший метод пения, благодаря которому песня звучит мягче и нежнее. Эти изменения позволили народной песне представить новый смысл [10, с. 42].

Первым методом является голосовой метод исполнения народных песен. Этот метод построен на основе профессиональных знаний и умений, включая дыхание, использование горла, оральный резонанс и особого способа произнесения слов.

Второй метод – это эмоции, что требуют, от певца обладания сильным чувством воспроизведения слов и мелодии. Например, при хоровом исполнении, делается упор на звуковую часть, и игнорируются эмоции, что никогда не позволит качественно исполнить певческую партию.

Причина, по которой голосу уделяется слишком много внимания, заключается в том, что возможности певца ограничены. Во время исполнения музыкальной партии вокалист всегда обращает внимание на дыхание, и готовится к переходу на высокий тон, и когда он достигается, неизбежно исчезает эмоциональная составляющая. Поэтому, «звукэмоциональная» практика очень важна, так как привлекательность исполнения песен становится сильнее.

С современной точки зрения, когда выражаются традиционные вокальные произведения, их необходимо эффективно интегрировать в соответствии с мелодией песни или тонами текста. В процессе интеграции возникает высокий спрос на мысли и эмоции, а в процессе эмоционального выражения требуется точное знание языковых особенностей. Чтобы сохранить ясность интерпретации и позволить настроению произведения показать идеальную насыщенность необходимо реализовать правильное понимание настроения песни [13, с.135].

Третий – чувственный метод. Он зависит от того насколько у исполнителя присутствует врожденное или привитое чувство музыки и в каком объеме они могут им воспользоваться. Чувства каждого исполнителя различаются, что влияет и на то, как они подходят к исполнению той или иной песни.

Четвертый метод – чувства ритма и интонации. Это талант. Исполнение песен требует такой основы. Хотя исполнители и не должны быть выдающимися, но они не должны быть и слабыми. От осознания и ощущения темпа, метра, тона и интенсивности, музыкальной формы и её протяженности зависит точное интонационное исполнение мелодии.

Пятый метод олицетворяет качество исполнения. В этом и есть разница между певцами-любителями и певцами-профессионалами. По сравнению с настоящим качеством по звуку, эмоциям, чувствам, ритму и интонации многие певцы-любители практически не уступают профессиональным музыкантам-исполнителям, однако разрыв заключается в качестве, так как многолетняя исполнительская практика, имеющая прочную теоретическую основу, всегда будет обладать преимуществом [1, с. 98].

2. Форма аккомпанемента «новых народных песен» претерпела изменения во многих аспектах.

Вокальное сопровождение – это развивающийся метод пения «новых народных песен», а вокальный ритм аккомпанемента делает певческий голос более сильным и глубоким. Кроме того, быстрое развитие электроакустических групп, объединение национальных музыкальных инструментов и электронных музыкальных систем и программ, используемых в современной музыке, привело к замене единого оркестра, таким образом, что «новые народные песни» стали более популярными и глобализованными. «Новые народные песни», благодаря современным методам электронно-музыкальной интерпретации, становятся популярными во всем мире, так как их понимают, принимают и любят широкие массы слушателей [12, с. 138].

3. Одной из важных особенностей «новых народных песен» является визуальная выразительность.

Во время выступления на сцене исполнителям необходимо выполнять больше координационных задач. Эмоциональная атмосфера требует разного освещения, яркого или темного, общего или индивидуального, точечного стационарного или динамического в сочетании с использованием мультимедийных технологий, новых медиа, большие экраны показывают публике совершенно новую современную сцену для «новых народных песен» [8, с. 9].

2. Певческие характеристики «новых народных песен» (язык, тембр, дыхание и д.р.)

1. Языковые особенности исполнения «новых народных песен».

Именно из-за разнообразия языков в разных странах

и регионах стили пения всех стран мира являются богатыми и красочными. Особенности языка определяют стили вокальной музыки разных национальностей.

Народная песня – это вокальная музыкальная культура, которая формировалась и развивалась шаг за шагом в процессе длительного исторического процесса и жизни народа, импровизации и деятельности, в том числе и «сарафанного радио», передачи песен из «уст в уста». Очень важную роль в исполнении народных песен играют разные национальности, местные языки, и этнические наречия. Для хорошего исполнения народных песен необходимо полностью понимать языковые особенности национальностей или регионов, к которым они принадлежат. Только так можно ярко интерпретировать диалектные характеристики и народные обычаи «новых народных песен». Поскольку происхождение народных песен неразрывно связано с диалектами, то для того, чтобы петь аутентичные народные песни, необходимо владеть местным языком [4, с. 130].

2. Характеристики дыхания при исполнении «новых народных песен».

Для повышения качества исполнения народных песен, наиважнейшим является научное использование дыхательного метода исполнения народных песен. Атмосфера пения традиционных народных песен требует глубокого дыхания, полной памяти, гибкости дыхания. Пение «новых народных песен» наследует традиционные методы дыхания народных песен и включает особые характеристики певческого дыхания, такие как повышение дыхания, остановка дыхания, и закрытие дыхания.

В применении разных способов певческого дыхания «новых народных песен» используется дыхательный метод *Bel canto*, в то время как при исполнении традиционных народных песен в основном используется грудное дыхание, а не брюшное дыхание. *Bel canto* фокусируется на использовании комбинированных методов грудного и брюшного дыхания, которые делают голос более полным, округлым и плавным [2, с. 187].

3. Тембровые характеристики исполнения «новых народных песен»

Во время исполнения народных песен вокалист может использовать разные тембры, чтобы выразить различные коннотации и эмоции произведения. При исполнении «новых народных песен» из-за различий между разными этническими и региональными певческими стилями различается и использование тембра.

Тембр отражает характеристики голоса каждого, и в мире не существует идентичного тембра. Тембр людей может измениться из-за возраста или по другим при-

чинам, и это изменение нельзя контролировать. Невозможно сделать свой голос таким же, как у кого-то другого. Например, при исполнении народных песен в северной провинции Шэньси певец должен контролировать движения своего горла, чтобы певческий тон был более локальным [14, с. 77].

В определенной степени китайский язык является одним из важных факторов национальной вокальной музыкальной культуры Китая, а также обладает уникальными фонологическими характеристиками нации. Например, четкий, концентрированный, звонкий и т.д.

В процессе звучания народная вокальная музыка более склонна к разнообразию тембров, которые не только отражают отличительные характеристики, но и особые атрибуты.

Зарубежная вокальная музыка сильно отличается от традиционной китайской вокальной музыки и поддерживает стандартизированный резонанс в фиксации тембра. Поэтому в процессе интеграции передачи вокальных данных и требований, предъявляемых к исполнителю, традиционная музыкальная культура должна уделять внимание тембру и звуку [6, с.225].

3. Ценность «новых народных песен»

1. Культурная ценность.

«Новые народные песни» в совокупности представляют культурную ценность страны. «Новые народные песни» Китая отражают основную культуру страны в определенный период, что является важным элементом времени в «новых народных песнях». Культурная ценность «новых народных песен» отражается в национальных особенностях и в наследии традиционной культуры в «новых народных песнях». Известно, что опера и народная музыка произошли от народных песен. В то же время местная опера и народная музыка способствовали развитию народных песен, добавляли новые элементы в народные песни и постепенно превращались в «новые народные песни» [15, с. 64].

2. Социальная и мировая ценность «новых народных песен» в новую эпоху.

«Новые народные песни» в основном созданы для того, чтобы их могли слушать в современном ключе, так как они наиболее близки к современной обыденной жизни людей. «Новые народные песни» не только обогащают развлекательную жизнь, но также служат обществу и способствуют его гармоничному развитию. Артисты используют уникальные способы исполнения «новых народных песен», чтобы выразить свои чувства. Восхваляя в песнях хорошую жизнь, они могут выразить и своё не-

довольство, тем самым отражая жизнь всего общества.

В связи с быстрым развитием науки и технологий сегодня глобальная интеграция экономики и культуры стала неизбежной тенденцией развития.

Народные песни как представители китайской национальной музыки будут играть незаменимую историческую роль в процессе глобализации народной культуры. Народные песни имеют ярко выраженные национальные особенности, но их содержание и выражение слишком единообразны, а их конкурентоспособность немного слабее, чем у западной музыки [3, с. 44].

Поэтому необходимо в полной мере использовать все преимущества китайской национальной музыки, основанной на собственном художественном стиле народной песни, интегрировать и использовать передовые методы, и выражения западной современной музыки. Музыковеды Китая, исполнители, не только могут сохранить сущность народных песен, но и в определенной степени должны противостоять вторжению чужих культур. В то же время необходимо повышать конкурентоспособность народного китайского песенного искусства в мире и продвигать народные песни на мировую арену. «Новые народные песни», которые активно внедряются, не только сохраняют культурные и художественные характеристики самих традиционных народных песен, но и лучше переносят и наследуют древние художественные формы китайской культуры. Кроме того, безграничный характер «новых народных песен» отражает космополитический характер «новых народных песен».

Международное распространение народных песен в новую эпоху соответствует развитию времени. Это позволяет международному художественному сообществу лучше понять китайскую национальную музыкальную культуру.

Чтобы сделать народные песни новой эры более удобными для международного распространения, в процессе создания фольклорные песни новой эры максимально принимают некоторые современные элементы и используют новый метод аудиовизуальной интерпретации для самовыражения. Отношение к международному распространению произведений является новаторской концепцией, отличной от традиционной эпохи [7, с. 6].

Поскольку китайские народные песни выходят на мировую музыкальную сцену, в новую эпоху, не следует недооценивать улучшение их художественно-эстетической ценности.

Заключение

Таким образом, развитие народных песен в новую

эпоху идет в ногу со временем. Наследие «новых народных песен» усиливает своё влияние благодаря вливанию элементов моды. Популярность «новых народных песен» уходит корнями вглубь истории китайской нации.

Популяризация «новых народных песен» может иметь определенный защитный эффект на оригинальные народные песни, но в то же время неизбежно разрушение, и музыканты должны осознавать масштабы этого. Причина, по которой китайские музыканты уделяют так много внимания оригинальным народным песням, заключается не только в том, что они являются культурным достоянием великой страны, но и потому, что песни поддерживают общую тенденцию развития китайской культуры в новом столетии. Необходимо сохранить «корни народного искусства» для процветания и популяризации традиционной культуры и местных народных песен.

Социальная среда для создания и распространения народных песен в новую эпоху изменилась. Поэтому, создавая народные песни, необходимо соответствовать новой социальной ситуации с одной стороны и соблю-

дать закон распространения и развития народных песен с другой стороны, и постоянно вводить новые идеи для создания народных песен.

В то же время важно иметь справедливое понимание и суждение о важности создании народных песен в новую эпоху. Следует избегать многих актов повторяющегося творчества, а также следует исключить некоторые грубые адаптации или даже создание так называемых «фиктивных» традиционных народных песен с бессмысленными текстами к ним.

Использование заимствования и методов музыкальной трансформации совместно с современными мультимедийными технологиями в музыке – это концептуальный путь развития, которым необходимо следовать при создании народных песен в новую эпоху. Таким образом, совершенно очевидно, что «новые народные песни» могут обеспечить постоянный источник вдохновения и продемонстрировать разнообразие элементов национальной вокальной музыки Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вэй Хуэйли. Дилема выживания и путь развития народных песен Хуэйчжоу в контексте глобализации. – Пекин: Издательство Современная музыка, – 2019. – № 6. – 98-99 с.
2. Гао Ин. Возникновение и популярность народных песен династии Хань с точки зрения музыкальной социологии. – Пекин: Издательство Современная музыка, – 2016. – № 19. – 87-88 с.
3. И Лиюань. Социальная среда и тенденции распространения китайских народных песен в новую эпоху. – Пекин: Издательство Художественная критика, – 2019. – 43-45 с.
4. Конг Минся. Анализ эволюции китайских народных песен. – Чифэн: Издательство Журнала Университета Чифэн (издание по философии и философским наукам, – 2019. – № 40. – 130-132 с.
5. Ма Лицзюнь. Об эстетической привлекательности и ценностной ориентации «Новых народных песен» в новую эру. – Пекин: Издательство Северная музыка, – 2016. – С.19.
6. Пан Ли. Последствие преподавания традиционной музыкальной культуры в вокальной музыке в высшем профессиональном образовании. – Пекин: Журнал профессионального колледжа Цзямусы, – 2019. – № 10. – 224-226 с.
7. Хэ Жуйцзюань. Путь к возрождению китайских народных песен в контексте новой эры: унаследование и развитие китайских народных песен из оригинального проекта по обучению талантов экологическим народным песням. – Нанкин: Издательство China Art News № 3. – 2017. – С.16.
8. Ци Цзюньцзоань. Современное эхо ханьских народных песен. – Пекин: Издательство Современная музыка, – 2017. – №12. – 8-10 с.
9. Цзинь Яо. Пересечение традиции и современности. Анализ характеристик нового музыкального языка народных песен и расширение инновационной ценности. – Пекин: Издательство Music Creation, – 2017. – № 7. – 153-155 с.
10. Цзян Линьфан. О характеристиках и причинах появления новых народных песен. – Шанхай: Популярная литература и искусство, – 2016. – С. 48.
11. Цзян Хуэйминь. О певческих характеристиках и ценностном воплощении «новых народных песен» в новую эру. – Пекин: Издательство Art Review, – 2017. – №8. – 139-142 с.
12. Чжан Вэйпан. Происхождение и развитие народной песни. – Пекин: Издательство Современная музыка, – 2015. – 136-138 с.
13. Чжан Цзянь, Чжан Чжибинь. Техника и индивидуальность в вокальном музыкальном искусстве, а также о реформе и инновациях в преподавании вокальной музыки в колледжах и университетах. – Пекин: Журнал Сианьской консерватории музыки, – 2014. № 2. – 134-138 с.
14. Чжуан Цюнь. Анализ развития китайских народных песен. – Пекин: Дом драмы, – 2021. – №16. – 77-78 с.
15. Чжан Юэ. В контексте новой эры создание песен должно «открывать» новые темы – с упором на «Симпозиум по созданию песен новой эры». – Пекин: Издательство Детская музыка, – 2018. – С.112

© Чжао Мэн (zhaomeng0819@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ КАК ВОЗМОЖНЫЙ РЕСУРС АДАПТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Киселева Анастасия Андреевна

Старший методист, Институт развития образования
Иркутской области
nk160493@gmail.com

Кузьмин Михаил Юрьевич

к.псих.н., Доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
университет»
mirroy@mail.ru

Стародубцева Галина Александровна

к.псих.н., Доцент, Институт развития образования
Иркутской области
g.starodubceva@iro38.ru

LIFE-MEANING ORIENTATIONS OF TEACHING STAFF AS A POSSIBLE RESOURCE OF ADAPTIVE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

**A. Kiseleva
M. Kuzmin
G. Starodubtseva**

Summary: The article presents a study of the life-meaning orientations of modern teaching staff, considered as a possible resource of an adaptive educational environment. The obtained results allowed the authors to identify the features of the life-meaning orientations of teaching staff in general, as well as depending on the specialty. The study revealed the homogeneity of the levels of life-meaning orientations and values among teaching staff in general; a low level of expression of life-meaning orientations, as well as negative connections between life-meaning orientations and values. It is likely that teaching staff have a discrepancy between the declared values and a sense of the meaningfulness of their actions, their subjectivity in achieving them, which may pose a major threat to the formation of an adaptive educational environment.

Keywords: life-meaning orientations, value orientations, educational environment, teachers.

Аннотация: В статье представлено исследование смысложизненных ориентаций современных педагогических работников, рассматриваемых как возможный ресурс адаптивной образовательной среды. Полученные результаты позволили авторам выявить особенности смысложизненных ориентаций педагогических работников в целом, а также в зависимости от специальности. В ходе исследования обнаружена гомогенность уровней смысложизненных ориентаций и ценностей у педагогических работников в целом; низкий уровень выраженности смысложизненных ориентаций, а также отрицательные связи между смысложизненными ориентациями и ценностями. Вероятно, у педагогических работников существует несоответствие между декларируемыми ценностями и ощущением осмысленности своих действий, своей субъектности в их достижении, что может представлять основную угрозу формированию адаптивной образовательной среды.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, ценностные ориентации, образовательная среда, педагоги.

Введение

Проблема адаптивной образовательной среды и ресурсов, необходимых для ее формирования привлекает внимание многих исследователей [5; 6; 7; 12; 17; 20; 21 и др.]. Преимущественно развитие образовательной среды происходит в дошкольных и общеобразовательных организациях, которые, в свою очередь, обеспечивают личностное пространство познания и развития, совокупностью социальных, культурных, специально организованных условий, где каждый обучающийся развивается сообразно своим индивидуальным особенностям [26].

Отдельным ресурсом для организации адаптивной образовательной среды является личность педагога и его ценностно-смысловая сфера. Поскольку система ценностей и смыслов, как регулятор профессионального развития педагога, детерминирует продуктивность

педагогической деятельности, постольку она является фактором формирования адаптивной образовательной среды, предотвращающим возникновение деструктивных изменений в эмоциональном состоянии и личности педагога [13], и, как следствие, в личности учащихся [9]. Некоторые авторы считают, что система отношений и ценностей педагогов влияют на построение траектории взаимодействия с детьми и определяют поведение учителя [8].

Обозначая понятия «ценностные ориентации» и «смысложизненные ориентации», современные исследователи отмечают, что ценностные ориентации, определяющие жизненные цели человека, выражают то, что является для него наиболее важным и обладает для него личностным смыслом [29]. В то же время смысложизненные ориентации рассматриваются как результат осознания ценностей, целей и смысла собственной жизни. [14]. В ряде работ понятия «ценность» и «смысложизненная

ориентация» рассматриваются как синонимы. Так, в понимании Б.С. Братуся, ценности – это осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни [4]. По мнению М.С. Яницкого, А.В. Серого, Ю.В. Пелех, ценностные ориентации отражают смысловую сторону направленности личности [29].

Зарубежные исследователи [30; 31; 33], занимаясь проблемой ценностей педагогов, утверждают, что последние оказывают большое влияние как на общение с учениками, так на формирование их ценностей (так называемая «скрытая педагогика»). Соответственно, необходимо стимулировать педагогов развивать свои собственные ценности и нормы, осознанные и выраженные посредством обучения [33]. При этом среди ценностей, необходимых для формирования адаптивной образовательной среды, выделяются демократические ценности [32], моральные ценности [31].

Таким образом, проблема ценностно-смысловой сферы педагогов как ресурса образовательной среды рассматривается и в отечественной, и в зарубежной психологии. При этом открытым остается вопрос о содержании смысложизненных ориентаций, непосредственно определяющих адаптивную образовательную среду. Если в зарубежных исследованиях называются ценности, необходимые для формирования такой среды, то в отечественной психологии таких исследований фактически не проводилось.

Данная статья предваряет исследование ценностных ориентаций современных педагогических работников, необходимых для формирования адаптивной образовательной среды. На первом этапе мы поставили целью выявить особенности смысложизненных ориентаций педагогических работников в целом, а так же изучить, какие из них им присущи в зависимости от специальности. Это позволит нам в дальнейшем связать данные смысложизненные ориентации с компонентами образовательной среды.

База и методы исследования

Исследование проводилось на базе ГАУ ДПО «ИРО» (г. Иркутск) в период с февраля по апрель 2021 г. Выбор-

ку составили 402 педагогических работников женского пола образовательных учреждений в возрасте от 21 года до 58 лет различных специальностей.

Для изучения смысложизненных ориентаций были использованы такие методики как «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова) [3], «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев) [15].

Обработка полученных данных осуществлялась с использованием критерии корреляции Спирмена и критерия Стьюдента. Расчеты проводились в программе IBM SPSS 21.0.

Результаты

Основу выборки педагогических работников, принявших участие в исследовании, составили учителя школ (35,6%), воспитатели (30,6%), психологи (14,4%), прочий персонал ДОУ (13,2%), администрация (6,2%), т.е. группы педагогических работников, непосредственно взаимодействующие с учащимися и воспитанниками, непосредственно включенные в формирование адаптивной образовательной среды.

На первом этапе мы изучили особенности смысложизненных ориентаций педагогических работников, используя методику «Тест смысложизненных ориентаций» (табл. 1.).

Полученные результаты мы сравнили с нормативными, предложенными Д.А. Леонтьевым в тексте его методики. В целом, результаты педагогических работников оказываются ниже нормативов, принятых для представителей того же пола в оригинальном исследовании Д.А. Леонтьева. Особенно низкими оказываются результаты по шкале «Лocus контроля – жизнь». Данная шкала характеризует уверенность в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их. Низкие баллы по данной шкале свидетельствуют о фатализме, убежденности в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Таблица 1.

Полученные результаты по методике «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев) (средние значения)

Результаты						
Шкалы	Цели	Процесс	Результат	Лocus контроля Я	Лocus контроля - жизнь	ОЖ
М (педагогические работники)	26,84	26,16	20,60	15,69	18,70	107,98
σ (педагогические работники)	3,052	2,383	2,245	1,587	5,073	5,221
М (Д.А. Леонтьев)	29,38	28,80	23,30	18,58	28,70	95,76
Σ (Д.А. Леонтьев)	6,24	6,14	4,95	4,30	6,10	16,54

Соответственно, можно предположить, что для современных педагогических работников не характерны представления о свободе личности в принимаемых ею решениях.

При этом мы не обнаружили никаких значимых различий в выраженности шкал методики «Тест смысло-жизненных ориентаций» у представителей различных направлений работы в ДОУ и СОШ. Результаты педагогических работников, как тех, кто относится к руководящему составу, так и всех остальных, оказались достаточно гомогенны: не были обнаружены значимые различия между руководящим составом, работниками дополнительного образования и педагогами-психологами.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. По сравнению с результатами Д.А. Леонтьева, которые относятся к женской русскоязычной выборке в целом, результаты педагогических работников оказываются ниже по всем основным шкалам методики «Тест смысло-жизненных ориентаций». Особенно низок результат по шкале «Локус контроль - Жизнь». При этом мы не обнаружили никаких значимых различий в выраженности шкал методики СЖО у представителей различных направлений работы в ДОУ и СОШ.

С целью уточнения полученных данных, мы изучили ценностно-смысловую сферу педагогических работников при помощи методики «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С.С. Бубновой.

В целом, по данной методике наиболее высокие результаты педагогические работники продемонстрировали в отношении ценностей «Помощь, милосердие к другим людям» (4.14), «Познание нового в мире» (4.06) и «Здоровье» (3.86). Ниже всего выражены ценности «Любовь» (1.64) и «Поиск и наслаждение прекрасным» (2.69).

При этом мы постарались дифференцировать ценности педагогических работников в зависимости от их специализации. Это было вызвано уже упомянутым ранее предположением, что вклад педагогических работников различных специальностей в формирование образовательной среды будет так же различным.

В таблице 2 представлены средние значения предпочтения тех или иных ценностей специалистов, занятых в сопровождении, воспитании и обучении детей (табл. 2).

Как и в случае с методикой «Тест смысло-жизненных ориентаций», оказалось, что ценности педагогических работников гомогенны: нет определенных значимых различий в выраженности тех или иных из них у представителей различных направлений работы. Определенно можно говорить, что у воспитателей ДОУ более чем

у учителей и педагогов-психологов выражена ценность «Любовь» ($t=2,112$, $p=0,036$) и «Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе» ($t=2,357$, $p=0,019$). Кроме того, оказалось, что у сотрудников администрации (директоров, заведующих ДОУ и завучей) больше выражена ценность «Высокий социальный статус и управление людьми» ($t=2,147$, $p=0,04$).

В целом, учитывая, что учителя и воспитатели ДОУ составляют основу данной выборки, можно высказать ряд предположений. Специфика труда воспитателей ДОУ с учетом возрастных особенностей воспитанников, с которыми они работают, предполагает безусловное принятие последних и, как следствие, большую к ним любовь. Учитель в школе ввиду как возрастных особенностей учащихся, так и требований ФГОС, оказывается более требовательным. Это может объяснить, почему у воспитателей ДОУ выше ценность Любви, чем у их коллег – однако не может объяснить, почему соответствующая ценность оказывается также низкой относительно других, как и у остальных педагогических работников в целом.

Большая выраженность ценности «Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе» у воспитателей ДОУ по сравнению с учителями может быть связана с тем, что воспитатели ДОУ в меньшей степени «связаны» существующими нормами и требованиями к организации образовательного процесса. Большая выраженность ценности «Высокий социальный статус и управление людьми» у сотрудников администрации выглядит закономерной.

Наконец, мы проанализировали специфику связей различных смысло-жизненных ориентаций и ценностей на всей выборке испытуемых (табл. 3).

В целом, связи оказываются недостаточно тесными и преимущественно отрицательными. Также отметим, что среди ценностей, наиболее выраженных у педагогических работников, корреляции обнаружены только с одной из них – ценности «Помощь и милосердие к другим людям».

Выраженность интегральной шкалы «ОЖ» оказывается отрицательно связанной не только с ценностью «Высокое материальное положение и благосостояние» ($r=-0,198$, $p<0,01$), но и «Помощь и милосердие к другим людям» ($r=-0,197$, $p<0,01$). Шкала «Локус-контроля Я» оказывается отрицательно связанной и со шкалой «Приятное времяпрепровождение, отдых» и со шкалами «Помощь и милосердие к другим людям» и «Общение». Только шкалы «Цель» и «Процесс» преимущественно положительно связаны с ценностными ориентациями.

Отдельно обращает на себя внимание шкала «Локус-контроль – жизнь», которая, как мы отмечали выше,

наиболее низко выражена у педагогических работников по сравнению с результатами женской выборки по методике «Тест смысложизненных ориентаций» в целом. Выделяется она, с одной стороны, обилием корреляций, а, с другой, их сравнительной частотой. Так, данная шкала оказывается положительно связанной только со шка-

лой «Приятное времяпрепровождение, отдых» ($r=0,193$, $p<0,01$), а со всеми другими ценностями она связана отрицательно, причем для ценности «Помощь и милосердие к другим людям», наиболее выраженной у педагогических работников, эта связь очень высока ($r=0,262$, $p<0,01$). Получается, что у современных педагогических

Таблица 2.

Полученные результаты по методике «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова) педагогических работников разной специальности (средние значения)

Группы педагогических работников		Приятное времяпрепровождение, отдых	Высокое материальное благосостояние	Поиск и наслаждение прекрасным	Помощь и милосердие к другим людям	Любовь	Познание нового в мире, природе, человеке	Высокий социальный статус и управление людьми	Признание и уважение людей и влияние на окружающих	Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	Общение	Здоровье
Общие результаты	M	3,58	3,51	2,69	4,14	1,64	4,06	3,61	2,82	3,31	3,43	3,86
	SD	1,13	1,32	1,06	1,06	1,10	1,05	0,84	0,96	1,05	1,03	0,74
воспитатели ДОУ	M	3,7	3,6	2,7	4	1,8	4,2	3,6	2,7	3,5	3,6	3,9
	SD	1,1	1,3	1,1	1	1,2	1	0,8	0,9	1	1,1	0,7
администрация	M	3,8	3,6	3	4,4	1,7	4	4	3	3,4	3,3	4
	SD	1,1	1,1	1,1	1,2	1,1	1,1	1,2	1	1	1,1	0,8
педагоги доп. образования	M	3,2	3,2	2,6	4,2	1,5	3,8	3,5	2,8	3,2	3,2	3,7
	SD	1	1,3	1,3	1,3	1	1,1	0,9	1,1	1	1	0,7
учителя	M	3,6	3,5	2,7	4,1	1,5	4,1	3,6	2,9	3,2	3,5	3,9
	SD	1,1	1,3	1	1	1,1	1,1	0,8	0,9	1,1	1,1	0,7
психологи, логопеды	M	3,4	3,7	2,7	4,3	1,6	4	3,6	2,8	3,3	3,3	3,9
	SD	1,2	1,3	0,9	1	1	1	0,9	1	0,9	0,9	0,8

Таблица 3.

Специфика связей полученных результатов по методике «Тест смысложизненных ориентаций» (Д.А. Леонтьев) и по методике «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова)

Шкалы	Цели	Процесс	Локус контроля Я	Локус контроля - жизнь	ОЖ
Приятное времяпрепровождение, отдых	-,109*	-	-,145**	,193**	-
Высокое материальное благосостояние	-	-	-	-,109*	-,198**
Поиск и наслаждение прекрасным	,115*	-	-	-,186**	-
Помощь и милосердие к другим людям	,134**	-	-,184**	-,262**	-,197**
Высокий социальный статус и управление людьми	,130**	,111*	-	-,101*	-
Общение	-	-	-,121*	-	-

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).
 **. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

работников наблюдается некий конфликт между, с одной стороны, выраженностью определенных ценностей и, с другой стороны, фатализмом, убежденностью в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю. Интерпретируя корреляции, можно сделать вывод, что современные педагоги на уровне целей способны строить проекты относительно своего социального статуса, помощи другим и наслаждения прекрасным – однако при этом не чувствуют возможности контролировать выполнение этих целей. В этом несоответствии между декларируемыми ценностями и ощущением осмысленности своих действий, своей субъектности в их достижении, и можно видеть, с одной стороны, специфику ценностно-смысловой сферы педагогических работников, а, с другой, основную угрозу формированию адаптивной образовательной среды. При сравнительно низком уровне развития смысложизненных ориентаций декларирование определенных ценностей оказывается просто мало к чему обязывающим «заявлением о намерении», реализация которого зависит от каких-то других сил, а не от самого педагога.

Обсуждение результатов

В ходе данного исследования мы обнаружили, с одной стороны, достаточную гомогенность уровней смысложизненных ориентаций и ценностей у педагогических работников вне зависимости от их специальности, с другой стороны, низкий уровень выраженности смысложизненных ориентаций и, наконец, преимущественно отрицательные связи между смысложизненными ориентациями и ценностями.

Сопоставляя полученные результаты с результатами других авторов, отметим следующее. Хотя проблема смысложизненных ориентаций педагогов рассматривалась многими отечественными исследователями [1; 10; 11; 16; 18; 19; 21-25; 28] с различных сторон (в зависимости от возраста [28], профессионального стажа [1; 11; 21; 25], профессионального выгорания [19; 25], профессионального кризиса [23] или в сравнении со смысложизненными ориентациями представителей других специальностей [11]), однако зачастую не приводились сами результаты. Мы можем сравнить полученные нами данные по методике «Тест смысложизненных ориентаций» с подробными результатами, которые приводит У.М. Асадулаева и А.С. Дамадаевой – согласно им, смысложизненные ориентации педагогических работников значимо выше полученных нами результатов [1]. Полученные расхождения можно объяснить спецификой ситуации, в рамках которой мы проводили данное исследование – эпидемия COVID-19. Однако и в результатах У.М. Асадулаевой можно обратить внимание, что выраженность шкалы Локус-контроль – Жизнь по основным возрастным группам оказывается ниже результатов, приводимых Д.А. Леонтьевым. Таким образом, и при срав-

нении наших данных с другими исследованиями можно констатировать сравнительно более высокий уровень фатализма педагогических работников современных образовательных организаций.

Мы не обнаружили вслед за С.В. Дубровиной и ее коллегами, что смысложизненные ориентации педагогических работников характеризует наличие четкой цели в жизни, построение конкретных жизненных планов, убеждение, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их [8; 10]. Однако ими приводятся только корреляционные связи.

В ряде исследований были выявлены и противоречия, связанные с особенностями смысложизненных ориентаций педагогических работников в зависимости от их профессионального стажа [11; 16; 21]. Однако мы не рассматривали стаж как один из коррелятов смысложизненных ориентаций педагогических работников, что планируется исправить в следующих исследованиях.

Также стоит отметить, что существуют исследования, связывающие смысложизненные ориентации и специфику работы педагога – дистанционная она или нет [2], совместное обучение или нет [10]. Мы не рассматривали данные корреляты, ограничившись лишь тем, находится ли данное учебное заведение в городской или сельской местности. В последнем случае мы не получили каких-либо значимых различий ни по одной шкале методики.

Заключение

В ходе данного исследования мы обнаружили, с одной стороны, достаточную гомогенность уровней смысложизненных ориентаций и ценностей у педагогических работников вне зависимости от их специальности, с другой стороны, низкий уровень выраженности смысложизненных ориентаций и, наконец, преимущественно отрицательные связи между смысложизненными ориентациями и ценностями. Мы интерпретировали это в том смысле, что существует несоответствие между декларируемыми ценностями и ощущением осмысленности своих действий, своей субъектности в их достижении. Это может представлять основную угрозу формированию адаптивной образовательной среды.

При этом ограничением данного исследования является период его проведения – ситуация эпидемии COVID-19. Возможно, именно он является причиной повышения уровня фатализма среди педагогических работников (в сравнимых исследованиях соответствующий показатель методики Д.А. Леонтьева был ниже). Мы планируем, связывая в дальнейшем смысложизненные ориентации и конкретные параметры образовательной среды, нивелировать влияние данного фактора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асадулаева У.М., Дамадаева А.С. Психологические особенности смысложизненных ориентаций учителей на разных этапах профессиональной деятельности // Мир образования - образование в мире. - 2016. - № 2 (62). - С. 124-129.
2. Бакаева И.А., Ванжа Л.Н. Исследование личностного профиля педагога дистанционного образования // Российский психологический журнал. - 2015. - Т. 12. № 3. - С. 16-32.
3. Бубнова С.С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности // Методы психологической диагностики. М.: Изд-во ИПРАН, 1994. Вып. 2.
4. Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // Вестн. Моск. ун-та. - 2001. - Сер. 14. Психология. - № 2. - С. 46 – 56.
5. Васютенкова И.В. Профессионально-образовательная среда как фактор развития компетентности педагога по обеспечению психологически безопасной и комфортной образовательной среды // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. - 2019. - № 2. - С. 767-774.
6. Гарибзянова Е.Е. Исследование понятия образовательной среды // Инновационная наука. - 2016. - № 1-2 (13). - С. 156-158.
7. Гришина Е.В. Психологические характеристики образовательной среды и антивитальные переживания подростков // Народное образование. - 2016. - № 4-5 (1456). - С. 215-218.
8. Дубровина С.В., Дрейзин И.В. Взаимосвязь внутренних ресурсов личности и удовлетворенности качеством жизни у педагогов // Теория и практика общественного развития. - 2015. - № 21. - С. 335-337.
9. Киселева А.А., Кузьмин М.Ю., Козлов В.В. Особенности копинг-стратегий педагогических работников различного стажа и специальности // Интеграция образования. - 2020. - Т. 24, № 4. - С. 641-655.
10. Косикова Л.В. Особенности смысложизненных и ценностных ориентаций педагогов, работающих в классах совместного обучения // Проблемы современного педагогического образования. - 2017. - № 57-8. - С. 288-294.
11. Котова С.А. Особенности личностных характеристик и смысложизненных ориентаций педагогов с разным стажем работы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2011. - № 139. - С. 25-34.
12. Кошечкина Т.В. Особенности коммуникативного развития ребёнка-инвалида раннего и дошкольного возраста в семейной среде и среде образовательной организации // Мастер-класс. - 2017. - № 1. - С. 48-51.
13. Курапова И.А. Нравственно-ценностная регуляция эмоционального выгорания в профессиональной деятельности (на примере педагогов средней и высшей школы): автореф. на соиск. ученой степ. канд. психол. наук: 19.00.03. М., 2009. 25 с.
14. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. 2-е, испр. изд. М.: Смысл, 2003. 487 с.
15. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. 2-е изд. М.: Смысл, Серия: Психодиагностическая серия, 2000. 18 с.
16. Марченко А.В. К вопросу о смысложизненных ориентациях представителей педагогических профессий // Матрица научного познания. - 2021. - № 2-1. - С. 202-205.
17. Морозкина А.Н. Образовательная среда: понятие, сущность, характеристики // Инновационная наука. - 2016. - № 1-2 (13). - С. 195-198.
18. Наличаева С.А. Особенности ценностно-смысловой и мотивационной сфер педагогов средней и высшей школы // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. - 2011. - № 1. - С. 127-136.
19. Наличаева С.А. Особенности ценностно-смысловой сферы педагогов с различными уровнями профессионального выгорания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. - 2010. - № 3. - С. 111-118.
20. Панасенко Х.А. Безопасность школьной образовательной среды в контексте отношений в подростковом и старшем школьном возрасте // Достижения вузовской науки. - 2016. - № 25-1. - С. 152-157.
21. Сабирова Р.Ш., Ширинбекова Ж. Психологические аспекты взаимосвязи ценностно-смысловой сферы и профессионального роста педагогов: современное образовательное пространство // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2016. - № 4-5. - С. 1010-1014.
22. Садовникова Н.О., Мирзаахмедов А.М. Актуальные смысловые состояния педагогов, переживающих профессиональный кризис личности // Образование и наука. - 2019. - Т. 21. № 2. - С. 113-131.
23. Садовникова Н.О., Сергеева Т.Б. Смысловая саморегуляция в контексте переживания педагогами профессионального кризиса личности // Научный диалог. - 2018. - № 1. - С. 265-277.
24. Садовникова Н.О., Сергеева Т.Б. Смысложизненные ориентации педагогов в ситуации профессионального кризиса личности // Научный диалог. - 2016. - № 9 (57). - С. 297-310.
25. Сильченко С.С. Смысложизненные ориентации педагогических работников с различным уровнем профессионального выгорания // Тенденции развития науки и образования. - 2020. - № 62-20. - С. 50-56.
26. Скрипниченко В.В. Различные подходы к характеристике адаптивной образовательной среды // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2006. - № 5 (24). - С. 215-218.
27. Стародубцев В.А. Создание персонализированных образовательных сред // Образовательные технологии. - 2016. - № 2. - С. 35-50.
28. Шагина Ю.Д. Особенности смысложизненных ориентаций педагогов дополнительного образования зрелого возраста // Глобальный научный потенциал. - 2017. - № 10 (79). - С. 99-101.
29. Яницкий М.С., Серый А.В., Пелех Ю.В. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии // Философия об-

- разования. - 2013. - № 1. - С. 175-186.
30. Fischer E., Hänze M. (2020) How do university teachers' values and beliefs affect their teaching? *Educational Psychology An International Journal of Experimental Educational Psychology*, 40(3), 296-317. <https://doi.org/10.1080/01443410.2019.1675867>
31. Pantić, N., Wubbels, T. (2012). Teachers' moral values and their interpersonal relationships with students and cultural competence. *Teaching and Teacher Education*, 28(3), 451-460. doi:10.1016/j.tate.2011.11.011
32. Selvi K. (2006). Developing a teacher trainees' democratic values scale: validity and reliability analyses. *Social Behavior and Personality An International Journal*, 34(9), 1171-1178. doi: 10.2224/sbp.2006.34.9.1171
33. Willemsse M., Lunenberg M., Korthagen F. (2008) The moral aspects of teacher educators' practices. *Journal of Moral Education*, 37:4, 445-466. doi: 10.1080/03057240802399269

© Киселева Анастасия Андреевна (nk160493@gmail.com), Кузьмин Михаил Юрьевич (mirroy@mail.ru),
Стародубцева Галина Александровна (g.starodubceva@iro38.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт развития образования Иркутской области

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В ВОЕННОМ ИНСТИТУТЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОКАЗАТЕЛЕЙ САМООТНОШЕНИЯ

Косолап Андрей Владимирович

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени
генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации, г. Новосибирск
kossolap_galina@mail.ru

FEATURES OF ADAPTATION OF CADETS TO TRAINING AT A MILITARY INSTITUTE, DEPENDING ON THE INDICATORS OF SELF-ATTITUDE

A. Kosolap

Summary: The article presents the results of a study of the correlation of the characteristics of the adaptation of cadets to the conditions of training in a military educational institution with the indicators of their self-attitude. When a person is in the process of adaptation, she realizes and perceives herself, on the one hand, as a part of society, and, on the other hand, as a unique and inimitable integrity. When a person gets into new life circumstances, conditions of existence and daily activities, he changes his idea of life and, accordingly, about himself. The study revealed the results indicating the relationship of these psychological phenomena, the more adequate the indicators of self-attitude of cadets, the more optimal the indicators of adaptation.

Keywords: socio-psychological adaptation, cadet, training conditions in a military educational institution, indicators of self-attitude.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования соотношения характеристик адаптации курсантов к условиям обучения в военно-учебном заведении с показателями их самооотношения. Когда личность находится в процессе адаптации, то она осознает и воспринимает себя, с одной стороны, как часть общества, а с другой стороны, как уникальную и неповторимую целостность. Человек попадая в новые жизненные обстоятельства, условия существования и повседневной деятельности, меняет своё представление о жизни и, соответственно о самом себе. В ходе исследования выявлены результаты, свидетельствующие о взаимосвязи данных психологических феноменов: чем адекватнее показатели самооотношения курсантов, тем оптимальнее показатели адаптации.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, курсант, условия обучения в военно-учебном заведении, показатели самооотношения.

Актуальность. Актуальность проблемы адаптации курсантов к условиям обучения в военно-учебном заведении в наши дни приобретает всё более важное значение. Потребности практики обусловили широкий интерес учёных к исследованию этой проблематики. Существует много подходов к изучению адаптации человека к новым условиям жизни и деятельности. В настоящее время накоплен значительный материал в изучении факторов, детерминирующих процесс адаптации, критериев адаптированности личности, механизмов и динамики процесса адаптации. Мнения исследователей достаточно широко варьируются.

На наш взгляд, имеющиеся в данном направлении разработки недостаточно комплексно изучают особенности адаптационных процессов на различных уровнях. Следует отметить, что, несмотря на своеобразие различных сторон адаптации, необходимо учитывать их тесную взаимосвязь как компонентов единого адаптационного процесса. Влияние на организм факторов внешней среды приводит к изменению состояния психической сферы человека. Это приводит к перестройке нейровисцеральных и эндокринно-метаболических связей, что нередко является патологической почвой формиру-

ющихся отклонений в нервно-психическом здоровье.

При этом характер поведения человека в социальной сфере служит индикатором успешности адаптивных процессов на различных уровнях. В то же время социально-психологическая адаптация не устраняет физиологических форм приспособления, а видоизменяет и опосредует их, включая в себя как регулируемый и модифицируемый ею внутренний элемент [2].

Очень остро стоит проблема военно-профессиональной адаптации курсантов военно-учебных заведений. В последнее время в литературе и, особенно в военных источниках информации, появляется все больше публикаций, которые освещают различные аспекты этого процесса, его динамику, критерии оценки, исследуют ресурсы личности как субъекта адаптации. Особый интерес представляют концепция психической адаптации, предлагаемая В.М. Воробьевым и возможности ее использования в психологическом обеспечении учебно-воспитательного процесса. Вполне логично предположить, что военно-профессиональную адаптацию выпускников военных ВУЗов следует рассматривать как многогранный и многоэтапный процесс, который начи-

нается с момента выбора юношей профессии офицера и подготовки к поступлению в учебное заведение по профилю конкретной военной специальности, а затем продолжается в период обучения и завершается профессиональным становлением на конкретной офицерской должности непосредственно в войсках. Каждый из этих этапов характеризуется определенными качественными и количественными изменениями организма и личности юноши на физиологическом, профессиональном и социально-психологическом уровнях. Результатом военно-профессиональной адаптации является закрепление офицерских кадров в Вооруженных силах нашей страны. В свою очередь, нарушение этого процесса на любом из этапов или уровней приведет к возникновению состояния дезадаптации крайними формами проявления которой являются нарушение состояния здоровья и изменение военно-профессиональной направленности человека [3].

Когда личность находится в процессе адаптации, то она осознает и воспринимает себя, с одной стороны, как часть общества, а, с другой стороны, как уникальную и неповторимую целостность. Человек, попадая в новые жизненные обстоятельства, условия существования и повседневной деятельности, меняет своё представление о жизни и соответственно о самом себе. Вступает в силу фактор соответствия, равновесия между человеком и внешней средой, когда человек приспосабливается к изменениям внешних и внутренних условий жизни. В этот самый момент личность должна реализовать свой адаптационный потенциал, который поможет ей справиться с окружающей жизнью. В ситуации, когда молодые люди, в связи с обучением в военном вузе изменяют обстановку своей жизнедеятельности, они встречаются на своем жизненном пути некие трудности, которые им предстоит преодолеть. Решая свои проблемы самостоятельно, личность зреет, наполняет себя жизненным и профессиональным опытом, который очень важен в жизни.

Самоотношение – это эмоционально-ценностная система, которая выражает особенности отношения человека к самому себе и обеспечивает центрирование его внутреннего пространства, формирование смыслового вектора жизненного пути, активность и продуктивность жизнедеятельности. В условиях повышающихся требований к качеству подготовки профессионалов-специалистов, наибольшую значимость приобретают проблемы не только формирования у курсантов профессиональных компетенций, но и развития социально-значимых личностных качеств, таких как: самообладание, толерантность, самоуважение и в итоге самоотношение [10].

Для решения поставленных целей и задач нами были использованы следующие методы исследования: 1. теоретический анализ литературы по теме исследования; 2.

методы сбора эмпирических данных: - наблюдение, беседа; - «Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд» – в адаптации А.К. Осницкого; «Опросник самоотношения» разработанный В.В. Столиным и С.Р. Пантилеевым; 3. Методы качественной и количественной обработки результатов исследования. Для анализа полученных эмпирических данных применялся метод математической обработки экспериментальных данных (коэффициента ранговой корреляции Спирмена).

Исследование было реализовано на базе Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. В исследовании приняли участие курсанты первого курса Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации в количестве 120 человек, в возрасте от 18 до 20 лет.

При применении метода исследования «Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд» – в адаптации А.К. Осницкого, нами были получены следующие результаты:

Высокий показатель был выявлен по шкале «Интернальность» – 68%. Полученный результат свидетельствует о том, что для большинства испытуемых характерен внутренний локус-контроль, т.е. они способны принимать ответственность за то, что происходит с ними, за свои поступки на себя. Они более уверены в себе, последовательны и настойчивы в достижении цели, склонны к самоанализу, общительны, спокойнее и доброжелательнее, популярнее и независимее. Поскольку такие люди в своих неудачах винят, прежде всего, себя, они испытывают больший стыд и вину, в отличие от людей, у которых доминирует внешний локус-контроль (экстернальность). Такой тип поведения сочетается с неуверенностью в своих способностях и стремлением отложить реализацию намерений на неопределенный срок, тревожностью, подозрительностью, агрессивностью. У них доминирует склонность приписывать причины происходящего внешним факторам (окружающей среде, судьбе или случаю).

Шкала «Стремление к доминированию» набрала 77%. Из этого можно сделать вывод о том, что большинство курсантов имеют склонность к лидерству, руководству в решении задач, зачастую личностно значимые задачи решают за счет окружающих. Они обладают стремлением брать на себя инициативу в межличностных отношениях или устанавливать контроль над ними.

Следующий показатель был проанализирован по шкале «Адаптация» – 63%. Рассматриваемый показатель

выявляет уровень приспособления человека к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с собственными потребностями, мотивами и интересами.

Следующая шкала – это «Эмоциональный комфорт» – 60%. Она выявляет степень определённости в своём эмоциональном отношении к происходящей действительности, окружающим предметам и явлениям. Для респондентов, у которых эмоционального комфорта преобладает над эмоциональным дискомфортом, характерно состояние уверенности, спокойствия, удобства, когда человек всем доволен, оптимистичен, открыто выражает свои чувства, свободен от страха и тревоги.

Полученный результат по шкале «Самопринятие» характерен тем, что для 54% опрошенных не свойственно умение и привычка относиться к себе и своим особенностям без негативной окраски, просто как к данности. Большинство испытуемых обладают самопринятием, как безоценочным, безусловно, положительным отношением к самому себе.

Проанализировав результат по шкале «Принятие других», для 41% респондентов характерна потребность в общении, взаимодействии, совместной деятельности с другими людьми. Следующий метод исследования, который был нами применен – это «Опросник самооотношения» разработанный В.В. Столиным и С.Р. Пантеевым.

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что для большинства респондентов по шкале «Самоотношение» характерно глобальное самооотношение, т.е. внутренне недифференцированное чувство «за» и «против» самого себя. Данный параметр выражен и заключается в том, что представление о самом себе соответствует дружескому отношению к себе, согласию с самим собой, одобрению своих планов и желаний, эмоциональному, безусловному принятию себя таким, каков есть.

Результаты исследования по шкале «Аутосимпатия» показывают, что исследуемые имеют средний уровень самоуважения (43%), и этот показатель не выражен. Самоуважение выступает в виде положительного мнения о самом себе, также оно эмоционально и содержательно объединяет веру в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, оценку своих возможностей, контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным, понимать самого себя. У курсантов данный параметр на момент исследования развит не в полной мере, что говорит о том, что часть исследуемых не верит в свои способности и возможности, а также не имеет внутреннего понимания себя. Этот факт мы можем объяснить как раз периодом адаптации курсантов к обучению и особенностям его в военном вузе.

Кроме этого, показатель «аутосимпатия» также не выражен (23%), что свидетельствует о том, что меньшая часть курсантов не довольна своими внешними данными и своими качественными характеристиками и иными показателями.

Анализируя результаты по шкале «Ожидаемого отношения от других», можно сделать вывод о том, что большая часть опрошенных одобряет себя в целом и в существенных частностях, доверяет себе и имеет позитивную самооценку, но 19% исследуемых видят в себе преимущественно недостатки, владеют низкой самооценкой, готовы к самообвинению. Также, для таких курсантов свойственны такие эмоциональные реакции, как раздражение, презрение, вынесение самоприговоров.

Проанализировав данные по шкале «Самоинтерес», можно судить о том, что для 73% респондентов характерна мера близости к самому себе, в частности интерес к собственным мыслям и чувствам, готовность общаться с собой «на равных», уверенность в своей интересности для других. Также, рассматриваемый параметр выражен и это говорит о том, что большая часть курсантов владеют направленностью на самопознание, получение информации о самом себе, склонны к постоянному изучению своего внутреннего мира, своих воспоминаний, а также к анализу собственных возможностей, личностного и субъектного потенциала.

Анализируя полученные данные по шкале «Самоуверенность» можно утверждать, что для 63% опрошенных, свойственна уверенность в отсутствии отрицательных свойств и минусов в характере и данный показатель выражен. Однако данная черта может стать причиной многих неудач человека. Самоуверенные люди не признают личных ошибок, они свое мнение относят к единственно правильному. Нужно заметить, что рассматриваемый показатель взаимосвязан с параметром «Стремление к доминированию», который был ранее описан в методике социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонда, который набрал 77% среди опрошенных.

По шкале «Отношение других» было определено, что для большинства исследуемых свойственно понимание представления окружающих людей к своей персоне, а для 27% не характерен данный показатель и он не выражен.

По результатам шкалы «Самопринятие» можно судить о том, что для 61% опрошенных, характерен данный показатель, и он ярко выражен. Это свидетельствует, что данный параметр выступает как результат самооценки индивида, определяет степень удовлетворённости личности своими характеристиками. Чем в большей степени человек принимает себя, тем выше вероятность, что он принимает других.

При анализе шкалы «Саморуководство» было выявлено, что для большинства респондентов важную роль играет последовательность в реализации личных планов в собственной жизни, собственная предсказуемость, а также настроенность на определенный жизненный ритм и достижение значимых целей. Во внимание стоит взять тот момент, что для 39% исследуемых не характерен данный показатель, он не выражен. Это означает, что часть курсантов не настроена на формирование и реализацию своих идей.

Анализируя результаты исследования по шкале «Самообвинение», можно сделать вывод о том, что 35 % опрошенных не свойственен такой критерий, как самообвинение, он не выражен. Такие курсанты характеризуются тем, что, когда они совершают ошибки, они стараются вытеснить неприятные переживания. Для этого они находят интересующую их деятельность и таким образом, они отвлекаются и получают положительные эмоции. Но, для курсантов, которых характерен данный показатель, самообвинение является признанием собственных ошибок, а совершенные ими ошибки могут быть как истинными, так и ложными.

Рассматривая результат по шкале «Самоинтерес» можно говорить о том, что большинство курсантов – 75% заинтересованы в том, чтобы развиваться и становиться лучше. Данный параметр ярко выражен. Для таких курсантов свойственен интерес к собственным мыслям и чувствам, готовность общаться с собой и уверенность в своей интересности для других.

Проанализировав полученные результаты по шкале «Самопонимание» мы можем говорить о том, что для 60% респондентов характерен данный критерий, он выражен. Это значит, что большинство курсантов дают себе оценку более точно, у них развит процесс саморефлексии.

На втором этапе нашего исследования, для вы-

явления взаимосвязи исследуемых переменных был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. В результате были получены взаимосвязи между шкалами «Общий индекс социально-психологической адаптации» положительно коррелирует со шкалой «Общий индекс самооотношения» (0,71 при $r^* \geq 0,5$), что свидетельствует о взаимосвязи данных психологических феноменов, чем адекватнее показатели самооотношения курсантов, тем оптимальнее показатели адаптации.

Вывод. Таким образом, военно-профессиональная адаптация курсантов военно-учебных заведений представляет собой сложный комплекс мероприятий направленных на формирование у молодых людей профессионально важных качеств определяющих успешность самостоятельной деятельности офицера определенной специальности. Основными моментами этого процесса являются: приобретение и развитие устойчивого интереса к профессии кадрового военнослужащего, совершенствование физиологических механизмов приспособления к условиям военной службы, накопление теоретических знаний, практических навыков, умений и опыта работы по конкретной военной специальности, налаживание деловых и личных контактов с воинским коллективом.

Прогнозирование успешности военно-профессиональной адаптации выпускников военно-учебных заведений, управление этим процессом — это комплексная задача специалистов различного профиля, осуществление которой возможно только при наличии приемственности и гибкой обратной связи в системе «военный комиссариат - военно-учебное заведение - воинская часть». Главным звеном и координирующим центром в этой цепочке является военно-учебное заведение, а период обучения будущего офицера - основным этапом рассматриваемого процесса. Поэтому проблема адаптации курсантов военно-учебного заведения является особенно важной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буховцева, О.В. Оптимизации процесса адаптации студентов 1 курса / О.В. Буховцева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2011. – № 132. – С. 242–248.
2. Волковская, Т.Н. Современные теоретико-методологические подходы к пониманию феномена адаптации / Т.Н. Волковская, Т.М. Марченко // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61-4. – С. 269–272.
3. Герасимов, П.Е. Теоретические аспекты проблемы «Самоотношения» / П.Е. Герасимов // Ученые записки пед. ин-та им. Н.Г. Чернышевского. Сер.: Психология. Педагогика. – 2010. – № 4. – С. 60–84.
4. Дахина, Т.В. Генезис понятия «Адаптация» в психологии / Т.В. Дахина // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 5 (40). – С. 175–179.
5. Диагностика социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд) / Фетискин Н. П., Козлов В.В., Мануйлов Г. М. // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., Изд-во Института Психотерапии, 2002. – С.193-197.
6. Жигулин, А.А. Трансформация параметров самооотношения студентов-юристов на различных этапах обучения в вузе / А.А. Жигулин, В.Н. Кручинин // Научно-исследовательские публикации. – 2018. – № 4. – С. 99–104.

7. Осницкий, А.К. Определение характеристик социальной адаптации / А.К. Осницкий // Психология и школа. – 2004. – № 1. – С. 43-56.
8. Панькова, А.А. Особенности самоотношения и копинг-стратегий в юношеском возрасте (к постановке проблемы) / А.А. Панькова // Вестн. Пермского гос. гум.-пед. ун-та. Сер.: Психологические и педагогические науки. – 2020. – № 1. – С. 114–119.
9. Пашкин, С.Б. Психологическое благополучие как условие успешной адаптации курсантов к повседневной деятельности / С.Б. Пашкин, А.В. Головачёв, А.С. Савинская // Военный инженер. – 2020. – № 1 (15). – С. 43–54.
10. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 284 с.

© Косолап Андрей Владимирович (kossolap_galina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАЖА МЕНЕДЖЕРОВ НА ИХ СКЛОННОСТЬ К МАНИПУЛЯЦИЯМ

Кутейников Алексей Николаевич

*К.псх.н., доцент, Северо-западный институт
управления Российской академии народного хозяйства и
государственной службы, Санкт-Петербург
alex_kutejnikov@mail.ru*

THE INFLUENCE OF THE PROFESSIONAL EXPERIENCE OF MANAGERS ON THEIR PROPENSITY TO MANIPULATE

A. Kutejnikov

Summary: The article is devoted to the problem of formation of manipulative abilities in managers. The question is raised that in some areas of activity manipulation is a professionally important quality. The author considers the formation of manipulative abilities as a result of professional deformations.

The dependence of the level of formation of manipulative abilities on the length of service as a manager is analyzed. The author also offers a mathematical regression model of the dependence of the degree of manipulateness in behavior on the professional experience of optants.

Keywords: manipulative behavior, Machiavellianism, professionally important qualities, the influence of the manager's profession on personal qualities, regression model.

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования манипулятивных способностей у менеджеров. Ставится вопрос о том, что в некоторых сферах деятельности манипуляции являются профессионально важным качеством. Автор рассматривает формирование манипулятивных способностей как результат профессиональных деформаций.

Анализируется зависимость уровня сформированности манипулятивных способностей от стажа пребывания в должности менеджера. Автор также предлагает математическую регрессионную модель зависимости степени манипулятивности в поведении от профессионального стажа оптантов.

Ключевые слова: манипулятивное поведение, макиавеллизм, профессионально важные качества, влияние профессии менеджера на личностные качества, регрессионная модель.

Известно, что, длительное пребывание специалиста в профессиональном пространстве формирует или трансформирует его определенные личностные качества. Насколько велико данное влияние? Какие черты личности заостряет эта профессиональная среда, а какие минимизирует? Разумеется, это зависит как от специфики самой профессии, так и от временного промежутка включенности в указанную профессию.

Указанная тема вызывает значительный интерес у специалистов. Следует сказать, что проблема манипулятивного управления в последнее время все чаще привлекает внимание психологов. В настоящей статье мы попытались дать ответ на вопрос относительно того, какое влияние оказывает профессия менеджера по продажам на их склонность к манипулятивному поведению.

Прежде чем рассмотреть манипулятивное поведение необходимо сказать несколько слов о манипулятивном общении. Первая точка зрения гласит, что целью манипулятивного общения является использование партнера в качестве средства, но так, чтобы собеседник этого не заметил. Вторая точка зрения в категорию манипуляций включает и шантажное поведение, и даже запугивание; то есть здесь к манипуляциям предлагается относить не только заведомый обман, но и такую ситуацию, когда собеседник все осознает, но не имеет сил или возможно-

сти отказать. В любом случае, партнер рассматривается как средство для достижения целей другого человека. Самым ярким апологетом манипулятивного общения, в том числе и применительно к процессу управления, является когда-то ненадолго популярный на просторах бывшего СССР Дейл Карнеги.

Технология манипулятивного общения Карнеги неоднократно подвергалась критике. Например, Э. Бёрн считал, что манипулятивное общение может принести тактический выигрыш, но в стратегическом плане оно ведет к проигрышу [1]. Об этом же говорит и отечественный психотерапевт М.Е. Литвак [3]. Е.Л. Доценко отмечает, что манипулятор может достаточно хорошо разбираться в слабостях других людей. Но наряду с этим манипулятор является плохим психологом, так как он не умеет разбираться в способностях людей (разбираться в слабостях людей и разбираться в их способностях – это принципиально разные вещи).

Э. Шостром великолепно описал психологический портрет манипулятора. Он отметил, что причиной является боязнь отвержения в общении. И активная вовлеченность в манипулятивное поведение приводит к деформациям в самой личности манипулятора. Так, для манипулятора характерны повышенная тревожность, чрезмерный самоконтроль, постоянная потребность

произвести впечатление. Также для них характерны постоянный цинизм и деформации эмоциональной сферы [4].

Рано или поздно перед исследователем проблемы возникает вопрос: хорошо или плохо обладать развитыми манипулятивными способностями? В принципе, плохо. Это плохо для установления близких отношений, для упорядочивания семейной жизни. Но есть профессиональные сферы, где манипуляции считаются менее предосудительными, нежели чем в сфере межличностных отношений. Например, в педагогике без этого нельзя, так как дети являются стихийными манипуляторами, и, если педагог не применяет манипулятивные приемы, то управление детским коллективом является весьма проблематичным. Вопрос заключается лишь в том, чтобы подобное поведение не выходило за рамки соответствующих нравственных и моральных норм. Вся психотерапия (и наркология вместе с ней) немыслима без манипуляций. То же самое можно сказать об управленческой деятельности. Есть профессиональные сферы, где будущего специалиста намеренно обучают навыкам манипулятивного поведения. К таковым относятся тренинг продаж, сетевой маркетинг, продвижение услуг.

На наш взгляд, наиболее детальный психологический анализ является наиболее интересным в тех видах деятельности, которые возникли не так давно – а именно, в конце 80-х годов прошлого века. В нашей статье речь идет об области управления наёмным трудом. Именно в этой сфере манипуляции стали неотъемлемым атрибутом профессиональной деятельности.

Известно, что в процессе управления часто возникают задачи, которые необходимо решать ускоренно, в условиях дефицита времени, информации и ресурсов. Промедление влечет за собой тяжелые последствия не только для управляющего субъекта, но и для организационной структуры в целом. Соответственно, при этом возникает такая ситуация, где сама ситуация провоцирует менеджера прибегать к манипуляциям. Исследователь данной проблемы Е.Л. Доценко подчёркивает, что манипулятивные технологии не являются тотальным принуждением, так как всегда оставляют возможность для манёвра подчинёного [2]. Таким образом менеджер-манипулятор предоставляет возможность подчинённому-манипулируемому реализовать себя в нужном для руководства направлении, но подчиненный в идеале должен сам выбрать для себя стратегию выполнения задачи. Таким образом, манипулятивные технологии со стороны менеджера могут быть более эффективными, чем открытое правление.

И вообще, офисная среда и работа менеджера, в частности, представляет собой «механообразную» среду,

провоцирующую возникновение, увеличение и закрепление манипулятивных паттернов поведения.

Итак, нами была поставлена задача выяснить влияние профессионального опыта управленческой деятельности на сформированность манипулятивных способностей. Объем выборки составил 30 человек, менеджеры среднего звена в торгово-закупочной фирме, представляющей собой предприятие среднего бизнеса.

Для диагностики уровня манипулятивности мы использовали тест «Шкала манипулятивного отношения» Т. Банта. Данный тест выявляет склонность к манипулятивным паттернам поведения и отношение к партнеру по взаимодействию не как к личности, а как к инструменту достижения цели.

Также мы рассматривали сопутствующие манипулятивному поведению черты личности. Для этого нами были использованы еще два теста:

1. Опросник МАСН-IV в адаптации В.В. Знакова. Его предназначение - измерение уровня макиавеллизма. Под макиавеллизмом здесь понимается готовность отступления от общепринятых социальных норм ради достижения каких-либо своих целей.
2. Шкала враждебности Кука-Медлей. Указанный опросник является трехфакторным, он оценивает уровень цинизма, агрессивности и враждебности при осуществлении социальных контактов.
 - Для того, чтобы определить имеется ли какая-то взаимосвязь между показателями макиавеллизма, агрессивности, враждебности, склонности к манипуляциям и стажем менеджеров в данной выборке, нами был применён корреляционный анализ. По показателям стажа выборка была разбита на 2 группы (группа № 1 - до 5 лет стажа, и группа № 2 - 5 и более лет стажа).

Для каждой из этих групп был проведен корреляционный анализ с построением корреляционных плеяд. Результаты представлены ниже.

Ядрами корреляционной плеяды в обоих случаях выступают показатели стажа и цинизма. Они имеют больше всего корреляционных связей. Из анализа представленных корреляционных плеяд мы можем сделать вывод, что на первом этапе профессиональной деятельности (при стаже менее 5 лет) имеет место отрицательная корреляция между показателями стажа и враждебности, а на втором этапе какая-либо достоверная взаимосвязь между показателями стажа и враждебности пропадает. То есть, мы предлагаем указанную закономерность проинтерпретировать следующим тезисом: по мере увели-

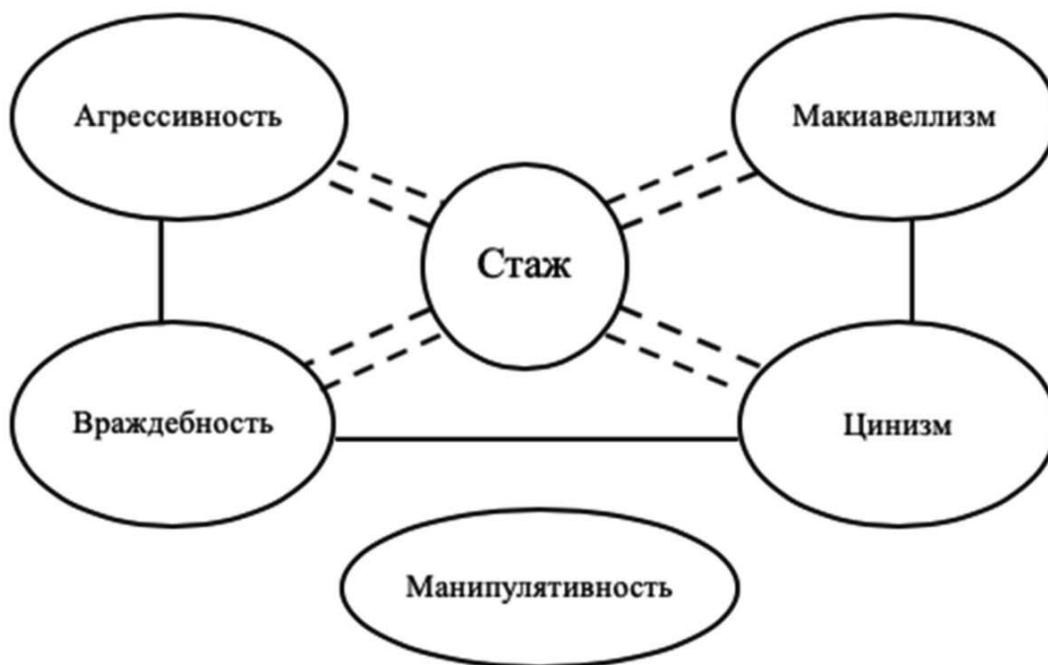

Диаграмма № 1. Плеяды для представителей проф. стажа до 5 лет

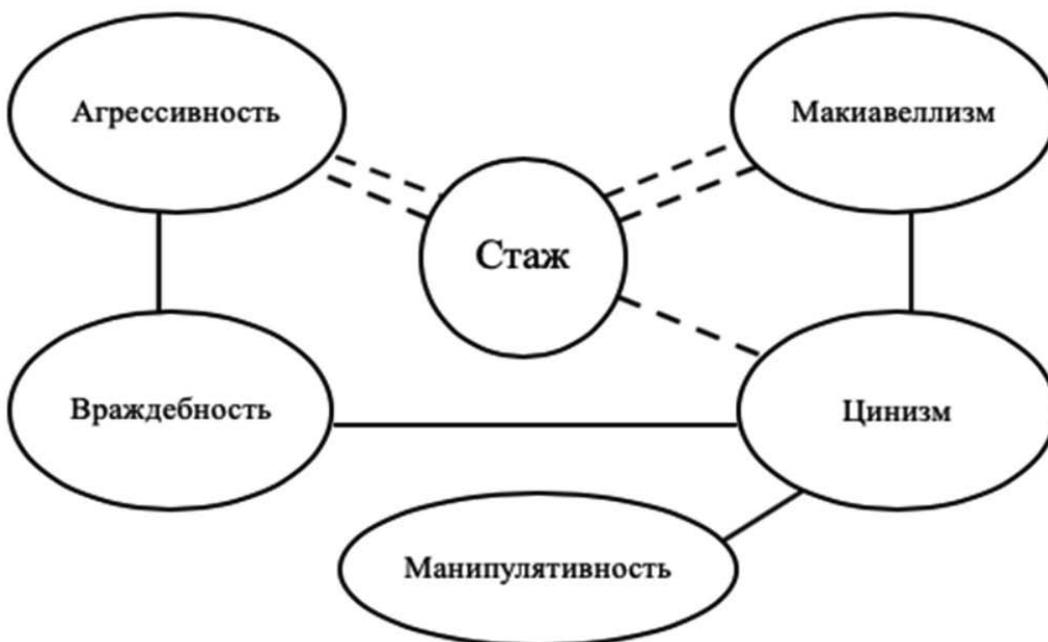

Диаграмма № 2. Плеяды для представителей проф. стажа от 5 и более лет

чения стажа, доминирование враждебных паттернов в общении уменьшается.

Также мы можем видеть, что по мере возрастания стажа падает достоверность взаимосвязи показателей стажа и проявлений цинизма, а манипулятивность как личностное качество начинает демонстрировать корреляционную зависимость с показателями цинизма. Таким образом, по мере увеличения стажа падает его взаимосвязь с уровнем цинизма, но возникает корреляционная

связь показателей цинизма и склонности к манипулятивным паттернам в общении.

Для выявления зависимости уровня манипулятивности и стажа работы нами был выполнен анализ линейной регрессии с построением диаграммы рассеяния и вычислением регрессионного уравнения (был применен метод наименьших квадратов). Результаты приведены ниже.

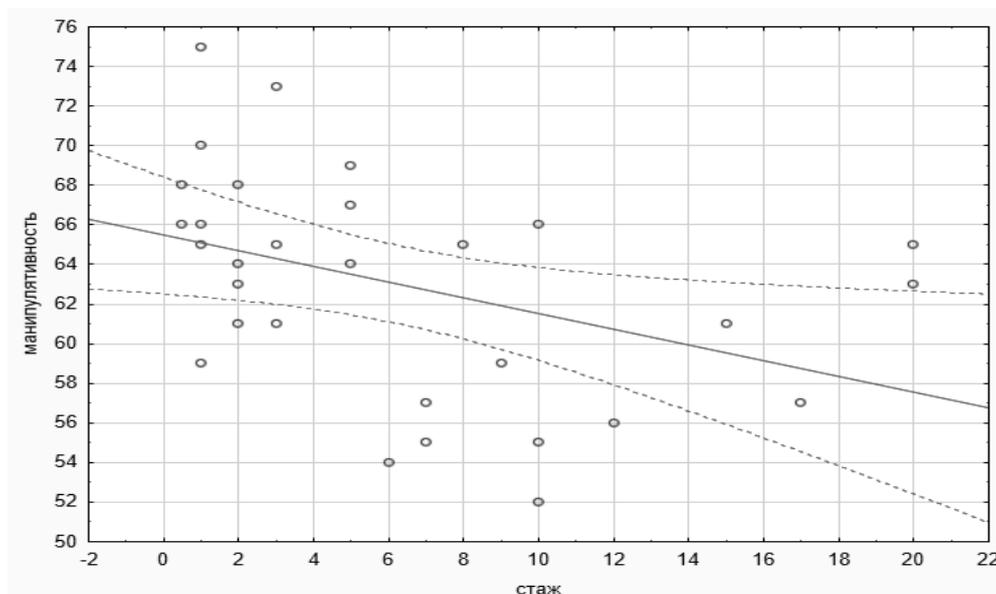

Диаграмма № 3. Диаграмма рассеяния показателей манипулятивности и стажа менеджера

На основании визуального анализа данного поля корреляции можно сделать вывод, что по мере увеличения стажа реализация манипулятивных способностей в общении падает.

На первый взгляд, этот вывод кажется неожиданным. Но, тем не менее, этому можно найти вполне разумное объяснение. Данная закономерность может быть связана с тем, что манипулирование является хорошей тактикой на непродолжительное время. Однако как полноценная долгосрочная стратегия поведения и управления людьми, она показывает неутешительные результаты. Мы можем предположить, что менеджер-манипулятор создаёт в коллективе такую обстановку, где он ставит себя выше других и провоцирует этим напряжённость. Но чем дольше продолжаются манипуляции, чем дольше растёт напряжённость, тем меньше вероятность того, что сотрудника, порождающего подобную напряжённость, оставят на управленческой должности. Одновременно с тем, менеджеры на протяжении многих лет работы в достаточной степени повышают свою коммуникативную компетентность, и наличие манипулятивных паттернов поведения становится им нужным в значительно меньшей степени. То есть, менеджеры справляются с возникающими перед ними задачами и без применения манипуляций.

Также визуальный анализ корреляционного поля позволяет сделать вывод, что связь между всеми возможными значениями стажа менеджера (факторного признака) и показателями манипулятивности (результативного признака) носит линейный характер. Выведенное нами уравнение линейной регрессии имеет следу-

ющую формулу:

$$\text{Уровень манипулятивности} = 65,4657 - 0,3967 * \text{показатель стажа}$$

Таким образом, зная показатель стажа менеджера, мы можем подставить его в приведенную выше формулу и с определенной долей вероятности предсказать его уровень манипулятивности.

Можно ли из этого сделать однозначный вывод, что у оптанта всегда по мере работы на должности менеджера падает потребность реализовывать манипулятивные паттерны поведения? Очень хотелось бы сделать именно такой вывод, но мы так однозначно заявлять не можем. Все дело в том, что мы тестировали только тех, кто являлся успешным менеджером. И за пределами диагностической процедуры оказались те оптанты, кто не проявил должного профессионализма и вынужден был уйти из профессии. То есть, мы предполагаем, что как раз лица с манипулятивными склонностями не задерживаются в профессии, а остаются в ней как раз те, кто стремится отказаться от манипулятивных шаблонов. Косвенным подтверждением этого утверждения является тот факт, что группы № 1 (до 5 лет стажа) и № 2 (5-20 лет) не смотря на разницу во временных отрезках являются равновесными: 14 и 16 человек, соответственно.

Однако, тем не менее, результаты проведенного нами исследования позволяют подтвердить выдвинутое нами предположение относительно того, что степень выраженности манипулятивных установок у менеджеров, отличающихся друг от друга показателями своего стажа, различна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих отношений. М, Эксмо, 2015.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, 1997.
3. Литвак М.Е. Психологический вампиризм. Р/Д, Феникс, 2020.
4. Шостром Э. Анти-Карнеги. М, Попурри. 2004

© Кутейников Алексей Николаевич (alex_kutejnikov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА — ОБЪЕКТА ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Латынов Владислав Викторович

*К.псх.н., с.н.с., ФГБУН Институт психологии Российской
Академии Наук (Москва)
vladlat5@lenta.ru*

INDIVIDUAL CHARACTERISTICS OF A PERSON — AN OBJECT OF INFLUENCE AS A FACTOR OF THE EFFECTIVENESS OF PSYCHOLOGICAL INFLUENCE

V. Latynov

Summary: The article discusses the issues of personalized influence – influence that takes into account the individual psychological characteristics of the people to whom it is directed. Eight groups of significant in this respect characteristics (bases of personalization) have been identified: the psychological state of a person, features of his goals and motivation, cognitive characteristics, features of the structure of attitudes, social identity, cultural characteristics, personality traits, subjective vulnerability to tactics of influence. The effectiveness of personalization increases when it is aimed at several characteristics of a person – the object of influence, and he himself uses a systematic analysis of information. Under certain conditions (the use of a stigmatized identity as the basis for personalization, the recipient's perception of personalization as a violation of privacy or an attempt to manipulate), personalization reduces the effectiveness of the impact.

Keywords: psychological influence, personalized influence, influence effectiveness, object of influence, systematic analysis of information.

Аннотация: В статье обсуждаются вопросы персонализированного воздействия, – воздействия, учитывающего индивидуально-психологические особенности людей, на которых оно направлено. Выделено восемь групп значимых в данном отношении характеристик (оснований персонализации): психологическое состояние человека, особенности его целей и мотивации, когнитивные характеристики, особенности структуры аттитюдов, социальная идентичность, культурные особенности, черты личности, субъективная уязвимость к тактикам воздействия. Эффективность персонализации возрастает в том случае, когда она нацелена на несколько характеристик человека – объекта воздействия, а он сам использует систематический анализ информации. При определенных условиях (использование в качестве основания персонализации стигматизированной идентичности, восприятие реципиентом персонализации как нарушение приватности или попытки манипулирования) персонализация вызывает снижение эффективности воздействия.

Ключевые слова: психологическое воздействие, персонализированное воздействие, эффективность воздействия, объект воздействия, систематический анализ информации.

Растущий массив данных, свидетельствующих о значимости индивидуальных особенностей человека – объекта воздействия как фактора эффективности психологического воздействия, обусловил повышенное внимание ученых к персонализированному воздействию [16; 25; 31]. В случае такого рода воздействия предполагается учет самых разных индивидуальных особенностей человека, на которого оно направлено: имени, пола, этнической принадлежности, психологического состояния, мотивации, ценностей, личностных черт и т.д.

Обращение к теме персонализированного воздействия обусловлено как логикой развития психологического знания, так и запросами общественной практики: прежде всего, экономики, политики и здравоохранения. Развитие новых средств коммуникации открывает дополнительные возможности индивидуализации воздействия на человека, что повышает востребованность научных данных о закономерностях персонализирован-

ного воздействия.

Неоднократно было продемонстрировано, что персонализированное воздействие способно ощутимо изменять мнения, аттитюды и убеждения людей. Так, персонализация сообщений в Фейсбуке положительно влияла на идентификацию потребителей с брендом и намерение его использовать [32]. В работе С. Матз с соавт. (2017) обнаружено увеличение эффективности воздействия при совпадении характера используемых приемов воздействия и личностных особенностей лица, на которого они направлены [26]. Например, в том случае, когда экстраверты получали сообщение, текст и визуальный ряд которого, наиболее соответствовал, по мнению учёных, этому личностному типу. Эффективность персонализации объясняется тем, что человек – объект воздействия в той или иной степени осознает близость сообщения своим особенностям и позитивно на это реагирует [10].

Рассматривая ситуацию психологического воздей-

ствия, можно выделить в ней четыре основных элемента: субъект и объект воздействия, средство воздействия и его контекст [1]. Соответственно персонализация воздействия может осуществляться в трех направлениях: субъект-объект, контекст-объект, средство-объект. В первом случае для повышения эффективности воздействия выбирается такой его субъект, который соответствует тем или иным особенностям лица, на которое воздействие направлено (полу, расе, эмоциональному состоянию, черте личности и др.) [13]. Например, воздействие на потребителей с высоким эмоциональным интеллектом оказывалось более эффективным в том случае, когда оно осуществлялось субъектом с аналогичной степенью его выраженности [21].

Второе направление персонализации (контекст-ориентированное) предполагает модификацию некоторых элементов контекста воздействия для их большего соответствия характеристикам человека, на которого оно направлено [14]. Например, проигрывание немецкой музыки в магазине приводило к росту продаж немецкого вина, а французской — французского посредством активации соответствующей национальной идентичности (немецкой в первом случае, а французской — во втором) [27].

Следует отметить, что два вышеуказанных направления персонализации исследованы относительно слабо, возможно в связи с тем, что в реальности довольно трудно изменить субъекта и контекст воздействия. Гораздо большее внимание ученых привлекает персонализация средств воздействия. Это обусловлено тем, что задача изменения характеристик средств воздействия (например, коррекция текста убеждающего сообщения) довольно легко реализуема на практике. К настоящему времени изучен широкий спектр особенностей человека — объекта воздействия, «подстраивание» под которых способствует повышению его эффективности. Можно выделить восемь групп значимых в данном отношении характеристик (оснований персонализации): психологическое состояние человека, особенности его целей и мотивации, когнитивные характеристики, особенности структуры аттитюдов, социальная идентичность, культурные особенности, черты личности, субъективная уязвимость к тактикам воздействия.

Рассмотрим последовательно указанные группы. Прежде всего, для персонализации воздействия можно использовать психологическое состояние человека [37]. Причем речь идет как о количественной стороне данного явления (уровень психологического возбуждения), так и о качественной (общий модус настроения: позитивный или негативный, конкретные эмоции, переживаемые человеком). Было обнаружено, что акцент на позитивных аспектах покупки некоторого товара (в сравнении с подчеркиванием «минусов», вызванных его

непокупкой) оказывается более эффективным приемом воздействия на лиц в позитивном эмоциональном состоянии [4]. Верно и обратное: указание на негативные стороны отказа от покупки эффективнее действовало на людей, находящихся в плохом настроении.

Используются для персонализации и когнитивные особенности людей. Речь идет о так называемых майнд-сетах — установках на определенный вид познания мира (абстрактность-конкретность мышления, установка на творчество и др.). Учет данных особенностей при осуществлении воздействия повышает его эффективность [12].

Еще одним основанием персонализации воздействия являются цели и особенности мотивации человека. Например, в психологии принято различать гедонистические (получение удовольствия) и утилитарные (получение выгоды) цели. Существуют индивидуальные различия в данном отношении: одни люди более склонны к достижению гедонистических целей, а другие — утилитарных [2]. Подобные межиндивидуальные различия используются для повышения эффективности воздействия. Установлено, что на «гедонистов» эффективнее действовали рекламные сообщения, подчеркивающие эмоциональные, связанные с чувством удовольствия аспекты потребления некоторого продукта, а на «утилитаристов» — акцентирующие полезность и выгоду обладания продуктом [23].

«Подстраивать» убеждающие сообщения можно и под более общие мотивационные образования людей (мотивация достижения (т. е. ориентация на успех) и мотивация избегания (боязнь неудачи)) [11]. Обнаружено, что на людей с мотивацией достижения сильнее действовали убеждающие сообщения, подчеркивающие позитивный эффект от действий человека («на пожертвованные вами средства библиотека университета купит новые книги»), а на «избегающих» — сообщения, указывающие на негативные эффекты («без благотворительной помощи библиотеке придется выбросить часть книг») [15].

Для персонализации используются также особенности структуры аттитюдов человека. Как известно, аттитюды могут различаться не только валентностью (позитивный-негативный), но и своими основаниями (эмоции или когниции), функциями, которые они выполняют, взаимосвязью с моралью и политическими убеждениями. Например, апелляция к эмоциям успешнее изменяла аттитюды, основанные на эмоциях, а логическое убеждение — аттитюды с когнитивным основанием [20]. Аналогичным образом воздействие оказывается более эффективным при соответствии аргументов убеждающего сообщения моральным основаниям человека и функциональным особенностям его аттитюдов [17; 25].

Основанием персонализации может выступать социальная идентичность человека. Как показали исследования, акцент на идентичности болельщика [28] и классовой идентичности [35] людей позволил с успехом изменять их установки. Возможен при персонализации и учет культурных особенностей людей [29]. Например, есть данные о том, представителям Запада более свойственна аналитичность мышления, а представителям восточной культуры — целостность [31]. Эти различия были использованы для персонализации: эффект воздействия возрастал в тех случаях, когда «аналитикам» предъявлялся рекламируемый товар в изоляции, а «хотливым» — в более широком контексте [24].

Популярным направлением в последние годы стала персонализация воздействия, основанная на личностных чертах человека. Анализ широкого спектра черт (экстраверсии, нейротизма, открытости опыту и др.) показал, что «подстраивание» убеждающих сообщений к соответствующей черте позитивно влияло на эффективность воздействия [36; 38].

Персонализация может осуществляться и в отношении наиболее предпочитаемых человеком стратегий воздействия. Так, М. Каптейн с соавт., собрав информацию об индивидуальной подверженности респондентов различным стратегиям воздействия (авторитет, дефицит, социальное доказательство, последовательность), затем использовали ее для успешного изменения как их установок, так и поведения [18; 19].

Эффективность персонализации обусловлена действием разнообразных психологических механизмов. В самых типичных ситуациях воздействия, когда у человека нет ни особого желания к систематической обработке сообщений, ни направленности на периферические ключевые стимулы, персонализированные сообщения способствуют более внимательному и тщательному анализу поступающей информации [7]. Было обнаружено, что персонализированное сообщение, содержащее «сильные» аргументы, более успешно изменяло установки людей в сравнении с неперсонализированным сообщением, включающим те же аргументы [34]. Именно при наличии углубленного анализа человек способен разобраться в том, насколько убедительны, серьезны аргументы, с помощью которых его побуждают принять некоторую точку зрения. Если же подобная когнитивная установка отсутствует и человек стремится минимизировать свои размышления над приходящими сообщениями, полагаясь на простейшие эвристики, то действие сильных и слабых аргументов оказывается примерно равной.

Ученые выяснили условия, при которых эффект от персонализации воздействия оказывается наиболее выраженным и стойким. Согласно современным представ-

лениям о психологическом воздействии «сильные» (т.е. долговечные, устойчивые к попыткам их изменения и ощутимо влияющие на поведение) установки возникают тогда, когда они формируются на основании систематического анализа информации (по сравнению с использованием эвристик) [1]. В случае подобного анализа человек подробно и внимательно рассматривает различные аспекты поступающих к нему сообщений.

Исследования подтвердили действие указанной закономерности и в случае персонализированного воздействия. В работе Пьеро с соавт. (2012) участники с различной мотивацией к систематической обработке информации получали соответствующие их когнитивной установке убеждающие сообщения: лица с высокой мотивацией получали длинные сообщения, а лица с низкой — короткие [30]. Эффект воздействия этих сообщений фиксировался сразу после эксперимента и через три недели после его проведения. Было обнаружено, что кратковременное изменение установок вызывали как короткие, так и длинные сообщения, однако долговременное (сохранившееся в течение трех недель) изменение установок имело место только в результате воздействия длинных, т.е. подвергавшихся углубленному, систематическому анализу сообщений.

Рассмотрим способы увеличения эффективности персонализированного воздействия. Поскольку, как мы уже отмечали, изменение установок и убеждений, достигаемое посредством углубленного анализа, оказывается наиболее стойким и долговечным, то для повышения эффективности персонализации необходимо побудить человека «хорошенько» подумать над поступившим к нему убеждающим сообщением [31]. Еще одним способом роста ее успешности является воздействие на те установки и убеждения людей, которые для них наиболее значимы. Если удастся добиться такого рода изменений, то эффект от персонализированного воздействия сохраняется надолго [9]. Таргетирование одновременно нескольких характеристик человека — объекта воздействия также делает персонализацию более эффективной [16].

Несмотря на то, что персонализация воздействия в большинстве случаев приводит к росту его эффективности, однако при определенных условиях она вызывает обратный эффект. Например, подобное случается в тех случаях, когда человек считает, что с помощью персонализации покушаются на его приватность [33]. Так, люди, увидев рекламу книжного магазина, соответствующую их предыдущей истории просмотров в Интернете, в зависимости от отношения к подобной практике использования их данных реагировали на это сообщение по-разному. Те, кто считали, что сбор информации для такого варианта персонализации был нелегитимен, отнеслись к рекламному сообщению более негативно по сравнению с теми, кто не видел в этом нарушения при-

ватности [22].

Негативный эффект от персонализации встречается и тогда, когда убеждающее сообщение оказывается нацелено на стигматизированную идентичность человека, что заставляет его чувствовать себя несправедливо оцененным или стереотипно воспринимаемым [8]. Например, такой эффект возникал в тех случаях, когда имеющие избыточный вес потребители считали, что получили информацию о программе похудения именно из-за подобной физической особенности. В свою очередь, это побуждало их генерировать больше негативных мыслей о поступившем сообщении и приводило к ослаблению намерения вести здоровый образ жизни и бороться с избыточным весом [6]. Эффект от персонализации снижается и в тех ситуациях, когда человек начинает считать обращенное к нему убеждающее сообщение манипуля-

цией и угрозой своей свободе выбора, что вызывает негативные эмоции и приводит к отвержению транслируемой сообщением точки зрения [3; 5].

Современные исследования показали, что на эффективность психологического воздействия ощутимое влияние оказывают индивидуально-психологические особенности людей — объектов воздействия. Основаниями персонализации могут выступать самые разные психологические характеристики (психологическое состояние человека, особенности его целей и мотивации, черты личности и т.д.). Это открывает дополнительные возможности для активного использования персонализированного воздействия при решении прикладных задач во многих сферах социальной жизни (политике, экономике, медицине и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия. М., 2013.
2. Abelson, R.P., Prentice, D.A. Beliefs as possessions: A functional perspective // *Attitude structure and function*. A.R. Pratkanis, S.J. Breckler, A.G. Greenwald (Eds.). Psychology Press. 1989. P. 361–379.
3. Brinol, P., Rucker, D.D., Petty, R.E. Naive theories about persuasion: Implication for information processing and consumer attitude change // *International Journal of Advertising*. 2015. V. 34. P. 85–106.
4. Cho, H., Choi, J. Predictors and the role of attitude toward the message and perceived message quality in gain- and loss-frame antidrug persuasion of adolescents // *Health Communication*. 2010. V. 25. P. 303–311.
5. David, P., Henry, A., Srivastava, J., Orcena, J., Thrush, J. Reactance to a tailored multimedia intervention encouraging teachers to promote cover-the-cough // *Journal of Health Communication*. 2012. V. 17. P. 915–928.
6. Derricks, V., Earl, A. Information Targeting Increases the Weight of Stigma: Leveraging Relevance Backfires When People Feel Judged // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2019. V. 82. P. 277–293.
7. Dimmock, J.A., Jackson, B., Clear, S.E., Law, K.H. Matching temporal frame to recipients' time orientation in exercise messaging: Does argument quality matter? // *Psychology of Sport and Exercise*. 2013. V. 14. P. 804–812.
8. El Hazzouri, M., Hamilton, L.K. Why us?! How members of minority groups react to public health advertisements featuring their own group // *Journal of Public Policy and Marketing*. 2019. V. 38. P. 372–390.
9. Evans, L.M., Petty, R.E. Self-guide framing and persuasion: Responsibly increasing message processing to ideal levels // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. V. 29. P. 313–324.
10. Gawronski, B., Bodenhausen, G.V., Becker, A.P. I like it, because I like myself: Associative selfanchoring and post-decisional change of implicit evaluations // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2007. V. 43. P. 221–232.
11. Gerend, M.A., Shepherd, J.E. Using message framing to promote acceptance of the human papillomavirus vaccine // *Health Psychology*. 2007. V. 26. P. 745–752.
12. Han, D., Duhachek, A., Agrawal, N. Coping and construal level matching drives health message effectiveness via response efficacy or self-efficacy enhancement // *Journal of Consumer Research*. 2016. V. 43. P. 429–447.
13. Hartman, T.K., Weber, C.R. Who said what? The effects of source cues in issue frames // *Political Behavior*. 2009. V. 31. P. 537–558.
14. Hunter, R., Mukerji, B. The role of atmospherics in influencing consumer behaviour in the online environment // *International Journal of Business and Social Science*. 2011. V. 2. P. 118–125.
15. Jeong, E.S., Shi, Y., Baazova, A., Chiu, C., Nahai, A., Moons, W.G., Taylor, S.E. The relation of approach/avoidance motivation and message framing to the effectiveness of persuasive appeals // *Social Influence*. 2011. V. 6. P. 15–21.
16. Joyal-Desmarais, K., Rothman, A.J., Snyder, M. How do we optimize message matching interventions? Identifying matching thresholds, and simultaneously matching to multiple characteristics // *European Journal of Social Psychology*. 2020. V. 50. P. 701–720.
17. Julka, D.L., Marsh, K.L. An attitude functions approach to increasing organ-donation participation // *Journal of Applied Social Psychology*. 2005. V. 35. P. 821–849.
18. Kaptein, M., Markopoulos, P., de Ruyter, B., Aarts, E. Personalizing persuasive technologies: Explicit and implicit personalization using persuasion profiles // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2015. V. 77. P. 38–51.
19. Kaptein, M.C., de Ruyter, B., Markopoulos, P., Aarts, E. Tailored persuasive text messages to reduce snacking // *ACM Transactions on Interactive Intelligent Systems*. 2012. V. 2. P. 10–35.

20. Keer, M., van den Putte, B., de Wit, J., Neijens, P. The effects of integrating instrumental and affective arguments in rhetorical and testimonial health messages // *Journal of Health Communication*. 2013. V. 18. P. 1148–1161.
21. Kidwell, B., Lopez-Kidwell, V., Blocker, C., Mas, E. Birds of a feather feel together: Emotional ability similarity in consumer interactions // *Journal of Consumer Research*. 2020. V. 47. P. 215–236.
22. Kim, T., Barasz, K., John, L.K. Why am I seeing this ad? The effect of ad transparency on ad effectiveness // *Journal of Consumer Research*. 2019. V. 45. P. 906–932.
23. Klein, K., Melnyk, V. Speaking to the mind or the heart: Effects of matching hedonic versus utilitarian arguments and products // *Marketing Letters*. 2014. V. 27. P. 131–142.
24. Liang, B., Runyan, R.C., Fu, W. The effect of culture on the context of ad pictures and ad persuasion: The role of context-dependent and context-independent thinking // *International Marketing Review*. 2011. V. 28. P. 412–434.
25. Luttrell A., Philipp-Muller A.Z., Petty R.E. Challenging moral attitudes with moral messages // *Psychological Science*. 2019. V. 30. P. 1136–1150.
26. Matz, S.C., Kosinski, M., Nave, G., Stillwell, D.J. Psychological targeting as an effective approach to digital mass persuasion // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. V. 114 (48). P. 12714–12719.
27. North, A.C., Hargreaves, D.J., McKendrick, J. The influence of in-store music on wine selections // *Journal of Applied Psychology*. 1999. V. 84. P. 271–276.
28. Ottati, V., Rhoads, S., Graesser, A.C. The effect of metaphor on processing style in a persuasion task: A motivational resonance model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 77. P. 688–697.
29. Orji, R. Persuasion and Culture: Individualism–Collectivism and Susceptibility to Influence Strategies // *International Workshop on Personalization in Persuasive Technology (PPT'16)*. Salzburg. 2016. P. 30–39.
30. Pierro, A., Mannetti, L., Kruglanski, A.W., Klein, K., Orehek, E. Persistence of attitude change and attitude–behavior correspondence based on extensive processing of source information // *European Journal of Social Psychology*. 2012. V. 42. P. 103–111.
31. Teeny, J.D., Siev, J., Brinol, P., Petty, R.E. A review and conceptual framework for understanding personalized matching effects in persuasion // *Journal of Consumer Psychology*. 2021. V. P. 382–414.
32. Tran, T.P., Lin, C-W., Baalbaki, S., Guzmán, F. How personalized advertising affects equity of brands advertised on Facebook? A mediation mechanism // *Journal of Business Research*. 2020. V. 120. P. 1–15.
33. Van Doorn, J., Hoekstra, J. C. Customization of online advertising: The role of intrusiveness // *Marketing Letters*. 2013. V. 24. P. 339–351.
34. Wan, E.W., Rucker, D.D. Confidence and construal framing: When confidence increases versus decreases information processing // *Journal of Consumer Research*. 2013. V. 39. P. 977–992.
35. Whillans, A.V., Caruso, E.M., Dunn, E.W. Both selfishness and selflessness start with the self: How wealth shapes responses to charitable appeals // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2017. V. 70. P. 242–250.
36. Winter, S., Maslowska, E., Vos, A.L. The effects of trait-based personalization in social media advertising // *Computer in Human Behavior*. 2021. V. 114. 106525. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106525> (дата обращения: 30.11.2021).
37. Yan, L., Liu, M.T., Chen, X., Shi, G. An arousal-based explanation of affect dynamics // *European Journal of Marketing*. 2016. V. 50. P. 1159–1184.
38. Zarouali, B., Dobber, T., De Pauw, G., de Vreese, C.. 2020. Using a Personality-Profiling Algorithm to Investigate Political Microtargeting: Assessing the Persuasion Effects of Personality-Tailored Ads on Social Media // *Communication Research*. 2020. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650220961965> (дата обращения: 30.11.2021).

© Латынов Владислав Викторович (vladlat5@lenta.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОВЛЕЧЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА В РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОГРАММЫ «ПРИОРИТЕТ 2030» КАК ФАКТОР ИХ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Рябинина Мария Васильевна

старший преподаватель, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск
ryabinina_maria@mail.ru

PARTICIPATION OF ACADEMIC STAFF IN THE PROGRAM "PRIORITY 2030" FOR THEIR PERSONAL AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT

M. Ryabinina

Summary: The personal and professional development of the academic staff participating in the program "Priority 2030" contributes to innovation in science, education, and technology. The article describes ways to involve academic staff in the program for their personal and professional development: a scientific degree and rank, liaison with schools of thought, work in the consortium, scientific publications, and implementation of scientific research findings in the academic process. These ways are important for universities seeking the worldwide recognition.

Keywords: "Priority 2030", personal and professional development, innovation, science, education, technology, globalization.

Аннотация: Личностно-профессиональное развитие преподавателя вуза, участвующего в программе «Приоритет 2030», способствует достижению инновационной активности в научно-образовательной и научно-технологической сферах. В статье определены способы вовлечения преподавателей вуза в реализацию программы в контексте личностно-профессионального развития: получение ученой степени и звания, взаимодействие с научными школами, работа в консорциуме, научные публикации и внедрение результатов научных исследований в образовательный процесс. Данные способы важны для развития вуза, стремящегося к международному признанию.

Ключевые слова: «Приоритет 2030», личностно-профессиональное развитие, инновации, наука, образование, технологии, интернационализация.

Введение

В современных социально-экономических условиях личностно-профессиональное развитие преподавателя вуза предполагает совершенствование его личностных качеств в образовательной деятельности, поиск новых направлений научных изысканий с целью поддержания инновационной работы в вузе. В этой связи активное участие в исследовательской деятельности вуза, сотрудничество с инновационными центрами и продвижение передовых научных разработок в международных научных изданиях показывает, насколько конкурентоспособен преподаватель и вуз, в котором он работает. Конкурентоспособность описывает лидерские позиции вуза благодаря «большому научному, исследовательскому и образовательному потенциалу» [3, с. 46-47], который определяет «ускорение технологических обновлений и повышение квалификации» [4, с. 21].

На лидерские позиции указывает федеральная программа «Приоритет 2030», которая отбирает и спонсирует университеты, преуспевающие в области научных исследований и разработок, отличающиеся качеством образования и внедряющие современные технологии. Разностороннее личностно-профессиональное развитие преподавателя в таком вузе – неотъемлемое условие

наращивания кадрового и технологического потенциала для расширения взаимодействия с организациями, чтобы внедрить высокие технологии в российское производство. При этом в научно-образовательной сфере создаются консорциумы «с привлечением организаций реального сектора экономики» [9, с. 239], которые являются «одной из наиболее востребованных организационных моделей интеграции, получившей широкое распространение во всем мире» [7, с. 82].

Вовлечение преподавателей в реализацию программы «Приоритет 2030» напрямую способствует достижению инновационной активности вуза-участника в научно-образовательной и научно-технологической сферах. Ротация участников программы [9, с. 239] создаст возможности «для их устойчивой трансформации в университеты мирового уровня» [7, с. 91]. В таких университетах требования к квалификации преподавателей ужесточаются, поскольку они демонстрируют возможности «в области учебно-методической работы, научно-исследовательской деятельности, социально-экономических связей данного учебного заведения» [2, с. 95]. Целью статьи является определение способов вовлечения преподавателей вуза в реализацию программы «Приоритет 2030» в контексте личностно-профессионального развития.

Способы личностно-профессионального развития преподавателей вуза

Получение ученой степени и ученого звания преподавателем вуза создает возможности для выдвижения новых научных идей и осуществления научных разработок. Подготовка кадров высшей квалификации повышает их научный уровень, требуемый для качественной работы в программе «Приоритет 2030», а также «отражается на качестве образования и престиже российских учебных заведений на мировом рынке образовательных услуг» [2, с. 97]. При этом для престижа вуза важна интернационализация подготовки, для чего требуется устранение языковых барьеров, характерное для глобального рынка высшего образования [4, с. 22]. Также значимо развитие профессиональных аспирантских программ, запрос на которые «поддерживается текущим вектором научно-технологического развития в России» [1, с. 11] и определяет форму «подготовки кадров высшей квалификации для неакадемического рынка труда в конкретной сфере» [1, с. 12].

Взаимодействие с научными школами, которые участвуют в реализации федеральной программы, показывает, насколько эффективно преподаватель вуза способен сотрудничать с сильными научными группами. Приобщенность к научным школам позволяет «синтезировать ... прорывные идеи и проекты» [6, с. 46] по социально-экономическим запросам и реализовывать их согласно инновационной политике вуза. Также появляется возможность получить академическое признание, которое сложно достижимо в виду усиления конкуренции в академической среде [7, с. 89]. Привлечение зарубежных ученых к деятельности научных школ усиливает возможности интернационализации исследований и разработок.

Работа в консорциуме, требуемая в рамках программы «Приоритет 2030», описывает форму «сотрудничества и партнерства» [5, с. 14] «научных и образовательных организаций с предприятиями реального сектора экономики» [1, с. 11]. Привлечение ученых из ведущих мировых центров позволяет задействовать систему «обмена знаниями и обсуждение новых знаний» [4, с. 21] для улучшения инновационных практик, способствующих развитию вуза. В таких условиях внимание на личностно-профессиональное развитие преподавателя вуза подтверждается возможностями для его самореализации и творчества, когда увеличивается вклад «образования и науки в достижение национальных целей развития, рост эффективности инновационной кооперации» [7, с. 92].

Фиксированными результатами продуктивной работы научной школы выступают научные публикации в изданиях, индексируемых в международных базах научного цитирования Scopus и Web of Science. Штатные

сотрудники и иностранные аспиранты являются «важным инструментом для достижения высоких показателей публикационной активности» [8, с. 116], которая подтверждает международное признание российского образования и отражает интеллектуальное развитие человеческого потенциала, характерное для программы «Приоритет 2030» [10, с. 162]. На основе научных результатов от интеллектуальной деятельности создаются технологии, внедряемые в сферы науки, образования и техники на международном уровне. Высокие технологии позволяют российским вузам быть конкурентоспособными как в своей стране, так и за рубежом.

Внедрение результатов научных исследований в образовательный процесс, поддерживаемое администрацией вуза, позволяет обновлять содержание образования в новых социально-экономических условиях и повышать качество образования. При этом важно обеспечить «равного статуса преподавания и исследовательской деятельности, в том числе в области инновационных методов обучения, меж- и мультидисциплинарных подходах» [5, с. 13]. Создание научных групп преподавателей и обучающихся является показателем, как научные идеи и разработки способны выйти за рамки научной школы и воплотиться в технологиях. Сотрудничество с коллегами в вузе, привлечение практиков и представителей организаций, задействованных в реализации федеральной программы, и обмен опытом с ними влияют на качество образования.

Указанные способы личностно-профессионального развития достижимы при финансовом стимулировании профессиональной деятельности преподавателя вуза, вовлеченного в реализацию программы «Приоритет 2030». Данное стимулирование характеризует «связь экономической устойчивости университета и его конкурентоспособности в развитии научной деятельности» [8, с. 117]. Заработная плата, формируемая по результатам оценки показателей профессиональной деятельности преподавателя вуза, является важной мотивацией. Так появляется возможность для повышения «производительности каждого члена коллектива и ... изменения содержания их учебной нагрузки при сохранении и даже увеличении показателей оплаты труда» [2, с. 99].

Заключение

Личностно-профессиональное развитие преподавателя вуза при реализации программы «Приоритет 2030» достижимо несколькими способами, отражающими реализацию научно-исследовательского и инновационного потенциала, который влияет на образовательную деятельность вуза. Данные способы ориентированы преимущественно на повышение научного уровня преподавателя вуза посредством повышения квалификации. Они включают получение ученой степени и звания, взаи-

модействие с научными школами, работу в консорциуме, научные публикации и внедрение результатов научных исследований в образовательный процесс. В совокупно-

сти данные способы отражают научно-образовательное и научно-технологическое направления развития вуза, стремящегося к международному признанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедный Б.И., Бекова С.К., Рыбаков Н.В., Терентьев Е.А., Ходеева Н.А. Профессиональная аспирантура: мировой опыт и российский контекст // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 10. С. 9-21.
2. Верескун В.Д., Исаева Т.Е., Челохьян А.В. Оптимизация кадрового состава университета: достигнутые результаты и обозначившиеся задачи // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25. № 1. С. 94-106.
3. Герцик Ю.Г., Московкин В.М. Повышение конкурентоспособности российских вузов и роль государственных программ в развитии высшего образования. Экономика науки. 2021. № 7(1). С. 39-50.
4. Грязнов С.А. Перспективы высшей школы // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25 июня 2021 г.); гл. ред. Ж.В. Мурзина. – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. С. 20-23.
5. Максимцев И.А., Горбашко Е.А., Онуфриева О.А. Обеспечение качества образования в новых реалиях постпандемического мира // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 4 (63). С. 10-15.
6. Новиков С.В. Структура, основные драйверы и тенденции развития инновационной экосистемы современного университета // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 2 (158). С. 41-49.
7. Овчинникова А.В., Тополева Т.Н. Научно-образовательные консорциумы: сбалансированное развитие науки и высшей школы в условиях неэкономии // Вестник НГИЭИ. 2021. № 9 (124). С. 80-96.
8. Сандлер Д.Г., Гладырев Д.А. (2021). Структурные, экономические и образовательные факторы научной результативности российских университетов // Вопросы управления. № 3. С. 107-120.
9. Серебряков А.А. Обзор программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 3. С. 236-241.
10. Стеценко В.В. «Приоритет 2030» в контексте развития социальных институтов в России // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 3. С. 155-164.

© Рябинина Мария Васильевна (ryabinina_maria@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фахурдинов Ренат Равильевич

Новосибирский ордена Жукова военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск
yul-zhivaeva@yandex.ru

RELATIONSHIP OF MOTIVATION AND PROFESSIONAL ORIENTATION OF THE PERSONALITY OF CADETS OF MILITARY INSTITUTES OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

R. Fakhurdinov

Summary: This article examines modern psychological approaches to the study of motivation and professional orientation. The essence of the personality orientation and the methodological basis of its formation are revealed by the psychological factors that determine the motives of the cadets' activities. The results of the study of the characteristics of the orientation of the cadets' personality are presented.

Keywords: motivation, focus, professional focus.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются современные психологические подходы к исследованию мотивации и профессиональной направленности. Раскрывается сущность направленности личности и методологические основы ее формирования у курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации. Выделены психологические факторы, определяющие мотивы деятельности курсантов. Приведены результаты изучения особенностей направленности личности курсантов.

Ключевые слова: мотивация, направленность, профессиональная направленность.

Актуальность исследования. В условиях современности при формировании войск национальной гвардии РФ целесообразно говорить о новом перечне требований, которые предъявляются к формированию военно-профессиональной направленности обучающихся образовательных учреждений войск национальной гвардии нашего государства.

Необходимые профессиональные аспекты личности курсанта развиваются, главным образом, благодаря его активному участию в образовательных процессах учебного заведения и профессиональной деятельности. В основе личностного становления лежит формирование профессиональной направленности, профессионального самосознания, приобретение соответственного профессии багажа знаний, умений и навыков [8].

Рассматривая понятие профессиональной направленности, подразумевают такую интегративную характеристику личности, как психологическая готовность к трудовой деятельности. От этой важнейшей характеристики напрямую зависят карьерные перспективы, динамика в профессиональной среде, степень удовлетворённости работой и её результатами, заинтересованность в профессиональном развитии.

Профессиональная направленность является одной из наиболее значимых личностных характеристик будущего военнослужащего. Ей определяются специфические особенности мотивационной составляющей обучающегося, отвечающей за применение знаний и навыков в выбранной им сфере деятельности [2]. Говоря о профессиональной направленности курсантов, стоит понимать, что она является крайне сложной и разносторонней системой, состоящей из множества взаимосвязанных элементов [4]. Согласно деятелю отечественной психологической науки Н.С. Пряжникову, можно обозначить пять базовых уровней, которые включает в себя формирование профессиональной направленности студентов ВУЗов, а именно:

- подготовительный этап, обязательный перед профессиональным самоопределением обучающегося;
- осуществление выбора конкретной профессии или профессиональной деятельности;
- освоение выбранной специальности;
- углубление и расширение совокупности знаний, умений и навыков, которые обучающийся получает самостоятельно в процессе работы, самосовершенствование в избранной области;
- изучение новых или смежных специализаций [11].

Российская психологическая наука отводит весомую роль мотивации обучающегося. Мотивация выступает ключевым фактором, оказывающим существенное влияние не только на качество и результативность профессиональной деятельности индивида, но и на степень его удовлетворённости собственной работой [10].

Одна из наиболее значимых и сложных проблем в психологической науке - это проблема мотивов и мотивации человеческого поведения. Однако, как бы ни была велика её важность, выдающийся отечественный психолог А.Н. Леонтьев однажды высказался о проблеме мотивации и поведенческих мотивов достаточно категорично, охарактеризовав её как «мешок, куда ссыпали самые разные понятия» [6].

Высказывание А.Н. Леонтьева не лишено оснований, так как множество учёных не смогли прийти к консенсусу в чётком определении психологических феноменов, выступающих в роли мотивов. Так, Л.И. Божович понимал под мотивами намерения, представления, идеи, чувства, переживания; Х. Хекхаузен относил в эту категорию потребности, влечения, побуждения и склонности личности; Г.А. Ковалёв отводил ключевую роль морально-этическим, политическим, социальным установкам и намерениям индивида; К.К. Платонов определял мотивы как специфические состояния психики и личностные особенности; сам А.Н. Леонтьев склонялся к мнению о том, что под мотивами стоит рассматривать предметы внешнего мира; А. Маслоу называл мотивами установки. Такое разнообразие взглядов на феномен представляется вполне оправданным, стоит лишь вспомнить о том, что само человеческое поведение по природе своей является крайне многообразным.

От мотивационной сферы напрямую зависит, какую степень трудолюбия и настойчивости продемонстрирует человек, занимаясь избранной им деятельностью и стремясь достичь её результатов. Мотивация представляет собой «особый психический процесс или особое психическое действие со своим строением и с функцией формировать побуждение» [1].

Для западной психологической науки характерен подход, изучающий мотивацию в качестве определённой личностной характеристики, от которой зависит устойчивость сформированного индивидом отношения к осуществляемой им работе. Так, изучению этого вопроса посвятили труды Г. Мюррей, Г. Олпорт, Д. Макклелланд.

Описывая факторы, которыми определяются мотивы человека, необходимо учитывать значимость психических регуляторных контуров, то есть в определённой мере самостоятельных образований, обладающих сравнительной устойчивостью, за счёт которых осуществля-

ется согласование всей мотивационной сферы [3].

По признаку ценностных ориентаций человека мотивы можно условно разделить на две категории: социально важные и важные лично, индивидуально. В контексте этих двух групп становится ярко выражено влияние типа профессиональной направленности индивида на его мотивационную сферу.

Ввиду вышесказанного, целесообразным будет перечислить основные психоэмоциональные факторы, непосредственно влияющие на систему мотивации человека.

1. Ценностный: отвечает за образование системы ценностей, присущей избранной индивидом профессиональной деятельности, актуализирует имеющиеся мотивы.
2. Социальный: посредством него достигается ориентировка индивида на социальную среду, в которой он находится и осуществляет свою профессиональную деятельность.
3. Саморегуляция: индивид оказывает непосредственное влияние на свои мотивы, осознанно и целенаправленно контролируя собственную деятельность, применяя для этого существенные усилия воли. Обеспечение саморегуляции не представляется возможным, если человек не проявляет самостоятельности и не готов брать на себя ответственность за свои действия.
4. Эмоциональный: способствует эмоциональной поддержке деятельности, которая оказывает влияние на уровень и направленность активности, а также на формирование у человека необходимого отношения к осуществляемым им действиям.
5. Информационный: базируется на знаниях, которые человек приобретает в процессе обучения. Большинство психологов согласны с выделением, прежде всего двух типов мотивации: внешней и внутренней, которые строятся на системе допущений о природе человека и устанавливают законы индикации (намерения к выполнению мотивационного действия) и регуляции поведения.

Для многих учёных характерно деление мотивационной системы на такие категории, как внешняя и внутренняя. Данная классификация не является абсолютной и базируется на комплексе допущений, свойственных человеческой природе.

В трудах зарубежных авторов описываются две разновидности мотивации, отличающиеся друг от друга рядом специфических особенностей: экстринсивная мотивация (сформированная под влиянием внешних факторов) и интринсивная (сформированная посредством индивидуально-личностных потребностей, намерений, помыслов и интересов человека). При этом только для второго типа мотивации характерно осуществление

индивидом деятельности по собственной воле. Х. Хекхаузену принадлежит авторство книги, в которой он систематизирует перечень публикаций, исследующих вышеупомянутую проблематику [12].

Многие авторы выделяют и другие специфические типы мотивации, например «мотивацию благополучия», профессиональные мотивы, мотивы самоутверждения; утилитарные мотивы; понимаемые, осознаваемые и реально-действующие мотивы; актуальные и потенциальные мотивы и др. При этом стоит признать, что научные труды этих деятелей не наделяют проблематику мотивационной сферы индивида, его профессиональной и личностной направленности исчерпывающей изученностью. Имеющиеся публикации, напротив, указывают на степень непроработанности данной области знания и формируют перечень направлений, в которых необходимо изучать специфику направленности и мотивации человеческой личности в наши дни.

В программе образовательных учреждений, осуществляющих профессиональную подготовку военнослужащих, отводится важная роль такому аспекту обучения, как развитие у курсантов профессиональной мотивации. Сюда можно отнести развитие и укрепление заинтересованности обучающегося в особенностях выбранной им специальности; формирование определённых взглядов, необходимого отношения к профессиональной деятельности; воспитание в курсантах готовности действовать в любой ситуации, руководствуясь правомерными и деловыми аспектами; развитие у будущих военнослужащих потребности и желания учитывать перспективы профессиональной деятельности и соотносить с ними личные цели.

Большое значение, особенно в процессе профессиональной подготовки будущих офицеров, придаётся формированию профессиональных мотивов:

- формирование интереса к специфике профессиональной деятельности;
- отношение к службе и избранной специальности;
- потребность всегда поступать исходя из правомерных и деловых целей;
- стремление исходить из перспектив службы и связывать с ними личные планы;
- здоровые служебные притязания, стремление к самовыражению и самоутверждению и др.

Понятие «направленности» является одним из корневых вопросов, изучаемых психологией и педагогикой. Определения, которые дают авторы данному термину, могут иметь некоторые отличия и расхождения, однако большинство учёных уделяют особое внимание мотивационной сфере индивида.

Стоит кратко упомянуть взгляды А.Г. Асмолова. По его

представлению, направленность является ёмким описательным свойством личности индивида. Для того, чтобы исследовать это свойство в полной мере, необходимо отказаться от анализа личностной структуры по элементам и обратиться к принципу анализа по единицам, сформировав перечень требований к единицам анализа структуры личности.

А.Г. Асмолов предлагает следующий список требований: наполненность предметным содержанием; динамичность и раскрытие происхождения, содержания детерминации формирования структуры личности; объяснение развития и саморазвития личности; свойства целого, содержащиеся в единице в виде противоположностей; операционализируемость и др. [5].

По мнению Б.Ф. Ломова, направленность выступает ведущей личностной характеристикой. Учёный считает, что направленность является системообразующим фактором, оказывающим непосредственное влияние на развитие общего психологического профиля индивида.

Согласно взглядам Р.С. Немова и Л.И. Божович, направленность есть ничто иное, как комплекс устойчиво преобладающих мотивов, формирующих целостную структуру личности человека [7].

Особую значимость среди составляющих направленности имеют интересы человека, складывающиеся на базе его потребностей. Потребности выступают фундаментальными свойствами личности, обозначают её нужду в каких-либо ресурсах и представляют собой неисчерпаемый источник активности и психической энергии.

Чтобы определить особенности направленности индивида, мы провели исследование, используя методику диагностики направленности личности, которая даёт возможность узнать: каковы истинные глубинные устремления человека, что он выделяет для себя как наиболее значимое и ценное. Методика диагностики направленности личности Б. Басса (Опросник Смекала – Кучера)

База и выборка исследования. В исследовании приняли участие 110 курсантов 5 курса 110 курсантов 3 курса Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

Анализируя результаты исследования, мы имеем возможность сделать следующее заключение. Результаты исследования представлены на рисунке 1-2.

В ходе исследования были получены следующие результаты: для 30% испытуемых характерен высокий

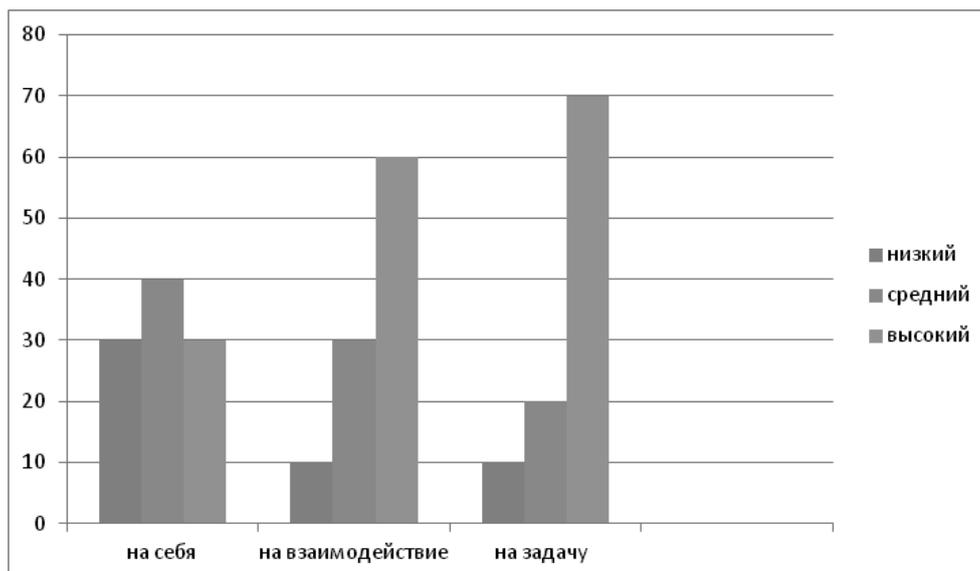

Рис. 1. Результаты изучения направленности личности курсантов 5 курса

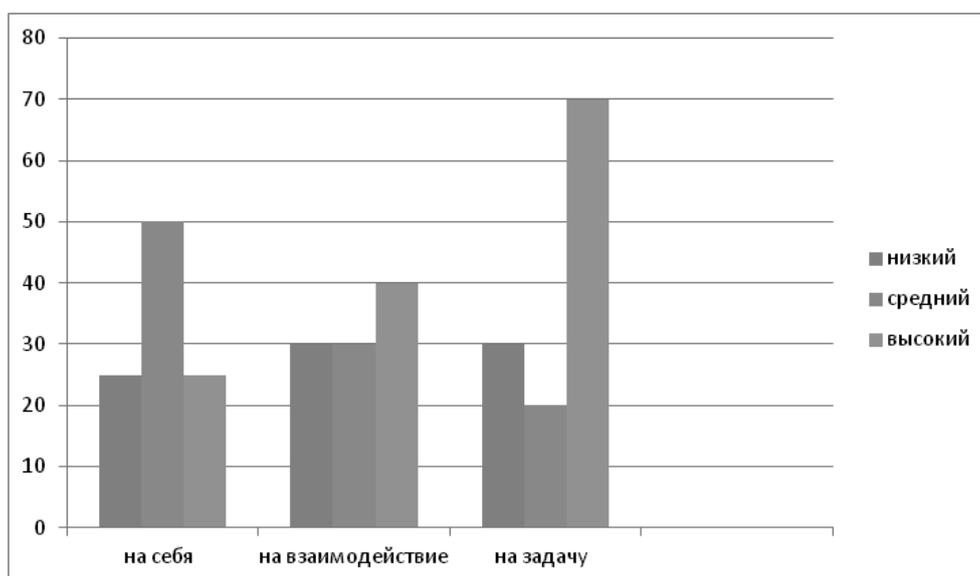

Рис. 2. Результаты изучения направленности личности курсантов 3 курса

уровень направленности на себя, связанной с личным благополучием, стремлением к первенству и престижу. Такие курсанты в большинстве своём обращают внимание только на свои потребности, пренебрегая социальным окружением, а профессиональную деятельность рассматривают, главным образом, как возможность осуществить личные притязания; 40% респондентов проявили средний уровень направленности на себя. 30% курсантов обнаружили слабо выраженную направленность на себя. Эти исследуемые осознают, что их окружают товарищи; не нуждаются в одобрении своей деятельности; хорошо чувствуют себя в социальной группе.

Для 60% опрошенных характерна высокая степень выраженности направленности на взаимодействие: это проявляется в ситуациях, когда поведение человека

объясняется необходимостью формирования социальных контактов, желанием установить хорошие отношения с окружением. У 30% участников направленность на взаимодействие выявлена на среднем уровне.

Этот же показатель слабо выражен у 10% курсантов. Исследуемые из этой группы не отдают себе отчёта в том, что окружены сверстниками и сотоварищами, не способны установить такую атмосферу в коллективе, которая позволит всем желающим свободно выражать своё мнение.

Только у 10% курсантов направленность на задачу выражена слабо. Для 20% исследуемых характерна средняя выраженность этого типа направленности. В высокой степени направленность на задачу свойственна

70 % респондентов. Соотнесем показатели исследования курсантов 5 курса с показателями курсантов 3 курса. Результаты исследования представлены на рисунке 2.

Для выявления статистической значимости различий между показателями исследования у курсантов 5 и 3 курсов, мы использовали t-критерий Стьюдента. Полученное значение $t_{\text{мп}}=2,3$ по шкале «Направленность на себя» находится в зоне значимости ($t_{\text{кр}}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями; по шкале «Направленность на взаимодействие» значение так же находится в зоне значимости $t_{\text{мп}}=2,6$ ($t_{\text{кр}}=1,97$; $p < 0,05$), что так же свидетельствует о статистической суще-

ственности различий между показателями; полученное значение $t_{\text{мп}}=2,8$ по шкале «Направленность на задачу» находится в зоне значимости ($t_{\text{кр}}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями. Таким образом, данные статистической обработки свидетельствуют о значимой разнице показателей исследования особенностей направленности личности у студентов 5 и 3 курса. Можно отметить, что курсанты старшего курса в большей степени ориентированы на проявление направленности на взаимодействие и на задачу. Полученные нами данные помогли определить, к чему стремятся курсанты, какие приоритеты имеют, что считают наиболее значимым в своей деятельности от курса к курсу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев, В.Л. Мотивация поведения и формирование личности / В.Л. Асеев М.: Мысль, 2006. - С.80 – 93.
2. Божович, Л.И. Проблема формирования личности / Л.И. Божович. --М.: Издательство «Институт практической психологии», 1997. – 352 с.
3. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы/ Е.П. Ильин – СПб.: Издательство «Питер», 2000. - 512с.
4. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 304 с.
5. Кунц, Л.И. Профессиональная направленность как фактор формирования образа будущей профессиональной деятельности личности: На материалах студентов-психологов: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.01/. – Новосибирск., 2005. – 216 с.
6. Лосев, А.Н. Формирование военно-профессиональной направленности будущих офицеров: дис. ...канд. пед. наук: 13.00.08/. – Тамбов, 2004. – 201 с.
7. Малютина, Т.В. Психологические и психофизиологические особенности развития в юношеском (студенческом) возрасте / Т.В. Малютина // Омский научный вестник. Раздел: Психологические и педагогические науки. – 2014. - № 2 (126). - С. 129 – 132,.
8. Олпорт, Г. Тенденции в теории мотивации // Проективная психология. М., 2010.- С. 55 - 67.
9. Хекхаузен, Х. Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен Пер. с англ. СПб.: Речь, 2011.- 240 с.
10. Шевченко, Т.В. Формирование военно-профессиональной направленности курсантов в процессе воспитательной работы в военном вузе: дис. ... канд. пед. Наук 13.00.08/. – Пенза, 2008. – 171 с.

© Фахурдинов Ренат Равильевич (yul-zhivaeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

THE IMPORTANCE OF THE FAMILY IN THE UPBRINGING OF MUSLIM YOUTH

K. Khasabova

Summary: Modern youth belonging to the Muslim denomination live in new socio-political conditions. They were born after the regime change in the country, after the onset of a wave of religious revival, which entailed transformations in the sphere of spirituality, family, and value orientations. The article analyzes the problems and values of Muslim youth (from among the residents of the Republic of Dagestan). Understanding the main problems and values of youth is very important, given the complex and multidimensional specifics of modern Muslim youth. Attention is paid to the problem of perception of the family by young people, the role of the family in their socialization, life priorities.

Keywords: youth, family, Islam, values, Sharia.

Современная молодежь, принадлежащая к мусульманской конфессии, проживает в новых общественно-политических условиях. Они были рождены после смены советского режима в стране, после наступления волны религиозного возрождения, что повлекло за собой трансформации в сфере духовности, семьи, ценностных ориентиров.

Весь этот спектр процессов, протекающих параллельно в разных сферах жизни общества, но в то же время отличающихся взаимозависимостью и взаимовлиянием, отразился на жизни мусульманской молодежи, на ее восприятии духовности, на ее приоритетных ценностях.

Ислам как религия возник в начале VII в. Такие нравственные ценности дагестанского народа, как уважение к родителям, почитание старших, гостеприимство, дружба, любовь к Родине, труду и т.д. пришли из глубины веков. Общеизвестны имена Ибн-Сины, Улугбека, Аль-Фараби и многих других мусульманских ученых, труды которых вошли в мировую сокровищницу знаний. Свой вклад исламский мир внес и в воспитание, считавшееся важнейшим делом родителей, общества, государства. Недаром во всех низших образовательных исламских заведениях первейшее внимание уделялось именно вопросам нравственного характера.

В статье используются теоретические наработки и аналитические материалы ведущих исследователей ценностей мусульманской молодежи в мире.

ЗНАЧЕНИЕ СЕМЬИ В ВОСПИТАНИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Хасабова Карина Андреевна

*Соискатель, Южный Федеральный Университет
sahara039@mail.ru*

Аннотация: Современная молодежь, принадлежащая к мусульманской конфессии, проживает в новых общественно-политических условиях. Они были рождены после смены режима в стране, после наступления волны религиозного возрождения, что повлекло за собой трансформации в сфере духовности, семьи, ценностных ориентиров. В статье анализируются проблемы и ценности мусульманской молодежи (из числа жителей Республики Дагестан). Понимание основных проблем и ценностей молодежи очень важно, учитывая сложную и многоаспектную специфику современной мусульманской молодежи. Внимание уделено проблеме восприятия семьи молодежью, роли семьи в их социализации, жизненных приоритетах.

Ключевые слова: молодежь, семья, ислам, ценности, шариат.

Также в статье подвергаются анализу результаты проведенных автором в республиках Северного Кавказа социологических исследований. Например, аналитический отчет по результатам качественного исследования по итогам проведения фокусированных интервью «Радикальная идеология: проблемы, профилактика, решение» в области формирования информационной политики и превенции радикализации молодежи (2017 г.), проведенного автором в рамках проекта ООО «РА «Реклама Кавказ» и Министерства печати и информации Республики Дагестан, и исследования «Вопросы религии и религиозного экстремизма в Республике Дагестан» [1], проведенного автором в рамках проекта Центра исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие» среди молодежи в Республике Дагестан.

Мусульманская религия регламентирует все стороны семейной жизни людей, исповедующих ислам, поэтому этно-педагогика дагестанской семьи нельзя рассматривать в отрыве от исламских ценностей, воспитательная ориентация которых не вызывает сомнений.

Ислам выступает духовно-нравственной основой системы семейного воспитания. Как известно, религия является составной частью самобытной культуры народа. Г.Н. Волков называет ее девятым из десяти суммирующихся этно-педагогических инвариантов (факторов). Десятый – пример-идеал (идея-символ, событие-символ, личность-символ), он суммирует все предыдущие в том

числе и религию – со всеми святыми, их житиями, молитвами, песнопениями, проповедями, мусульманскими праздниками. Все это полнее всего представлено именно в семье.

Далее представим наиболее актуальные проблемы молодежи.

Результаты исследования показали, что среди особенностей региона, влияющих на ценности, распространенные в регионе, можно выделить религиозный фактор как доминирующую в обществе религию, играющую важную роль в жизни населения и, соответственно, являющуюся базисом для формирования ценностей. Другая особенность региона – сила народных традиций в сознании и жизни граждан, влияние адатов (норм обычного права) [1].

Общество здесь смешанное, почти всегда и неразделимо одновременно сочетает в себе исламские, этнические, традиционные и светские принципы.

Молодежь как группа, изначально психологически подверженная радикализму, отличается эмоциональной гиперчувствительностью, склонностью к максимализму, протестности, догматизму [2].

Дагестанскую молодежь отличает высокая степень религиозности.

В дагестанском обществе высокая религиозность (отметили 92,5 % дагестанцев). Следовательно, возможность влиять и воздействовать на народ здесь высока.

Молодежь, особенно самый сложный ее возраст – от 16 до 20 лет, очень восприимчива тогда, когда проходит этап психологической адаптации во взрослый мир и взросления.

Свои проблемы молодежь связывает с ситуативными затруднениями: «учеба... проблема в адаптации в университете... проблема нехватки времени... распределение нагрузки... нехватка сна... нагрузка».

Наиболее часто среди проблем молодежи Дагестана отмечали «употребление запрещенных веществ... наркотики, курение, алкоголь».

Некоторые отметили такие проблемы, как коррупция... востребованность получаемого образования... низкий уровень культуры...

В основном, молодежь разделилась на тех, у кого особых «проблем нет», «все и так хорошо», «с внешним миром и социумом проблем нет», «здесь, в общем, хорошо живется», но есть «проблемы личные», «у кого-то

в семье, у кого-то с учебой», «отношения...», и тех, кто считает, что проблемы существуют, и они связаны с материальным фактором и трудоустройством: «денежное и материальное положение взрослых», «вопрос в возможностях родителей», «работа нам потом», «и сейчас работа тоже для нас проблема».

Наиболее часто озвучиваемая проблема молодежи – отношения с родителями: «проблема отцов и детей», «есть такие люди, у кого в этом возрасте плохие отношения с родителями» и «таких много».

Проблема «воспитания» и «культуры» также во всех группах озвучивалась как актуальная, а также «неуважение к старшим», поведение, в частности «в транспорте».

Отношение к проблемам разное: «Есть философские проблемы, и есть проблемы, с которыми мы ежедневно встречаемся... Философские проблемы неразрешимы. А проблемы повседневные, бытовые разрешимы. Но важно, с какой точки зрения их воспринимать, чтобы они решались» [3].

Настроение учащейся молодежи зависит «от количества пар», «от нагрузки», «успехов», «зависит от многого», «от уроков, даже от погоды». То есть наличие проблем или отношение к ним зависит зачастую от ситуации.

Настроения в молодежной среде также сложно однозначно охарактеризовать, так как они разные и даже противоположные. Часть молодежи отметила, что, в общем, все хорошо, но бытовое и повседневное иногда способно омрачить настроение.

Но у части молодежи «настроения нет», и они отмечают «депрессивность» и «агрессивность» молодежи, причина которых кроется в «материальном факторе». Особенно часто подобную проблему озвучивали респонденты мужского пола: «вот окончу университет, а работы нет, жениться тоже надо, дом строить...».

Как показали исследования, проведенные среди молодежи, молодые люди отмечают существование следующих проблем:

- личные проблемы (повседневные, бытовые, психологические);
- материальные проблемы и затруднения (трудоустройство, подработка, возможности родителей);
- культура и воспитание;
- проблема «отцов и детей».

Проблема отсутствия взаимопонимания с родителями — это «конфликт», который может проявляться с двух сторон, в двух крайностях, каждая из которых иногда выступает одним из факторов допущения радикализации и оказывается довольно значительной [4].

С одной стороны, проблема «отцов и детей» проявляется в недостаточном внимании к детям и проблемам своих детей, в отсутствии доверия и понимания, в непонимании и игнорировании изменений в их поведении. С другой стороны, в излишнем контроле, давлении, навязывании своего мнения и в нежелании понять их позицию, что вызывает отторжение и протест.

Важнейшей задачей молодого человека и путем в успешное будущее является воспитание и получение хорошего образования. Стремительный процесс реисламизации привел к тому, что со светским образованием стало конкурировать исламское религиозное образование. Молодежь уезжала учиться в зарубежные страны, были открыты местные религиозные учебные заведе-

ния.

Результаты исследования показывают, что в обществе высоко ценится образование, и воспитание должно совмещать и светское, и религиозное, т.е. человек должен знать свою религию, но при этом быть грамотным. Правовое сознание, несмотря на условия полиюридизма, достаточно развито, но в то же время полиюридизм накладывает свой отпечаток, который нельзя игнорировать.

Важно развивать духовность, не впадать в крайности и модные новые тенденции, не допустить «отчуждения», создания «параллельных обществ» [2]. Ведущая роль здесь у духовных лиц и образованной элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barbara Franz. Europe's Muslim Youth: An Inquiry into the Politics of Discrimination, Relative Deprivation, and Identity Formation. *Mediterranean Quarterly*. – 2007. – 18:1. – 89–112.
2. Сиражудинова С.В. К проблеме радикализации молодежи в Республике Дагестан // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. – 2017. – Т. 20. – С. 26–33.
3. Бердяев Н.А. Размышления об эресе / Н.А. Бердяев // *Эрос и личность*. М., 1989
4. Соловьев В.С. Духовные основы жизни / В.С. Соловьев. 3-е изд. Спб., 1897. 177 с.

© Хасабова Карина Андреевна (sahara039@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕВРОТИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ – АКТИВНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИГРОВЫМИ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛАМИ

Шевеленкова Татьяна Дмитриевна

*К.псих.н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва; Институт психологии им. Л.С. Выготского
shevelenkova@gmail.com*

NEUROTIC STATES AND EXISTENTIAL PROBLEMS OF MODERN YOUNG PEOPLE – ACTIVE USERS OF INTERNET GAME PORTALS

T. Shevelenkova

Summary: The work expanded the understanding of the factors contributing to the emergence of neurotic disorders in modern young people: such a factor is acceleration, which affects all levels of human life, including its existential (deep) level and leading to a decrease in the feeling of existential fulfillment in young people, which in turn is an important determinant of the onset of neurotic disorders and addictive behavior.

The respondents were young people - active users of Internet gaming portals, given that their use of them is often viewed as a kind of «escapism», a decrease in the level of functioning, a manifestation of gambling addiction, which are also characteristic of neurotic disorders. The prevalence and severity of neurotic states in young people 18-27 years old - active users of Internet gaming portals - were determined: in 79.9% various neurotic states were found, and in 61% their painful nature was revealed.

It is shown that the lower the existential fulfillment and its components, the higher the level of severity of neurotic states in young people: a decrease in the general level of existential fulfillment, as well as all its components, is characteristic precisely for young people with a high severity of neurotic states.

Keywords: neurotic states, existential fulfillment.

Аннотация: Работа расширила представление о факторах, способствующих возникновению у современных молодых людей невротических расстройств: в качестве такого фактора выступает ускорение, затрагивающее все уровни жизнедеятельности человека, в том числе и экзистенциальный (глубинный) ее уровень и приводящее к снижению у молодых людей ощущения экзистенциальной исполненности, что в свою очередь является важной детерминантой возникновения невротических расстройств и зависимого поведения.

Респондентами выступили молодые люди - активные пользователи игровыми интернет-порталами, учитывая, что обращение их к ним часто рассматривается как своеобразный «эскапизм», снижение уровня функционирования, проявление игровой зависимости, характерные также и для невротических расстройств. Определена распространенность и выраженность невротических состояний у молодых людей 18-27 лет - активных пользователей игровыми интернет-порталами: у 79,9% обнаружены различные невротические состояния, а у 61% выявлен их болезненный характер.

Показано, что чем ниже экзистенциальная исполненность и ее составляющие, тем выше уровень выраженности невротических состояний у молодых людей: снижение общего уровня экзистенциальной исполненности, а также всех ее компонентов, характерно именно для молодых людей с высокой выраженностью невротических состояний.

Ключевые слова: невротические состояния, экзистенциальная исполненность.

Молодой возраст всегда считался важнейшей эпохой в становлении человека как личности, но, с другой стороны, он же является и одним из крайне критических периодов: особые проблемы встают в связи с увеличивающимся потоком информации, резким изменением привычного образа жизни, формированием межличностных отношений вне семьи, а также необходимостью адаптации к новым условиям труда, проживания и т.д. [1, с. 266].

Многие авторы отмечают, что в последние годы наблюдается резкое ухудшение показателей здоровья молодежи [1, 2]. Растет число неврозов и невротических состояний, в то же время официальная статистика распространенности невротических расстройств в молодом возрасте отсутствует, но по некоторым неофици-

альным данным неврозами страдает от 12,9% до 69,9% молодежи.

Диапазон факторов, которые в научной литературе рассматриваются как способствующие развитию неврозов и невротических состояний, постоянно расширяется. В последние десятилетия в поле внимания исследователей попадают все новые и новые детерминанты (причины) развития различных видов психической патологии, в том числе и неврозов. В существующих условиях многомерности жизни, ее быстрых трансформаций, глобализации и цифровизации, информационная открытость и доступность приводят к серьезному размыванию границ социализации, смене ролей социальных институтов, традиционных социальных и образовательных практик, возникает разрыв преемственности поколений, об-

условленный скоростью обмена информацией и сменной технологий [6, с. 201]. К факторам, провоцирующим формирование невротических состояний, относят и сам молодой возраст, который рассматривается как возраст наиболее высокого риска манифестации психической патологии [8].

В последние годы все большее внимание в этой связи привлекается к вопросам «антропологического и экзистенциального кризиса» [14, с. 55], вызванного по мнению Э. Тофлера ускорением перемен, пошатнувшим все современные социальные структуры. «...Ускорение перемен – это также и психологический фактор. Хотя его почти полностью игнорировали психологи, возрастающая скорость перемен нарушает наше внутреннее равновесие, преобразуя сам способ переживания жизни» [15, с. 45].

Анализируя работу Э. Тофлера, А.Ш. Тхостов и В.А. Емелин (в том числе и в плане возникновения ситуаций, провоцирующих возникновение психических расстройств) отмечают, что в качестве патологизирующих факторов в ткани современной культуры формируется ряд «разрывов»: вертикальный («межпоколенческий»), горизонтальный (связанный с неравномерностью ускорения) и структурный (делающий возникшие разрывы необратимыми, а отставание нарастающим) [5, с. 14]. Основным следствием этого с точки зрения цитируемых авторов явилось нарушение условий формирования устойчивой идентификации «вследствие минимального времени для освоения ее модели» [5, с. 14]. Более того, в результате «... Человек становится атомарным, не включенным в межпоколенческие вертикальные и горизонтальные социальные сети, чувствующим отсутствие поддержки, одиночество и экзистенциальный вакуум: кто я, откуда и куда иду?» [5, с. 19].

Ускорение как психологический фактор затрагивает все уровни жизнедеятельности человека, в том числе и экзистенциальный (глубинный) ее уровень – сами основы бытия человека, его экзистенцию. Иными словами, оно влияет на способность человека реализовать подлинное или аутентичное «бытие-в-мире» и, как субъекта собственной жизни, принимать свободные и ответственные решения. Именно эта способность и подвергается в настоящее время прессингу.

Отметим также, что обращение человека к экзистенции «происходит не позитивным, а негативным путем – к экзистенции принуждают прийти переживания страха, отчаяния, ужаса чувственного соотнесения с неизбежностью собственной смерти, опыт пограничных ситуаций. Именно такие тяжелые эмоциональные переживания приводят к своего рода внутренней революции – аутентичное существование начинает осознаваться в качестве такой безусловной ценности, что становится

очевидным существенное и несущественное, а также более невозможным уклонение в пустую суетность повседневности» [16, с. 183].

Несмотря на то, что человек во все времена стоит перед одними и теми же «вечными вопросами» или «предельными данностями» бытия, он может и не реализовать возможность своей экзистенции. Можно считать, что ее реализация осложняется, прежде всего, ускорением, формирующим «структурный разрыв», о котором говорилось выше. В данном случае вопросы, связанные с экзистенциальными аспектами существования, стоящие перед современными молодыми людьми, с одной стороны, – крайне обострены, а с другой, – не могут быть адекватно разрешены. Негативное разрешение обозначенных выше вопросов приводит к нарушению психического здоровья. «Некорректный или неполноценный ответ на эти вопросы, а также полное отсутствие у личности какого-либо ответа вообще, закономерно детерминируют нарастание внутреннего напряжения, повышенную тревожность и страх смерти... закономерно приводит к трудно корректируемым психическим и духовным изменениям» [13, с. 246-247]. С позиций экзистенциального подхода (Л. Бинсвагер, Р. Мэй, В. Франкл и др.) данные психические и духовные изменения можно назвать «экзистенциальным неврозом»: «Западный человек двадцатого века не только переживает отчуждение социального мира от него, но страдает также от внутреннего, мучительного убеждения в том, что он отдален от самой жизни» [12, с. 134].

Охарактеризованные выше проблемы встают перед людьми разных возрастов, но кардинально они затрагивают все же молодежь, поскольку формирование мировоззренческих моделей, смысложизненных ориентаций и поведенческих стратегий в молодом возрасте происходит сегодня именно в ситуации утраты стабильности, устойчивых моделей идентификации, усиливающейся неопределенности, что провоцирует у молодых людей переход на сниженный уровень функционирования и способствует появлению различных форм эскапизма, что, в свою очередь, делает молодых людей особенно уязвимыми к возникновению у них невротических состояний. Именно для них становится критичным то, что в силу «структурного разрыва», как отмечалось выше, человек становится атомарным, чувствующим отсутствие поддержки, одиночество и экзистенциальный вакуум.

В последние годы экзистенциальные проблемы и трудности личности начинают рассматриваться как детерминанты аддиктивного поведения, формируется новый взгляд на понимание аддиктивного поведения как формы гипертрофированного переживания экзистенциальных трудностей личности и последующей потери субъектности [13, с. 245]. Именно молодые люди чаще формируют аддиктивное поведение, в том числе Интер-

нет-зависимость и зависимость от компьютерных игр.

Одним из важнейших экзистенциальных измерений существования молодого человека в мире является уровень экзистенциальной исполненности [7], понимаемой как присутствие и реализация смысла, как открываемого молодыми людьми в своей жизни, так и творимого ими.

Экзистенциальная исполненность согласно С.В. Кривцовой, А. Лэнгле, К. Орглер и И.Н. Майниной может быть охарактеризована по следующим измерениям: «само-дистанцирование» (SD) как способность посмотреть на ситуацию со стороны; «самотрансценденция» (ST) – как богатство и полнота отношений с другими и с миром в целом, способность понимать и ценить свои чувства и чувства других; «свобода» (F) – способность ощущать жизнь как полную возможностей и совершать свободный выбор на основе собственных ценностей; «ответственность» (V) – как чувство личной включенности в жизнь, способность планировать собственную жизнь и управлять ею, реализовывать замыслы; «персональность» (P) как возможность человека ориентироваться в своем внутреннем мире, доверять ему, использовать свои способности и возможности; «экзистенциальность» (E) как уверенность в своем «экзистенциальном месте» в мире и способность учитывать его требования и справляться с ними. «Общий показатель» экзистенциальной исполненности (G-WERT) показывает то, насколько человек способен быть в диалогических отношениях с миром и ощущает жизнь как наполненную и реализующую смысл [9, с.171; 11, с.156-162].

Уровень экзистенциальной исполненности, который обнаруживает человек, лишь косвенно отражает то, насколько трудна актуальная жизненная ситуация молодого человека. Прежде всего ее уровень характеризует то, как он решает свои проблемы, способен ли он при их решении быть в диалоге с самим собой, другими людьми и с миром в целом и, тем самым, насколько способ его проживания жизни определен его собственными ценностями с одной стороны (то есть аутентичен), а также ориентирован на мир (открыт).

Ярко выраженным проявлением измененного и нарушенного экзистенциального ответа молодых людей на вызовы собственной жизни является резкое снижение «экзистенциальной исполненности». Снижение экзистенциальной исполненности мы рассматриваем, с одной стороны, как важный фактор уязвимости для формирования невротических расстройств в молодом возрасте, а также как особенности их существования при наличии психической патологии (неврозов), - с другой. Это снижение может усугубляться ее дальнейшим падением вследствие невозможности соответствовать вызовам современности.

Сравнительный анализ экзистенциальной исполненности в разных возрастах показал, что она выше у более взрослых индивидов в силу их жизненного опыта и большей осознанности ими своего существования [10, с. 176], поэтому ожидается, что в силу особенностей своего возраста, молодежь более уязвима для формирования невротических расстройств.

В данной работе сделана попытка исследования взаимосвязи выраженности невротических состояний и характера экзистенциальных проблем (экзистенциальной исполненности) у молодых людей, активных пользователей игровыми интернет-порталами. Данный контингент был подвергнут исследованию, поскольку активное и частое обращение к игровым порталам у современной молодежи часто рассматривается как своеобразный «эскапизм», снижение уровня функционирования, проявление игровой зависимости, возникающие, как отмечалось выше, в современной социальной и культурной ситуации [3; 4].

Увлеченность компьютерными играми имеет как ряд позитивных, так и негативных эффектов. С одной стороны, существует угроза формирования интернет-зависимости, а с другой, наоборот, их можно рассматривать как возможность развлекаться, развивать интеллект, навыки общения, компьютерную грамотность, а также они могут быть конкретным проявлением субъектного, здорового способа бытия. Доказательством этого утверждения будет наличие среди активных пользователей игровыми платформами молодых людей, не выявляющих никаких невротических состояний, а также демонстрирующих достаточный уровень экзистенциальной исполненности.

Методики исследования

Определение распространенности различных невротических состояний у молодых людей, активных пользователей игровыми интернет-порталами, осуществлялось с помощью «Клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний» [17]. Особенности экзистенциальной исполненности изучались с помощью «Шкалы экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер в адаптации И.Н. Майниной [9; 11].

Описание выборки

Определение распространенности различных невротических состояний у молодых людей, играющих в компьютерные игры, а также изучение связи степени выраженности данных состояний с характером и особенностями экзистенциальных проблем (экзистенциальной исполненности и субъективным ощущением одиночества), проводилось нами совместно с А.В. Козловым (студентом 6 курса факультета психологии РГГУ)

на базе активных пользователей одного из игровых интернет-порталов. В исследовании приняли участие молодые люди в возрасте от 18 до 27 лет (средний возраст – 21 год). Всего 644 человека. Из них 358 (55,6% выборки) респондентов женского и 286 (44,4% выборки) мужского пола.

Результаты исследования.

Результаты исследования распространенности и выраженности невротических состояний у молодых людей – активных пользователей игровыми интернет-порталами – свидетельствуют о том, что у 20,1% респондентов не обнаружено признаков невротических состояний; у 79,9% наблюдаются различные невротические состояния, у большинства молодых людей (61%) невротические состояния носят ярко выраженный характер. В структуре невротических состояний наиболее часто встречаются невротическая депрессия (47,6%) и обсессивно-фобические нарушения (33,2%). Тревога как невротическое состояние, выявлена у 27,3% молодых людей, истерический тип реагирования – у 23,6%, вегетативные нарушения – у 20,9%, астения – у 18,6%. В большинстве случаев невротические состояния носят смешанный характер.

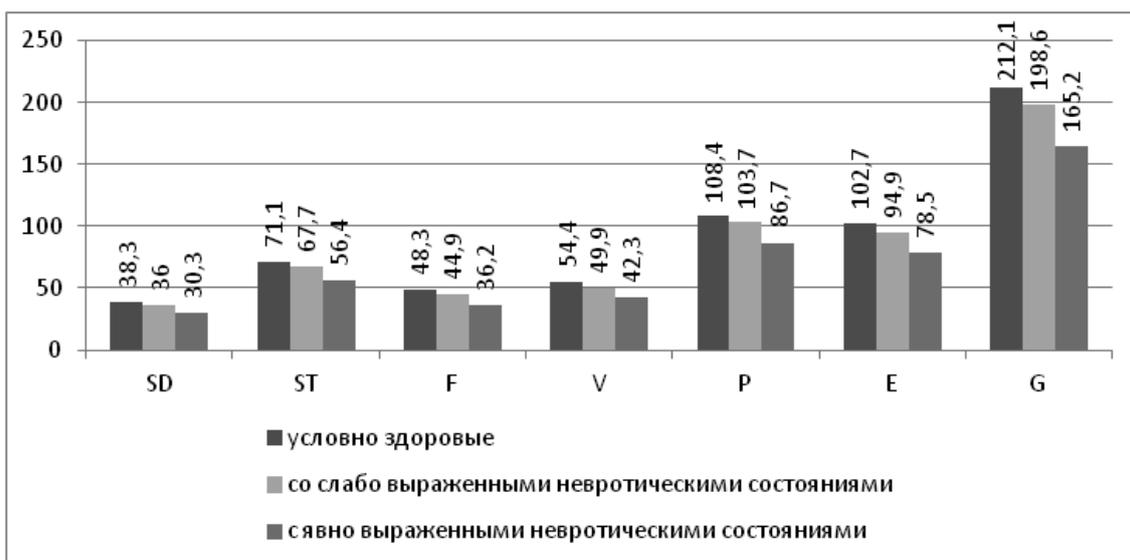
С целью проведения сравнительного анализа особенностей компонентов экзистенциальной исполненности у молодых людей (активных пользователей игровыми интернет-порталами) с различными невротическими состояниями было выделено три группы испытуемых: 1 группа – молодые люди без признаков невротических состояний («условно здоровые») – 133 человека; 2 группа – молодые люди, имеющие слабо выраженные невротические

состояния – 118 человек; 3 группа – молодые люди с яркими проявлениями невротических состояний – 393 человека.

Результаты анализа средних тенденций шкал экзистенции в группах молодых людей (активных пользователей игровыми интернет-порталами) с разным уровнем невротических состояний представлены на рисунке 1.

Анализ средних значений компонентов экзистенциальной исполненности выявил, что в группе молодых людей с ярко выраженными невротическими состояниями, такие показатели как средние значения самоотрансценденции (ST), свободы (F), экзистенциальности (E), а также усредненный общий показатель экзистенциальной исполненности (G) имеют низкие значения. Средний показатель персональности (P) в группе с ярко выраженными невротическими состояниями стремится к нижней границе среднего уровня. Все остальные усредненные показатели, самодистанцирования (SD) и ответственности (V), – располагаются в диапазоне средних значений.

Высокие показатели *самодистанцирования* в группе «условно здоровых» получены у 27,1% опрошенных, в группе со слабо выраженными невротическими состояниями – у 16,9% испытуемых; в группе с наличием ярко выраженных невротических состояний – только у 4,6% молодых людей. В свою очередь низкие показатели самодистанцирования выявлены у 3,8 % «условно здоровых», у 7,6% респондентов в группе со слабо выраженными невротическими состояниями, а также у 29,5 % респондентов с наличием ярко выраженных невротических состояний.

SD – Самодистанцирование; ST - Самоотрансценденция; F – Свобода; V- Ответственность; P – Персональность; E – Экзистенциальность; G - Экзистенциальная исполненность.

Рис. 1. Средние значения компонентов экзистенциальной исполненности (баллы)

Более чем у половины молодых людей с наличием ярко выраженных невротических расстройств (54,1%) получены низкие показатели *самотрансценденции*, что значимо больше, чем в первой и второй группах, где этот показатель самотрансценденции встречается соответственно в 6,8% и 12,7% случаев. Высокие показатели самотрансценденции во всех группах встречаются относительно редко (6,8% в первой группе, 1,7% – во второй, и 0,8% - в третьей).

Низкие показатели по шкале «Свобода» в группе с ярко выраженными невротическими состояниями встречаются практически у половины опрошенных (51,3%). В группе без признаков невротических состояний доля молодых людей с низкими показателями свободы составила только 4,5%, а в группе со слабыми их проявлениями – 12,7%. Высокие показатели свободы в группе с наличием невротических состояний выявлены только у одного человека, что составило 0,3% от этой выборки. В группе со слабыми проявлениями невротичности доля таких опрошенных составила 3,3%, а в группе «условно здоровых» - 9,8%.

Высокие показатели *ответственности* в первой и второй группах респондентов выявлены только у 2,3% и 0,8% опрошенных, а в третьей группе (с яркими проявлениями невротичности) они не встречаются. Низкими показателями ответственности отличаются только 3,8% «условно здоровых» молодых людей и 11,9% молодых людей со слабыми проявлениями невротических состояний. В группе с наличием ярко выраженных невротических состояний доля таких опрошенных составила 41,3%.

Также практически у половины молодых людей с наличием ярко выраженных невротических состояний наблюдаются низкие показатели по шкале *персональности* (48%), тогда как первой группе они встречаются только у 5,3% опрошенных, а во второй – у 10,2%. Высокие показатели персональности в группе «условно здоровых» встречаются значимо чаще, чем во второй (17,3% и 6,8% соответственно) и третьей (1,5%) группах.

Ни у кого из молодых людей с наличием ярко выраженных невротических состояний не выявлено очень высоких показателей *экзистенциальности*. В группах «условно здоровых» и со слабыми проявлениями невротичности высокие показатели по этой шкале также встречаются крайне редко (3% и 0,8% соответственно). Низкие показатели экзистенциальности выявлены только у 4,5% «условно здоровых» молодых людей. В группе со слабо выраженными невротическими состояниями низкими показателями по этой шкале характеризуются только 14,4% опрошенных, тогда как в группе с ярким характером их проявлений низкая экзистенциальность выявлена больше, чем у половины респондентов (57,4%). При

этом 92,5% «условно здоровых» и 84,8% молодых людей со слабыми проявлениями невротических состояний отличаются средними показателями экзистенциальности.

Анализ процентного соотношения испытуемых с разными показателями *экзистенциальной исполненности* показывает, что высокие ее показатели в группе со слабо выраженными невротическими состояниями не выявлены, а в первой (условно здоровые) и третьей (с ярко выраженными невротическими проявлениями) группах они обнаружены только у 3,8% и 0,3% опрошенных соответственно. Практически у всех «условно здоровых» молодых людей (93,2%) и подавляющего большинства молодых людей с неявными проявлениями невротических состояний (87,3%) показатели экзистенциальной исполненности средние. В группе с наличием ярко выраженных невротических расстройств средние показатели экзистенциальной исполненности встречаются в 45,9% случаев. Только 3% «условно здоровых» молодых людей характеризуются низкими показателями экзистенциальной исполненности. В группе с неявными проявлениями невротических состояний доля таких опрошенных составила 12,7%, а в группе с наличием ярко выраженных невротических состояний этот показатель достигает 53,8%. То есть, больше, чем половина молодых людей данной группы характеризуется низкой экзистенциальной исполненностью.

Статистический анализ различий в величинах всех компонентов экзистенциальной исполненности у молодых людей (активных пользователей игровыми интернет-порталами) с различной выраженностью невротических состояний показал, что значимые различия ($p \leq 0,01$) существуют как между группами 1 и 2 («условно здоровыми» молодыми людьми и молодыми людьми, имеющие слабо выраженные невротические состояния), так и между группами 1 и 3 («условно здоровыми» респондентами и респондентами с яркими проявлениями невротических состояний).

Подсчитаны также различия в частоте встречаемости различных уровней показателей экзистенции (низких, средних и высоких ее значений) в исследуемых группах (условно здоровых, со слабо выраженными и ярко выраженными невротическими состояниями) молодых людей, активных пользователей игровыми интернет-порталами (Таблица 1).

Согласно данным, представленным в Таблице 1, у молодых людей, активных пользователей игровыми интернет-порталами, практически не встречаются высокие показатели не только по таким шкалам, как «самотрансценденция», «свобода» и «экзистенциальность», но и не обнаружены высокие значения «общего индекса экзистенциальной исполненности». Респонденты без признаков невротических состояний чаще всего обнаружи-

вают средний уровень всех показателей экзистенции, которые, тем не менее, выявляются значимо чаще, чем у молодых людей с явными и неявными проявлениями невротических состояний. У молодых людей с болезненными проявлениями невротических состояний чаще всего выявляется низкий уровень таких показателей, как «самотрансценденция», «свобода», «ответственность», «персональность» и «экзистенциальность»; низким чаще всего оказывается и общий показатель экзистенциальной исполненности.

Результаты статистического анализа различий в значении показателей всех шкал экзистенции подтверждаются данными корреляционного анализа связи степени выраженности различных невротических состояний и параметров экзистенции (Таблица 2).

Согласно данным, представленным в таблице 2,

получена статистически значимая отрицательная взаимосвязь (на уровне $p \leq 0,01$) выраженности всех невротических состояний с показателями всех шкал экзистенциальной исполненности, что позволяет говорить о том, что чем ниже значение показателей экзистенциальной исполненности и ее составляющих, тем выше уровень выраженности невротических состояний у молодых людей – активных пользователей игровыми интернет-порталами.

Наиболее тесно отрицательно взаимосвязаны со всеми компонентами экзистенциальной исполненности степень выраженности невротической депрессии, проявлений астении, тревоги, а также выраженность обсессивно-компульсивных расстройств.

Таким образом, получены статистические данные, позволяющие говорить о более выраженных экзистен-

Таблица 1.

Уровень различий частоты встречаемости показателей экзистенции в группах с различной выраженностью невротических состояний (SD)

	Показатели	χ^2 -критерий Пирсона		
		«Условно здоровые»/Со слабо выраженными НС (n1=133, n2=118)	Условно здоровые»/С ярко выраженными НС (n1=133, n2=393)	Со слабо выраженными НС / С ярко выраженными НС (n1=118, n2=393)
SD	низкие	-	21,98**	14,533**
	средние	0,728	0,11	1,95
	высокие	2,466	17,328**	6,654**
ST	низкие	1,911	50,612**	36,688**
	средние	0,002	36,06**	34,452**
	высокие	-	-	-
F	низкие	3,298	52,138**	32,484**
	средние	0,018	29,822**	26,752**
	высокие	2,402	7,262**	-
V	низкие	3,484	38,14**	20,654**
	средние	1,643	32,34**	19,324**
	высокие	-	-	-
P	низкие	1,062	44,478**	32,818**
	средние	0,666	14,548**	36,532**
	высокие	4,258*	12,86**	-
E	низкие	4,628*	63,02**	38,328**
	средние	2,232	54,544**	36,704**
	высокие	-	-	-
G	низкие	2,23*	60,98**	36,22**
	средние	0,917	50,612**	36,688**
	высокие	-	-	-

** - $p \leq 0,01$, * - $p \leq 0,05$

SD – Самодистанцирование; ST - Самотрансценденция; F – Свобода; V- Ответственность; P – Персональность;

E – Экзистенциальность; G - Экзистенциальная исполненность.

циальных проблемах у молодых людей (активных пользователей игровыми интернет-порталами) с различными ярко выраженными невротическими состояниями в сравнении с молодыми людьми без признаков невротических расстройств.

Анализ результатов исследования и выводы

Результаты исследования позволили охарактеризовать типичные экзистенциальные проблемы молодых людей, активных пользователей игровыми интернет-порталами, с выраженными невротическими состояниями (61% обследованных), которые мы рассматриваем как следствие, так и как причину ярко выраженных невротических состояний.

Обнаружено снижение способности к самодистанцированию более чем у четверти респондентов (29,5 %) с наличием ярко выраженных невротических состояний: снижена способность посмотреть на себя и на свою жизненную ситуацию со стороны, что, в свою очередь, может объясняться внутренней фиксацией на себе, неудовлетворенностью потребностей. Следствие этого является невозможность реалистично воспринимать и мыслить, реально оценивать обстоятельства и свои возможности, думать не только о себе и своих потребностях, но и об окружающих, управлять своей жизнью.

Значимое снижение способности к самотрансценденции более чем у половины (54,1%) молодых людей (активных пользователей игровыми интернет-порталами) с наличием ярко выраженных невротических расстройств свидетельствует о бедности и уплощенности в эмоциональных отношениях с окружающими и миром в целом, о сугубо деловой и функциональной позиции в отношении к жизни, неспособности адекватно воспринимать эмоциональную сторону отношений и ценить ее, о неуверенности и беспомощности, плохом понимании

эмоциональных состояний как своих, так и других, о восприятии возникающих чувств как мешающих жить.

Низкий F-показатель в группе с ярко выраженными невротическими состояниями встречаются практически у половины опрошенных (51,3%). Для них характерны: неспособность к принятию решений, неуверенность в их правильности, нерешительность, страх перед возможными последствиями собственных решений, склонность перекладывать принятие решений и ответственность за них на других людей (тревожные состояния), отсутствие сил для активных действий (депрессивные состояния), неспособность определиться с выбором при наличии множества возможностей (истерический тип реагирования). Фаталистическое отношение к жизни, убежденность, что решения и активные действия ни к чему не приведут, что может усиливать выраженность невротических состояний (наличие значимой отрицательной связи между свободой выбора и невротическими состояниями: чем в меньшей степени человек способен к самостоятельному принятию жизненных решений, тем более выражены невротические состояния).

Как свидетельствуют источники [9; 11] недостаток проявлений свободы имеет свою специфику у людей с различными невротическими проявлениями. Так, например, молодой человек, реагирующий на свои жизненные обстоятельства тревогой, обнаруживает неуверенность в принятии решений, депрессивные молодые люди - не могут решиться на проявления активности; Молодые люди с истерической формой реагирования не может сделать выбор, поскольку плохо понимает, к чему стремится. Если снижение F-показателя сочетается со снижением экзистенциальности (как это обнаруживается в данном исследовании), то это может свидетельствовать о пассивности, об экстернальном локусе контроля, фатализме, переживании бессмысленности, об угрозе формирования зависимостей разного рода [9; 11].

Таблица 2.

Взаимосвязь степени выраженности невротических состояний и показателей экзистенции (коэффициент корреляции Пирсона, n=644)

Невротические состояния	Шкалы экзистенции						
	SD	ST	F	V	P	E	G
Тревога	-0,378**	-0,393**	-0,495**	-0,533**	-0,425**	-0,552**	-0,525**
Невротическая депрессия	-0,492**	-0,648**	-0,589**	-0,510**	-0,644**	-0,594**	-0,668**
Астения	-0,427**	-0,450**	-0,518**	-0,547**	-0,483**	-0,576**	-0,565**
Истерический тип реагирования	-0,337**	-0,407**	-0,453**	-0,460**	-0,414**	-0,491**	-0,487**
Обсессивно-фобические нарушения	-0,379**	-0,394**	-0,513**	-0,509**	-0,426**	-0,549**	-0,524**
Вегетативные нарушения	-0,279**	-0,336**	-0,400**	-0,397**	-0,342**	-0,428**	-0,412**

* - $p \leq 0,01$, * - $p \leq 0,05$

SD – Самодистанцирование; ST - Самотрансценденция; F – Свобода; V- Ответственность; P – Персональность;

E – Экзистенциальность; G - Экзистенциальная исполненность.

Низкий уровень персональной ответственности у молодых людей (активных пользователей игровыми интернет-порталами) с наличием ярко выраженных невротических состояний (встречается у 41,3%) свидетельствует об отсутствии у них способности управлять жизнью, реализовывать замыслы. У них отсутствует желание планировать свою жизнь, что-либо изменить в ней, довести какое-то дело до конца, отсутствуют волевые усилия, жизнь идет как бы сама собой. В исследовании обнаружено, что у респондентов с высоким уровнем выраженности невротических состояний $P > E$, то есть, что свобода и ответственность редуцированы при низком SD, что, как отмечается А. Лэнгле, К. Орглер С.В., Кривцовой и И.Н. Майниной, может свидетельствовать о некомпенсированном неврозе [9; 11].

5. Низкий показатель персональности (встречается у 48% респондентов) в группе с наличием ярко выраженных невротических состояний, указывает на закрытость человека, неспособность к открытому восприятию самого себя и мира, занятость собой, но при этом о невозможности человека ориентироваться в своем внутреннем мире, доверять ему, использовать свои способности. Как отмечают А. Лэнгле, К. Орглер С.В., Кривцова и И.Н. Майнина, в данном случае можно говорить о том, что молодой человек незрел или уже пережил относительно длительный процесс разрушения личности [9].

В группе с яркими проявлениями невротичности низкая экзистенциальность выявлена больше, чем у половины респондентов (у 57,4% респондентов). Для данных молодых людей характерна низкая, способность ориентироваться в мире, принимать решения и воплощать их в жизнь, бездействие, отсутствие уверенности в своем «экзистенциальном месте»; респонденты необязательны, сдержанны, не знают, что нужно делать, не способны выдерживать большие эмоциональные нагрузки.

Экзистенциальная исполненность жизни значительно снижена в группе респондентов с наличием ярко выраженных невротических состояний (у 53,8% респондентов), что означает, что данные респонденты не способны быть в диалогических отношениях с миром и ощу-

щает жизнь как наполненную смыслом и реализующую смысл. А. Лэнгле, К. Орглер С.В., Кривцова и И.Н. Майнина отмечают, что при низком G «...под воздействием стрессов легче возникают психические расстройства. Если при низком G-показателе уже имеется психическое заболевание, то существует вероятность того, что оно уже имеет тяжелую степень» [9, с. 161]. Полученные в исследовании данные подтверждают это положение разработчиков концепции экзистенциальной исполненности и методики ее измерения.

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о том, что чем ниже уровень экзистенциальной исполненности и ее составляющих, тем выше степень выраженности невротических состояний у молодых людей (получена статистически значимая отрицательная взаимосвязь на уровне $p < 0,01$ степени выраженности всех невротических состояний со всеми шкалами экзистенции). Наиболее тесно отрицательно взаимосвязаны со всеми компонентами экзистенциальной исполненности степень выраженности невротической депрессии, проявлений астении, тревоги, а также выраженность обсессивно-компульсивных расстройств.

Получены данные, позволяют говорить о более выраженных экзистенциальных проблемах у молодых людей (активных пользователей игровыми интернет-порталами) с различными ярко выраженными невротическими состояниями в сравнении с молодыми людьми без признаков невротических расстройств: снижение общего уровня экзистенциальной исполненности, а также всех ее компонентов, характерно именно для молодых людей с высокой выраженностью невротических состояний.

В работе расширено представление о детерминантах невротизации и формирования зависимого поведения у современных молодых людей: показано, что снижение экзистенциальной исполненности является важным фактором возникновения невротических расстройств и зависимого поведения (в частности, зависимости от компьютерных игр).

ЛИТЕРАТУРА

1. Айварова Н.Г., Наумова М.В. Актуальные вопросы психологического здоровья современной студенческой молодежи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4(21) С. 266-269
2. Александровский Ю.А. Предболезненные состояния и пограничные психические расстройства. – М.: Литтерра, 2010. – 272 с.
3. Ворошилин С.И. Игровая зависимость: социальные, психологические и биологические основы // Суицидология, № 3, 2011. С. 26-37.
4. Демидова Т.Н. Проблемы виртуального общения в современном обществе как индикатор психологического неблагополучия личности // Психологическое здоровье личности: теория и практика: сборник научных трудов по материалам III Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И.В. Белашева. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. С.48-49.
5. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 14-24.

6. Козлов В.Е., Тимофеев А.А., Садрисламов Г.Ф. Развитие личности в современных условиях: социально-педагогический аспект // Развитие человека в эпоху цифровизации: сборник научных трудов; под редакцией д.п.н., профессора Р.Х. Гильмеевой, к.п.н., доцента Л.А. Шибанковой в 2-х томах, том 1. – Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2020. С. 200-206.
7. Комиссарова О.А. Экзистенциальная наполненность жизни студентов – психологов 1 курса // Международный научно-исследовательский журнал. № 3 (81), 2019. С. 144-146.
8. Красик Е.Д., Положий Б.С., Крюков Е.А. Нервно-психические заболевания у студентов. – Томск, 1982. – 115 с.
9. Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala)
10. А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. №1. Бюллетень, Москва, 2009. С. 141-170.
11. Кузубова В.О. Исследование экзистенциальной исполненности у лиц юношеского и зрелого возрастов // Новая наука: от идеи к результату: междунар. науч. период. издание по итогам междунар. науч.-практ. конф. «Новая наука: от идеи к результату». – Sterlitamak, 2015. С. 173-177.
12. Майнина И.Н. Адаптация опросника «Шкала экзистенции» (Existenzskala; ESK) к русскоязычной выборке // Экзистенциальный анализ. № 1. Бюллетень, 2009, Москва, 2009. С. 171-181.
13. Мэй Р. Открытие Бытия / пер. с англ. А. Багрянцевой. М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2004. 224 с.
14. Родионов А.Н., Маликов В.М. Экзистенциальный подход в решении проблем аддиктивного поведения современного человека // Психологическое благополучие современного человека [Электронный ресурс]: материалы Международной заочной научно-практической конференции (20 марта 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. С.А. Водяха. – Екатеринбург: 2019. С. 245-254.
15. Тарасова О.И. Экзистенциальные проблемы современного человека и информационно-психологическая безопасность // Психологическое благополучие современного человека [Электронный ресурс]: материалы Международной заочной научно-практической конференции (20 марта 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. С. А. Водяха. – Екатеринбург: 2019. С. 54-59
16. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
17. Шумский В.Б. Онтологическое и персоналистическое направление в экзистенциальной психологии: сравнительный анализ // Экзистенциальный анализ. № 1. Бюллетень, 2009, Москва, 2009. С. 181-199.
18. Яхин К.К., Менделевич Д.М. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний / Клиническая и медицинская психология: Практическое руководство. М., 1998. С.545–552.

© Шевеленкова Татьяна Дмитриевна (shevelenkova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный гуманитарный университет

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕГЕТАТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНЫХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ

Ядрищенская Татьяна Васильевна

К.б.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
tagir.on-line@mail.ru

TYPOLOGICAL FEATURES OF VEGETATIVE REGULATION IN THE ASPECT OF SYSTEM RELATIONSHIP

T. Yadrishenskaya

Summary: The article examines the correlation relationship between the quantitative values of the vegetative balance and various psychophysiological and psychological indicators from the standpoint of a systematic approach to the study of integral individuality. It was found that the strongest interactions of the vegetative balance are manifested with psychophysiological indicators of the functional state, within the same level of self-regulation, as an indicator of the basic innate mechanisms of systemic regulation. To a lesser extent, the correlative relationships of typological features of autonomic regulation are expressed with psychological qualities, since they are reflections of the activity of complex regulatory mechanisms that are formed in the process of interaction of the organism with environmental factors and, as a rule, do not have the character of linear relationships.

Keywords: autonomic balance, autonomic regulation, correlative relationships, normotonia, sympathicotonia, vagotonia, psychophysiological indicators, M. Luscher's eight-color test, individual styles of self-regulation, systemic approach.

Аннотация: В статье рассматриваются корреляционные взаимоотношения между количественными значениями вегетативного баланса и различными психофизиологическими и психологическими показателями с позиций системного подхода в изучении интегральной индивидуальности. Установлено, что наиболее сильные взаимодействия вегетативного баланса проявляются с психофизиологическими показателями функционального состояния, в пределах одного уровня саморегуляции, как показатель базовых врожденных механизмов системной регуляции. В меньшей степени коррелятивные взаимоотношения типологических особенностей вегетативной регуляции выражены с психологическими качествами, так как являются отражением деятельности сложных регуляторных механизмов, которые формируются в процессе взаимодействия организма с факторами среды и, как правило, не имеют характера линейных отношений.

Ключевые слова: вегетативный баланс, вегетативная регуляция, коррелятивные отношения, нормотония, симпатотония, ваготония, психофизиологические показатели, восьмицветовой тест М. Люшера, индивидуальные стили саморегуляции, системный подход.

Введение

В качестве основного базового компонента психофизиологических механизмов адаптации к различным условиям среды, в том числе и образовательной среды в вузе, рассматривают вегетативную нервную систему (ВНС), которая выполняет задачу поддержания оптимального функционального состояния организма адекватного текущей деятельности. Типологические особенности вегетативной регуляции, обусловленные балансом симпатического и парасимпатического отделов вегетативной нервной системы (вегетативный баланс), являются устойчивой личностной характеристикой. Они выявляются уже в раннем детском возрасте и могут определять особенности психоэмоциональной и когнитивной сферы, мотивационных стилей, эффективность и характер физиологических и психических процессов саморегуляции, адаптационные возможности организма (в том числе и особенности социальной адаптации) [1, 3, 10]. В структуре многоуровневой иерархической системы вегетативной регуляции выделяют три уровня.

1. Сегментарный аппарат (спинной мозг и ствол головного мозга) – двухнейронные эфферентные звенья симпатического и парасимпатического отделов, осуществляющие непосредственную иннервацию внутренних органов (локальная регуляция, внутрисистемный гомеостаз) [6].
2. Стволовые центры координируют работу эфферентных звеньев и обеспечивают согласованность физиологических процессов и процессов межсистемного гомеостаза (перераспределение и расходование функциональных ресурсов) [6].
3. Высший регуляторный уровень – структуры промежуточного и конечного мозга, контролирующей деятельность стволовых и сегментарных центров и обеспечивающие создание и поддержание функционального состояния организма в зависимости от выполняемой деятельности [6].

Особенности деятельности вегетативной нервной системы обеспечивают состояние функциональных ресурсов и деятельность механизмов их регуляции. Нарушение баланса между симпатическим и парасимпати-

ческим отделам ВНС приводят к развитию вегетативных дисфункций, которые у взрослых людей могут характеризоваться следующими признаками: общая слабость, повышенная утомляемость, эмоциональная лабильность (раздражительность, тревожность, депрессивное настроение), снижение памяти, головные боли, тяжесть в голове, нарушенный сон (частые пробуждения), реакция на смену погоды, повышенная потливость, частые головокружения, нестабильность артериального давления, изменение сердечного ритма и т.д. [3].

Баланс вегетативной регуляции определяет возможности механизмов адаптации в стрессовых ситуациях. Исследованиями установлено, что ваготоники и нормотоники в таких ситуациях способны к более быстрому переключению на стратегии поведения, ориентированные на решение проблем. Сниженная активность симпатического отдела вегетативной нервной системы у ваготоников обуславливает относительно низкий уровень напряжения высших регуляторных центров. В случае с преобладанием симпатического отдела вегетативной нервной системы наблюдается некоторая ригидность процессов саморегуляции и снижение запасов функциональных резервов, в результате чего существенно сужается диапазон продуктивных адаптивных стратегий поведения, и, как следствие, снижается адаптационный потенциал личности [10].

Материалы и методы исследования

Оценка функционального состояния учащихся школьников и студентов была проведена с помощью методики «Тонус вегетативной нервной системы» на основе критериев, разработанных по методике Ю.Е. Вельтищева, Н.С. Кисляка [4]. Методика обследования содержит два раздела: опросник морфофизиологических особенностей и лабораторное тестирование по вегетативным пробам (индекс Кердо, проба Ашнера, ортостатическая проба, дермографизм и др.), которые оценивались по разработанной нами балльной шкале. Психофизиологические показатели определяли с помощью компьютерного аппаратного комплекса «НС-Психотест», оценка психологических характеристик проводилась с использованием личностного опросника Г. Айзенка, восьмицветового теста М. Люшера. Оценка индивидуальных стилей саморегуляции проводилось с использованием методических подходов Л.Г. Дикой, В.И. Щедрова, 1994 г. [5]. Текущее функциональное состояние оценивали с помощью опросника «САН» – самочувствие, активность, настроение.

В исследовании приняли участие 137 студентов Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск. Результаты тестирования были обработаны с помощью пакета статистических

программ Microsoft Excel.

Результаты исследования и обсуждение

Большинство респондируемых студентов в нашем исследовании по методике «Тонус вегетативной нервной системы» оказались с балансом отделов ВНС – нормотониками – 59%. 33 % обследованных студентов – симпатотониками и 8 % – ваготониками [12]. По данным исследователей, для симпатотоников характерны высокий уровень напряжения регуляторных систем и низкий уровень функциональных резервов, что может приводить к снижению адаптационных возможностей организма [7, 8]. Люди с повышенным тонусом симпатического отдела вегетативной нервной системы, попадая в социальные проблемные ситуации, нередко пытаются найти помощь со стороны окружающих. Симпатотоники значительно реже, чем ваготоники, прибегают к стратегии «бегство-избегание», предпочитают малоэффективный «конфронтационный копинг», либо неадаптивную пассивную стратегию «дистанцирование», которую можно рассматривать как защитный механизм, направленный на предотвращение психоэмоционального и физиологического истощения [7, 8]. По данным О.А. Вангревич и соавторов, взрослые симпатотоники с трудом поддаются обучению навыкам произвольной саморегуляции физиологических состояний. Кроме того, особенности вегетативного баланса симпатотоников уже в детском возрасте обуславливают сниженную реактивность к стимулам, повышенную тревожность и уязвимость к стрессовым воздействиям [2].

Для ваготоников характерен оптимальный уровень напряжения регуляторных систем и большой запас функциональных резервов. При этом ваготоники консервативны, склонны к монотонной однообразной работе. По сравнению с другими группами ваготоников можно описать как людей, не всегда правильно оценивающих значимые условия своей деятельности, зачастую неуверенных в себе и непоследовательных, значительно зависимых от влияния других людей и обстоятельств [7, 8].

Группа нормотоников с физиологической точки характеризуется средними по отношению к симпатотоникам и ваготоникам показателями уровня функциональных резервов и степени напряжения регуляторных механизмов. Однако в некоторых случаях у нормотоников может происходить резкое повышение уровня напряжения регуляторных систем, когда повышенный расход ресурсов (за счет высокой активности симпатической нервной системы) не восстанавливается даже за счет высокого уровня их накопления (за счет повышенной активности парасимпатической нервной системы) [7, 8].

Таким образом, в нашем исследовании было обнаружено, что у большинства студентов наблюдается баланс вегетативных систем регуляции, что свидетельствует о наличии достаточных ресурсов адаптации, эффективной психической и физической саморегуляции организма.

Не смотря на обширные исследования в области системного изучения различных сторон функционирования и деятельности организма человека, остаются недостаточно изученными вопросы, касающиеся взаимосвязи между физиологическими, психофизиологическими и психологическими свойствами человека. В ракурсе этой проблемы представляется значимым определить взаимосвязи количественных показателей вегетативного баланса с различными психофизиологическими особенностями, личностными характеристиками и выявить наиболее тесные корреляционные связи в этом межуровневом взаимодействии с позиций интегральной индивидуальности [9].

Оценка взаимосвязи суммарного показателя вегетативного баланса и психофизиологических показателей, определяемых с помощью компьютерного аппаратного комплекса «НС-Психотест» имеет достоверные корреляции с показателями функционального состояния в отношении надсегментарного (центрального) уровня регуляции – устойчивостью реакции (УР) и функциональным уровнем системы, что свидетельствует о единстве и целостности процессов саморегуляции функций организма человека. Корреляционные связи вегетативного баланса с устойчивостью реакции в студенческой группе показали значения $r = 0,436$, при $p < 0,05$; с функциональным уровнем системы – $r = -0,432$, при $p < 0,05$ [12]. В то же время, между суммарным показателем вегетативного баланса и психофизиологическими характеристиками, такими как, концентрация и устойчивость внимания, среднее время простой зрительно-моторной реакции, скорость переработки информации, не обнаружено достоверных коррелятивных отношений, что показывает относительную автономность подсистем, контролирующих эти признаки, а также сложный нелинейный тип межуровневого взаимодействия [12].

Аналогичный тип взаимодействия вегетативного баланса был обнаружен в отношении типологических психологических характеристик, таких как интро-экстраверсия по опроснику Г. Айзенка. Это свидетельствует о том, что на высшем уровне регуляции в центральной нервной системе эти характеристики связаны между собой много-многозначными связями, не проявляющимися в виде относительно простых линейных взаимодействий. Показатели вегетативного баланса, оцененные по методике М. Люшера, это коэффициент вегетативной регуляции (ВК) и уровень суммарного отклонения от аутогенной нормы (СО), а также значения нейротизма, экс-

траверсии по методике Г. Айзенка были использованы нами для оценки индивидуальных стилей саморегуляции. Согласно представлениям Л.Г. Дикой, В.И. Щедрова выделяют следующие виды стилей: 1) «гармоничный стиль» – наличие высокого уровня эргичности (энергopotенциала) по вегетативному балансу сопровождается выраженной потребностью к активности (качество экстраверсии); 2) «затратный стиль» – наличие низкого уровня эргичности + высокая потребность к активности, что проявляется в повышенной утомляемости; 3) «накопительный стиль» – наличие высокого уровня эргичности при низкой потребности к активности (качество интроверсии), проявляется в способности к длительному накоплению энергетических ресурсов, которые затем периодически «выплескиваются»; 4. «экономный стиль» – имеют низкий «энергopotенциал» (эргичность), но при этом и низкую потребность в реализации этой энергии, что на уровне поведенческих реакций характеризуется личностной «замкнутостью» и состоянием пониженной внешней активности [2, 3].

Определение стиля саморегуляции предоставляет возможность выявления соответствующих данному стилю способов и приемов саморегуляции, уровня сформированности регуляторных систем и степени адекватности представлений о своем состоянии и психофизиологических возможностях. Так, в результаты анализа нашего исследования показали, что в респондируемой группе студентов преобладают «накопительный» (29%) и «гармоничный» (29%) тип саморегуляции [11]. На «затратный стиль» саморегуляции приходится 22 % респондируемых студентов и «экономный» представлен группой в количестве 20 %. В нашем исследовании было установлено, что респондируемые студенты, имеющие достаточно высокий «энергopotенциал» по значению СО, как правило, находятся в благополучном психофизическом состоянии по опроснику САИ – самочувствие, активность, настроение ($r = -0,300$ при $p < 0,05$) [11]. Таким образом, психоэмоциональное состояние студенческой группы в определенной степени зависит не только от внешних психосоциальных условий, но и опосредуется качеством эргичности – наличием энергетических ресурсов в данный момент, необходимых для выполнения определенной деятельности, т.е. индивидуальным стилем саморегуляции.

Сопоставление значений показателей вегетативного баланса с другими психологическими и психофизиологическими характеристиками, определяемыми с использованием восьмицветового теста М. Люшера, в пределах одной методики, показывает наличие высоких коррелятивных связей этого значений с показателями работоспособности, концентричности – эксцентричности и уровнем нервно-психического напряжения. Результаты статистической обработки данных показали наличие

Рис. 1. Типологический комплекс – вегетативный баланс, составленный на основе коэффициента корреляции (при $p < 0,05$). * – Результаты собственных исследований. † – Литературные данные

сильных взаимосвязей между значениями вегетативного баланса и показателями работоспособности ($r = 0,882$ при $p < 0,01$), а также концентричностью–эксцентричностью, где значения коэффициента корреляции $r = -0,803$ при $p < 0,01$ [12]. Это означает, что большинство респондируемых студентов-ваготоников, оцененных по цветовой методике, имеют низкий уровень актуализированной работоспособности в сравнении с нормотониками или симпатотониками, возможно за счет включения определенного «режима экономии». Также для них характерен относительно низкий уровень непродуктивной нервной психической напряженности, показывающий наличие достаточно высокого уровня психоэмоциональных функциональных резервов. Ваготоники в большей степени сосредоточены на решение собственных проблемах (концентричность), что возможно указывает на умение «сбергать» энергетические ресурсы для актуального личностного использования. Полученные результаты доказывают существование тесных взаимосвязей между различными функциональными системами, объединенными общим функциональным состоянием и уровнями вегетативной регуляции. Менее выраженные взаимосвязи вегетативного баланса по коэффициенту корреляции были обнаружены для коэффициента гетерономности и автономности – это стремление к зависимому поведению или доминированию, где значения $r = -0,284$ при $p < 0,05$; для личностного баланса – это качество противоречивости или сбалансированности личностных свойств, коэффициент корреляции составляет $r = 0,327$ при $p < 0,05$ [12]. Полученные результаты указывают на то, что ваготоники в большей степени, чем симпатотоники имеют тенденцию к зависимому поведению, но более личностно сбалансированы, нежели симпатотоники.

По результатам нашего тестирования был составлен типологический комплекс, «ядром» которого является тип вегетативной регуляции, обозначенный как вегетативный баланс (рисунок 1).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что наличие сильных корреляций между уровнями – это показатель базовых врожденных механизмов системной регуляции, наличие слабых связей является проявлением более сложных регуляторных механизмов, формирующихся в процессе взаимодействия организма с факторами среды в ходе онтогенеза.

Заключение

Системный принцип изучения различных сторон функционирования и деятельности организма человека предполагает наличие многомерных и многоуровневых связей как в пределах отдельной частной конституции, так и между ними [9]. Системные взаимоотношения типологических особенностей вегетативной регуляции в нашем исследовании были реализованы через поиск взаимосвязей показателей вегетативного баланса с различными психофизиологическими и психологическими характеристиками. Составление типологических комплексов необходимо для более полного понимания и расширения знаний о физиологических и психофизиологических механизмах деятельности организма в условиях покоя и нагрузки. В практическом отношении подобные исследования будут способствовать формированию индивидуальных стилей, траекторий обучения с учетом не только психологических особенностей личности, но и параметров психофизиологической конституции, от которой в значительной степени зави-

сит проявление общего функционального состояния, возможностей адаптации к разнообразным факторам среды, уровень текущего и прогнозируемого психофизиологического потенциала. Для всех людей с разными типами вегетативного баланса мы рекомендуем учиться

регулировать свое психофизическое функциональное состояние, так как именно это состояние является одновременно и следствием и причиной нервно-психического напряжения, признаков дезадаптации, ухудшения состояния здоровья и самочувствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баевский, Р.М. Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии / Р.М. Баевский . – М.: Медицина, 1979. – 143 с.
2. Вангевич, О.А. Игровое биоуправление и стресс-зависимые состояния / О.А. Вангевич, О.Г. Донская, А.А. Зубков и др. // Бюллетень СО РАМН. 2004. – Т. 113, – N 3. – С. 53–60.
3. Вейн, А.М. Вегетососудистая дистония / А.М. Вейн, А.Д. Соловьева, О.А. Колосова. – М.: Медицина, 1981. – 318 с.
4. Вельтищев, Ю.Е. Справочник по функциональной диагностике в педиатрии / Под ред. Ю.Е. Вельтищев, Н.С. Кисляк. – М.: Медицина, 1979. – 624 с.
5. Дикая Л.Г., Семикин В.В., Щедров В.И. Исследование индивидуального стиля саморегуляции психофизиологического состояния / Л.Г. Дикая, В.В. Семикин, В.И. Щедров – М.: 1994. –Т. 15. –№ 6.– С. 28–37.
6. Илюхина, В.А. Нейрофизиология функциональных состояний человека / В.А. Илюхина, Н.Ю. Кожушко. – Л.: Наука, 1986. – С. 111–114.
7. Конопкин, О.А. Связь учебной успеваемости студентов с индивидуально-типологическими особенностями их саморегуляции /О.А. Конопкин, Г.С. Прыгин // Вопросы психологии. – 1984. –№3. – С.42–56.
8. Конопкин, О.А. Участие эмоции в осознанной регуляции целенаправленной активности человека / О.А. Конопкин. – 2006. – №3. – С.38–48.
9. Мерлин, В.С. Психология индивидуальности: Избранные психологические труды / В.С. Мерлин; Под ред. Е.А. Климова. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. – 544 с.
10. Моросанова, В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека / Психологический журнал. – М.: Наука, 2002. –Т. 23. – N 6. – С. 6–17.
11. Цаберябая А.А., Ядрищенская Т.В. И. Изучение индивидуальных стилей саморегуляции у школьников и студентов ТОГУ / А.А. Цаберябая, Т.В. Ядрищенская // Материалы секционных заседаний 60-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ. – С.175–179.
12. Ядрищенская Т.В. Корреляционные отношения показателей вегетативного баланса и психофизиологических качеств обучающихся / Т.В. Ядрищенская, Е.В. Зыблева // Современные формы, методы и технологии в педагогике и психологии: сборник статей Международной научно-практической конференции (30 сентября 2017 г., г. Уфа). – Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2017. – С. 116– 119.

© Ядрищенская Татьяна Васильевна (tagir.on-line@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПРОФОРИЕНТИРОВАНИЯ ПО ТЕХНОЛОГИИ PROF.NAVIGATOR НА ПОВЫШЕНИЕ ВНЕУЧЕБНОЙ ЗАНЯТОСТИ ПОДРОСТКОВ

IMPACT OF VOCATIONAL GUIDANCE USING PROF.NAVIGATOR TECHNOLOGY ON INCREASING THE EXTRACURRICULAR EMPLOYMENT OF ADOLESCENTS

**O. Yatsenko
N. Cherneckaya
E. Kedyarova**

Summary: The article presents a description and conclusions of a study on the impact of several career guidance technologies, including the author's PROF.Navigator technology, on the organized extracurricular activities of adolescents. The results of the study confirm the authors' hypothesis about a significant increase in extracurricular activities of adolescents, as a result of their career guidance. The study involved 120 teenagers from schools in the Irkutsk region, aged 14-18 years.

Keywords: career guidance of adolescents, extracurricular activities of adolescents, additional education of children, PROF.Navigator technology of career guidance.

Яценко Олег Валерьевич

аспирант, Иркутский государственный университет,
г. Иркутск
olegyatsenko@inbox.ru

Чернецкая Надежда Игоревна

д.псих.н., профессор, Иркутский государственный
университет, г. Иркутск
chernaya@yandex.ru

Кедярова Елена Александровна

к.псих.н., доцент, Иркутский государственный
университет, г. Иркутск
kedu_72@mail.ru

Аннотация: В статье представлены описание и выводы по исследованию о воздействии нескольких технологий профориентации, в том числе авторской технологии PROF.Navigator, на организованную внеучебную занятость подростков. Результаты исследования подтверждают гипотезу авторов о значимом повышении внеучебной занятости подростков, в результате их профориентирования. В исследовании участвовало 120 подростков из школ Иркутской области, в возрасте 14-18 лет.

Ключевые слова: профориентация подростков, внеучебная занятость подростков, внеурочная деятельность, дополнительное образование детей, технология профориентации PROF.Navigator.

Внеучебная занятость подростков, в виде организованных (структурированных) занятий подростков в свободное внеурочное время, имеет важное и многогранное значение в вопросе развития подростков. С одной стороны, она способствует развитию конкретных предметных, метапредметных и прикладных компетенций, положительно влияя на учебную успеваемость, учебную мотивацию и общую успешность ребенка. С другой – повышает социализацию, способствует нахождению своего места в социуме [1]. С третьей – препятствует деструктивному поведению подростков, позволяет осуществлять профилактику правонарушений [2]. Между тем, внеучебная занятость российских школьников с наступлением подросткового возраста заметно падает, уступая место неструктурированным, в том числе экстремальным занятиям, ряд которых имеет отрицательные последствия для их здоровья, психологического благополучия и учебной успешности [3]. Таким образом, повышение внеучебной занятости подростков представляет собой актуальную проблему школьной психологической службы, для решения которой у школьного коллектива не всегда имеется достаточно инструментов, поскольку зачастую внеучебная деятельность остается за рамками школы и влияния педагогического коллек-

тива. Профориентация, как процесс психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения подростков, по мнению авторов, может служить достаточно эффективным средством в вопросах повышения организованной внеучебной занятости подростков.

Целью настоящего исследования была количественная и качественная оценка, сравнительный анализ возможностей трех различных технологий профориентации в решении задачи повышения внеучебной занятости подростков 14-18 лет. Для этого в исследовании были решены три основных задачи: выполнено теоретическое и эмпирическое обоснование выбора внеучебной занятости подростков как одного из количественных показателей успешности подростка, проведена количественная оценка сдвига во времени организованной внеучебной занятости, проведено сравнение эффективности воздействия различных технологий профориентации на время внеучебной занятости подростков.

Само понятие внеучебной занятости, которое имеет множество синонимов (внешкольная работа, внеурочная занятость и др.), уходит своими корнями в глубокое

прошлое, когда еще в древнейших формах института образования, как культурного явления, отмечались различные формы активности обучающихся, не связанные с обучением [4]. Согласно принятому в педагогике определению [5], внеучебная занятость является составной частью учебно-воспитательного процесса, предпочтительными формами которой являются предметные кружки, научные общества, школы музыкального, художественного, технического творчества, спортивные секции. В своей работе мы исследовали организованную (структурированную) внеучебную занятость подростков, которая обеспечивается для подростка какой-либо внешней структурой (преподавателем, компанией, курсами и т.п.), имеет научного руководителя, наставника или тренера, а также имеет предполагаемые профессионально оцениваемые результаты.

В рассмотрении взаимосвязи внеучебной занятости и учебной успеваемости подростков мы опирались на выводы исследования [6], в котором убедительно была показана взаимосвязь между академической успеваемостью и занятостью школьников в организованных развивающих занятиях (кружках, секциях, факультативах, занятиях с репетитором, конференциях, лагерях). Поскольку ранее мы уже изучали влияние профориентации на учебную успеваемость подростков, мы решили дополнить свои исследования воздействия профориентации на образование подростка изучением ее воздействия на внеучебную занятость подростков.

Суть нашего исследования заключалась в том, что в группах подростков был проведен формирующий эксперимент в виде индивидуальной профориентационной работы. Нами была оценена внеучебная занятость подростков (внешкольных занятий с репетиторами, в секциях, кружках, факультативах и пр.) в часах в неделю, в среднем в течение года до и в течение трех месяцев после формирующего эксперимента. В данном исследовании для нас было не так важно соответствие профиля этих развивающих занятий профилю выбранной подростками профессии в ходе профориентации, поскольку сильная корреляция учебной успеваемости и количества времени в кружках и секциях в исследовании [6] была выявлена и без учета профиля занятий. Для измерения учебной успеваемости до проведения эксперимента мы брали суммарный балл учащегося за итоговые прошлогодние оценки по математике, русскому языку и двум профильным предметам, определенным в ходе профориентации, а для измерения того же показателя после профориентации – сумму баллов по тем же предметам за учебную четверть после проведения профориентации.

У нашего исследования было три основные гипотезы: подтвердить выводы исследования [6], что между показателями учебной успеваемости и внеучебной занято-

сти существует сильная корреляционная связь, что подтверждало бы предположение о том, что внеучебную занятость можно использовать как один из показателей учебной успешности подростка; внеучебная занятость под воздействием профориентации достоверно и значительно повышается, и данное повышение зависит от технологий профориентации, для чего необходимо оценить средний сдвиг во внеучебной занятости под воздействием разных технологий профориентации.

Наше исследование проходило на базе формирующего эксперимента с подростками 14-18 лет, обучающихся в общеобразовательных школах города Иркутска. База исследования составила 120 человек, отобранных на добровольной основе с согласия родителей и разделенных случайным образом на 4 группы по 30 человек в каждой – 3 экспериментальных и 1 контрольную. С участниками экспериментальных групп проводилась индивидуальная профориентационная работа по трем различным технологиям: профконсультировании на базе онлайн-теста Центра гуманитарных технологий МГУ (методика «Профкарьера», авторы Серебряков А.Г., Алтухов В.В., Орлова Е.А., Кононов А.Н., Шмелев А.Г., далее по тексту – технология ЦГТ МГУ), технологии «Digital Human» Школы карьерного менеджмента (на базе методики «#Профориентация» авторов Богдановская И.М., Кошелева А.Н.) и авторской технологии профориентации PROF.Navigator. Ранее мы уже подробно разбирали состав данных технологий профориентации [7]. Первые две технологии представляют собой широко применяемые в школах России электронные онлайн-тесты, с последующим профессиональным консультированием на базе полученных после тестирования результатов. Третья технология разработана Яценко О.В. и более 8 лет используется в практической деятельности Центра профориентации PROF.Navigator. Она включает в себя определение готовности к выбору профессии по авторскому проблематизирующему опроснику; соционическую диагностику по методике Е.А. Удаловой; психодиагностику с выявлением акцентуаций характера по методу Леонгарда - Шмишека, тест Холланда на определение профессиональных предпочтений, тест самооценки, тест ценностных ориентаций личности; профессиональную диагностику с авторским биографическим опросником, изучением биографических материалов, собеседованием с родителями подростков, экспертизами профессиональных компетенций и достижений; профконсультирование с обучающим обзором мира профессий, подбором оптимальных профессий, профессиональной пробой или беседой с экспертом в выбранной профессии; выдачей отчета подростку в присутствии его родителей, с комментариями полученных в ходе профконсультирования результатов; мониторинг профессионального самоопределения с элементами тьюторского сопровождения. По времени формирующего воздействия тех-

нология ЦГТ МГУ заняла в среднем 3 часа работы с подростком, технология Digital Human – 4 часа, технология PROF.Navigator – 12 часов. В контрольной группе работа по профориентации с подростками не проводилась.

Для оценки корреляции между показателями учебной успеваемости и внеучебной занятости мы использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена, т.к. объемы выборок по группам не превышают 40 человек, и у нас отсутствует нормальное распределение признаков. Для оценки сдвигов во внеучебной занятости мы использовали критерий G-критерий знаков и угловое преобразование Фишера ϕ^* , по тем же причинам.

В результате исследования, мы получили следующие корреляционные связи между учебной успеваемостью и внеучебной занятостью, которые представлены в таблице 1.

Действительно, показатель внеучебной занятости подростков во всех группах сильно коррелировал с успеваемостью. Особо отметим группу PROF.Navigator, в которой корреляционная связь усилилась после формирующего эксперимента сильнее всего. Это связано с тем, что профконсультанты по технологии PROF.Navigator делают в консультациях с подростками и их родителями особый акцент на роль дополнительного образования в карьерном успехе и фактически прямо указывают на конкретные кружки, секции, курсы и тренинги, которые рекомендуют подростку пройти в ближайшее время. Так, например, в группе PROF.Navigator имелось

5 подростков, которым было рекомендовано сразу после прохождения профориентации принять участие в 7-дневном развивающем мероприятии – выездной сессии Международной школы молодежной дипломатии при университете МГИМО, с чем подростки с радостью согласились и осуществили, резко увеличив свою внеучебную занятость.

По результатам изучения сдвигов в показателях внеучебной занятости испытуемых, мы получили следующие значения показателей, представленные в таблице 2.

Из расчетов следует, что в длительности внеучебной занятости подростков под воздействием профориентации произошли достоверные и значимые сдвиги. Профориентация сыграла важную роль в росте времени организованной внеучебной занятости, что объясняется акцентом профконсультирования на обсуждении с подростками их индивидуальной образовательной траектории и рекомендациях различных развивающих занятий. Особенно выделилась в эксперименте группа PROF.Navigator, увеличившая в среднем на 55% время развивающих занятий, за счет более длительной формирующей работы, встраивании внеучебной занятости в индивидуальную образовательную траекторию, активной работе с родителями подростков по скорейшему запуску дополнительных развивающих занятий, либо корректировке существующих.

По результатам проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что профориентация имела до-

Таблица 1.

Корреляционные связи между занятостью испытуемых и их успеваемостью по сумме баллов 4 предметов

Группы испытуемых	Контрольная группа	Группа PROF.Navigator	Группа Digital Human	Группа ЦГТ МГУ
r_s между средним временем развивающих занятий и суммой баллов по 4 предметам	0,47 / 0,48	0,45 / 0,66	0,56 / 0,49	0,58 / 0,57

Таблица 2.

Сдвиг показателей внеучебной занятости по группам испытуемых

Экспериментальные группы	Среднее время сдвига внеучебной занятости		Значение критерия G знаков	Значение углового преобразования Фишера ϕ^*
	часов в неделю	%		
PROF.Navigator	4,4	55,1	0	5,19
Digital Human	0,8	9,5	1	1,08
ЦГТ МГУ	0,77	12,1	1	0,55
Контрольная группа	3,74	55	4	-

*При расчетах G-знаков нет постоянных $G_{кр.}$, поскольку n колеблется в каждом отдельном случае в зависимости от количества «нулевых реакций» в сопоставляемых массивах данных.

**Значения G, говорящие о достоверном сдвиге хотя бы при $p < 0,05$, обозначены жирным шрифтом.

***При расчетах ϕ^* критические для него являются постоянными: $\phi^* = 2,28$ при $p < 0,01$. Эмпирические значения ϕ^* , говорящие о достоверных различиях между сравниваемыми группами, здесь и далее отмечены жирным шрифтом.

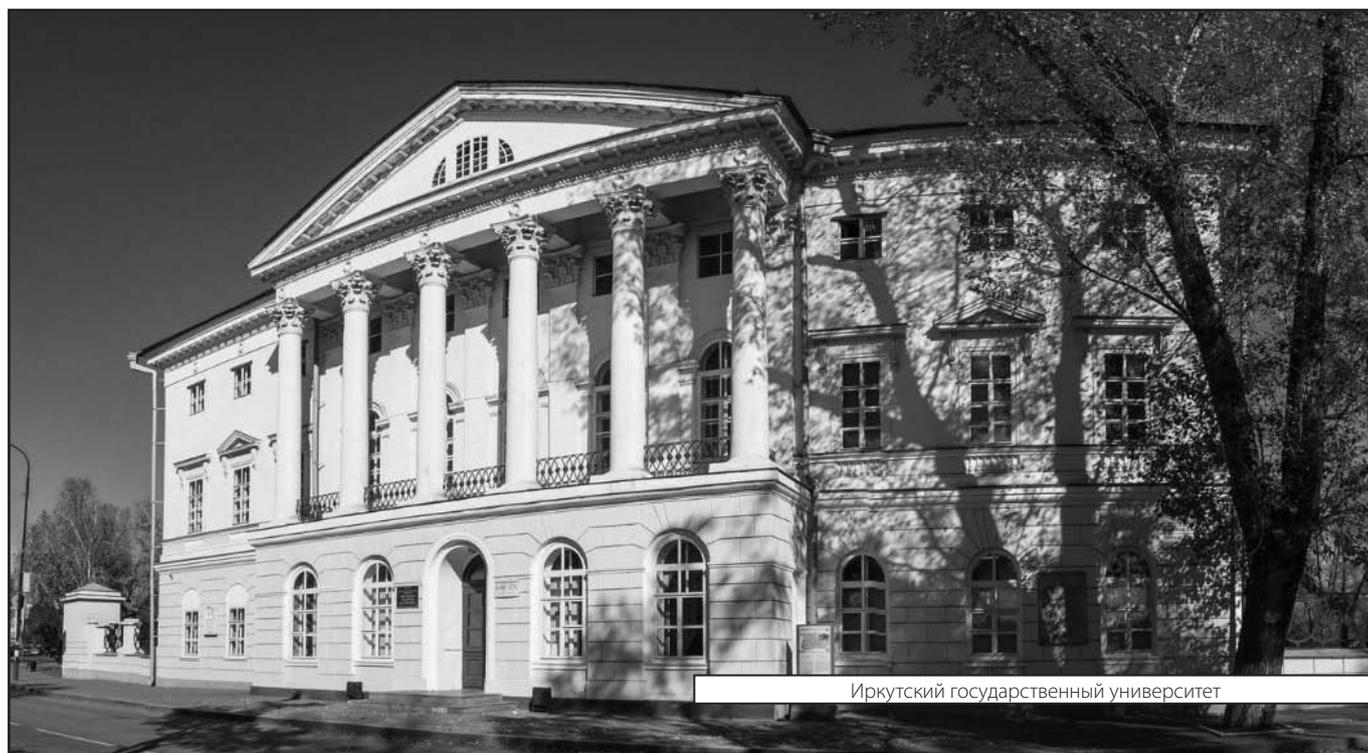
стоверное и значимое воздействие на повышение внеучебной занятости подростков. Среди трех технологий профориентации, задействованных в формирующем эксперименте, наибольшим воздействием на внеучебную занятость подростков имела авторская технология PROF.Navigator, которая позволила существенно увеличить ее в среднем на 55% от исходного времени внешкольных

занятий в течение 3 месяцев после формирующего воздействия. Таким образом, мы считаем целесообразным использование времени внеучебных занятий как одного из надежных показателей учебной успеваемости, а профориентации по технологии PROF.Navigator в качестве эффективного средства повышения внеучебной занятости подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Д.А., Тенишева К.А., Савельева С.С. Связь внеклассных занятий с учебными успехами и самооценкой подростков // Вопросы образования. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-vneklassnyh-zanyatij-s-uchebnymi-uspehami-i-samoocenкой-podrostkov> (дата обращения: 07.10.2021).
2. Игнатова О.А. О проблемах занятости учащихся во внеурочное время. // Сетевое издание «Солнечный свет». - URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyie-materialyi/o-problemah-zanyatosti-uchashchih-sya-vo-vne> (дата обращения 01.10.2021)
3. Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. Образование как фактор профессионального самоопределения подростков // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. Т.6. №4. С. 3-15. DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-4-0-1
4. Андреева Е.В. Генезис и сущность внеучебной деятельности в системе профессионального образования // Сибирский педагогический журнал. 2009. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-i-suschnost-vneuchebnoy-deyatelnosti-v-sisteme-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 05.10.2021).
5. Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. В.В. Давыдова. -М.: Большая российская энциклопедия, 1993. – 680 с.
6. Поливанова К.Н., Лебедев М.В., Сивак Е.В. Внешкольная занятость детей // Директор школы. - М., Издательство ООО «Издательская фирма «Сентябрь»». - 2016. №3(206). С. 76-81.
7. Яценко О.В. К вопросу о создании новых технологий профориентации современных подростков // Проблемы теории и практики современной психологии: Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 23–24 апреля 2020 г. Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. С. 191-194

© Яценко Олег Валерьевич (olegyatsenko@inbox.ru), Чернецкая Надежда Игоревна (cherneca@yandex.ru),
Кедярова Елена Александровна (kedu_72@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБРАЗ И МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В МИФОЛОГИИ И ЭПОСЕ

THE IMAGE AND PLACE OF MAN
IN MYTHOLOGY AND EPIC

Z. Madalievа
B. Imanmoldaeva
K. Matzhanova

Summary: In the article, the author explores the specifics of the image and place of man in the mythology of various peoples, defines the main theories about the origin of man, and also explores various ontological concepts of the creation of the world, man and endowing him with certain qualities.

The study compares the mythological and earthly beginnings in human life, as well as analyzes the anthropogenetic concepts contained in the mythology and epos of various nationalities. The author draws a parallel between naturalistic versions of anthropogenesis and totemic beliefs and, based on this, determines the place of a person in the world, the functions of his being. The study passes through the prism of scientific concepts the mythological specificity of ethnic consciousness and the ambiguous interpretation of human activity.

Keywords: epic, mythology, human image, personal choice, intelligent being, anthropogenesis.

Мадалиева Жаныл Кайржановна

К.ф.н., ассоциированный профессор, Казахский
Национальный педагогический университет им. Абая
(Казахстан, Алматы)

zhanna_madalieva@mail.ru

Иманмолдаева Бакуттижамал Заманхановна

старший преподаватель, Казахский Национальный
педагогический университет им. Абая
(Казахстан, Алматы)

zamanhankyzy@mail.ru

Матжанова Карлыгаш Кокенаевна

старший преподаватель, Казахская Национальная
консерватория имени Курмангазы (Казахстан, Алматы)

karla.rnd@mail.ru

Аннотация: В статье автор исследует специфику образа и места человека в мифологии различных народов, определяет основные теории о происхождении человека, а также исследует различные онтологические концепции сотворения мира, человека и наделяет его определенными качествами. В исследовании проводится сопоставление мифологического и земного начал в жизни человека, а также анализируются антропогенетические концепции, содержащиеся в мифологии и эпосе различных народностей. Автор проводит параллель между натуралистическими версиями антропогенеза и тотемистическими верованиями и, исходя из этого, определяется место человека в мире, функции его бытия. В исследовании сквозь призму научных концепций пропускается мифологическая специфика этнического сознания и неоднозначное толкование человеческой деятельности.

Ключевые слова: эпос, мифология, образ человека, личный выбор, разумное существо, антропогенез, онтология творения.

Актуальность темы исследования

Проблема происхождения и бытийного смысла волновала человечество с древнейших времен. На настоящий момент эта проблема особенно актуальна, так как современная эклектичность в мировоззрении, осознании себя и своего места в мире не всегда включает ценностные ориентиры, отражающие истоки бытия и перспективы его развития. Чуть позже, в античной мифологии, просматривался сравнительный образ человека и богов, полубогов, исследования «достойности» человека жизни и счастья, родства с миром мифов, сказаний, легенд и эпосов. Из этого в дальнейшем происходит становление исторической картины видения мира и эволюции человеком. «История в сознании человека живет только тогда, когда она становится фактором самосознания, т.е. не только образом прошлого, расширяющим кругозор человека, но и источником ценностных оснований, определяющих смысловые основы его существования». [1]

Человеческое сознание- феномен, отражающий ха-

рактеристики четких временных периодов: прошлого, настоящего и будущего. При этом, для каждого периода свойственно воздействие социокультурных, этнических и иных факторов, которые определяют видение человеком картины бытия, пространственно- временного континуума и своего места в мире. На начальном этапе становления человечества видение реального мира, в основном, носит мифологический оттенок. В ходе эволюции сознания в контексте развития конкретных культур, народностей, цивилизаций видение человеком себя находит отражение в различных формах духовной жизни, которые сопровождают человека от рождения и на протяжении всего жизненного пути. Мифология является своего рода средством освоения действительности, объяснения непонятного детям и взрослым - происхождения человека, его внешности, совершаемых поступков, создания единого целостного образа человека и обозначения его места в картине мира. При этом мифология определена рядом авторов как системообразующий элемент исторического самосознания человечества в целом. [1]

Реконструируя антропогенетические идеи о проис-

хождении и роли человека в космопланетарном плане, возможно говорить о преобладающей роли мифологии, как первоисточника культуры, обычаев, обрядов и философского мировоззрения. При этом необходимо отметить дифференциацию мифологии в зависимости от территории, времени и идеологической направленности воздействия на сознание человека.

Именно поэтому нами определена цель исследования: выявить особенности образа и места человека в мифологии и эпосе с учетом специфики времени и социокультурной среды.

Для достижения поставленных целей нами определены следующие задачи:

1. Определить взаимосвязь мифологии и становления человеческого сознания в контексте мировой истории;
2. Исследовать основные антропологические концепции, отражающие этапы онтогенеза человеческого сознания;
3. Выявить влияние мифологической составляющей на современное видение человеком своего образа и смысла бытия.

Понятие «мифа» занимает важнейшее место в жизни человечества и в ряде социогуманитарных наук (философия, история, антропология и пр.) Миф рационален в ситуациях, когда человеческое сознание не в состоянии охватить события окружающего бытия, явления природы, когда невозможно рационально ответить на вопросы о происхождении человечества, определить место человека как создания Бога, Природы в мире. При этом необходимо отметить, что мифология на определенном этапе развития человеческого общества перестала удовлетворять запросам людей о познании своего происхождения, создания единого образа и в дополнении к мифологии возникло научное знание. Мифология, как отмечают отечественные исследователи (Б.Л. Гинсбург, В.В. Гришин) формирует конкретное мышление у человека [2], которое опирается на устойчивую картину мира и представление об образе человека. Мифологический мир подвластен богам, полубогам и различным созданиям, стоящим на вершине иерархической лестницы. Человек находится далеко от вершины, занимая четкую позицию, которая вписывается в образ, отражаемый в мифах. В мифе нарушена причинно-следственная связь, свойственная реальному миру и поэтому происхождение человека тоже не является следствием естественного процесса, а исходит из мира снов, грез, представлений о сверхъестественном. Именно поэтому древние культуры отражали в мифах взаимосвязь человечества с прошлым и будущим, не только передавая социальный опыт, знания о происхождении человека и построении картины мира, но и определяли перспективы развития цивилизации. Ряд зарубежных исследователей (А. Вин-

нер, К. Леви-Стросс) в своих работах рассматривают миф, как феномен, сплачивающий группы людей [3], объединённые признаками нации, этноса, который подпитывает все формы духовного бытия и производства нематериального- концептов, идей, парадигм. При этом жизнь нации, этноса отражена в мифологии, эпосах, преданиях и деятельность человека регулируется высшими силами и им подчиняется. Поступки людей судят боги, жизнь людей тесно связана с Природой, Духами, проявлениями мистицизма. При этом, для разных эпох эволюции человечества, с учетом специфики менталитета различных наций, можно определить религиозно- мифологический характер человеческого самосознания. Иными словами, человек- творение Божье, его воля имеет не-большое значение в глобальной судьбе человечества, а соответственно все, что происходит – тоже по воле Бога или Богов. Это являлось своего рода оправданием войн, агрессии и различных поступков, не отвечающих общечеловеческим нормам и ценностям.

В качестве основных антропомифологических концепций необходимо отметить натуралистические версии происхождения человека [6] от животных, явлений природы. И отражения этого мы можем видеть в мифологии Древней Индии, Китая. Следующая группа концепций раскрывает происхождение человека из Космоса, как «громатного человеческого тела» [8], при этом по образу и подобию человека выделялись не только боги, но и сам Мир, Космос (Иран, Древняя Греция). Центральное место в мифах о сотворении человека занимают концепты о создании Человека Богом, наделяя всеми желаемыми свойствами и качествами и дальнейшей трансформации этого идеального образа под влиянием различных внешних факторов. Человек создается Богом под влиянием Воли, Ума и Слова, что отражается в его образе, деятельности и предназначении. Такое понимание происхождения человечества отражено и в Ветхом Завете, и в Исламе, однако корни такого понимания находятся еще в древнеегипетской, мемфисской и гелиопольской мифологии. Для включения смысла бытия человечества основным как для многих мифов и религий является учение о Боге, который является творцом и одновременно воплощает в себе все идеальные желаемые человеческие качества- он неразлучен с людьми в самом глубинном смысле и порождает стремление к творению и созиданию.

Именно поэтому в более поздние эпохи (Серебряный век, Эпоха Просвещения) антропоцентризм знаний под влиянием науки и культуры трансформировал человека от Творения до Творца, Созидателя, тем самым включая человека как философскую сущность в категорию, обладающую некими божественными свойствами, дарованными, опять же свыше для преобразования Мира в прекрасное. При этом само существование человека преподносится как постоянный процесс отражения вну-

тренного мира в ходе сотворения внешнего. А жизненные события и явления объясняются как продолжение процесса истинного первотворения.

Современное видение человеческого происхождения и бытия также неотделимо от первопричинной мифологии, когда за основу берутся многовековые концепты и трансформируются в индивидуальное и национальное сознание, становятся «стержнем» новых антропоцентрических концепций, основанных на синтезе мифологии, научных концепций, знаний, получаемых из окружающей действительности и пропущенных через призму социального опыта. Такая сложная многоуровневая структура позволяет мифологии сохранять устойчивые конструкты, необходимые для выживания и развития человечества в ситуациях, когда необходимо простое и четкое объяснение происхождения человека, его внутренних свойств и качеств и внешних их проявлений.

Антропогенетические мифологемы нельзя назвать самостоятельными, оторванными от реального мира, поэтому, с одной стороны, они тесно вплетены в жизнь и быт человека, с другой - и не изолированы от общей темы общечеловеческого мифа. [8] Именно это подчеркивает то, что Человеку необходимо постоянное подтверждение правоты своих суждений, оценки поступков, оправдание исследования глубинных сущностей - о зарождении жизни, глобальности бытия, антропофилософских концепций.

В ходе исследования нами была достигнута поставленная цель: выявлены особенности образа и места человека в мифологии и эпосе с учетом специфики времени и социокультурной среды. Мы проследили путь трансформации образа человека от созданного по высшей воле создания, от которого практически ничего не зависит до высшего творца и главного героя антропоцентрической мифологии. Мы определили, что вопрос места человека в картине мирового бытия, составляющие образа человека во все времена был центральным как в жизни отдельного человека, так и отдельных его групп (наций, этносов), а также общества в целом.

Для достижения поставленных целей мы успешно решили следующие задачи:

1. Определена взаимосвязь мифологии и становления человеческого сознания в контексте мировой истории. При этом подчеркнута первоначальное значение мифологического знания и дальнейшее его «вплетение» в научные антропоцентрические парадигмы;
2. Исследованы основные антропологические концепции, отражающие этапы онтогенеза человеческого сознания, которые подразделяются по группам в зависимости от способа происхождения человека и присутствия субъекта-Творца человечества;
3. Выявлено влияние мифологической составляющей на современное видение человеком своего образа и смысла бытия, которое заключается в развитии знания, возникающего на стыке антропоориентированных наук, естественного знания и мифологической составляющей, как первоначальной детерминанты происхождения человечества и всего мира.

Мифология не несет в себе смысла познания, развития научного знания и получения человеком качественно новой информации. Она существует вне времени и пространства и имеет целью осмысление действительности, понимание происхождения человека, объяснение его качеств, поступков. Истины антропоцентрической мифологии не внешние, они - внутренние, догматичные и имеют актуальное значение вне зависимости от эпохи и территории. Эти постулаты проносят через столетия толкование происхождения человека, его божественную сущность, которая отражена в образе и подобии высших существ, но в то же время подчеркивают

Подводя итоги нашему исследованию, необходимо отметить, что и мифологическое обоснование возникновения человека и естественно-научное объяснение возникновения человеческого вида возвращают нас к единому антропокосмическому источнику, в котором заключены все тайны мироздания, в том числе, сотворения и бытия Человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В.Б. О роли мифологии в формировании исторического самосознания современного человека // Управленческое консультирование. 2019. №10 (130). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-mifologii-v-formirovanii-istoricheskogo-samosoznaniya-sovremennogo-cheloveka> (дата обращения: 16.12.2021).
2. Гинзбург Б.Л., Гришин В.В., Рыжаков Д.Г. Проект человека в античности // Kant. 2019. №2 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-cheloveka-v-antichnosti> (дата обращения: 16.12.2021).
3. Леви-Строс К. Структурная антропология. - М., 1983.
4. Меньшиков В.М. Человек. Личность. Становление и развитие личности человека // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. №3 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-lichnost-stanovlenie-i-razvitie-lichnosti-cheloveka> (дата обращения: 16.12.2021).

5. Осипов Ю.К. Жилище и человек, жилище для человека // Вестник СибГИУ. 2018. №4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhilische-i-chelovek-zhilische-dlya-cheloveka> (дата обращения: 16.12.2021).
6. Петрухин В.Я. Мифы о сотворении мира. М., 2018.
7. Силэм Ю.А. Человек и его судьба в мифологии // Вестник ЧГУ. 2006. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-ego-sudba-v-mifologii> (дата обращения: 16.12.2021).
8. Слободнюк С.Л. Человек творящий и человек воздающий в мифологии Серебряного века // ТРУДЫ СПБГИК. 2017. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-tvoryaschiy-i-chelovek-vozdayuschiy-v-mifologii-serebryanogo-veka> (дата обращения: 16.12.2021).
9. Устименко Д.Л. Основные идеи религиозно-мифологического понимания антропогенеза // Философия права. 2015. №4 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-idei-religiozno-mifologicheskogo-ponimaniya-antropogeneza> (дата обращения: 16.12.2021).
10. Цзи-Надуев Данияр Человек // Проблемы науки. 2018. №8 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek> (дата обращения: 16.12.2021).
11. Чельшев П.В. Человек античной мифологии: природа героя и личный выбор судьбы // Вестник КГУ. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-antichnoy-mifologii-priroda-geroya-i-lichnyy-vybor-sudby> (дата обращения: 16.12.2021).

© Мадалиева Жаныл Кайржановна (zhanna_madalieva@mail.ru), Иманмолдаева Бакиитжамал Заманхановна (zamanhankyzy@mail.ru), Матжанова Карлыгаш Кокенаевна (karla.rnd@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казахский Национальный педагогический университет им. Абая

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ «ЧЕЛОВЕК-ТЕХНИКА-ОБЩЕСТВО»

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF RELATIONSHIP "MAN-TECHNOLOGY-SOCIETY"

**N. Nekrasova
S. Nekrasov
V. Klepatsky**

Summary: The article examines the main problems of the relationship between philosophy, technology, man at various stages of the development of technology in European and Russian philosophical thought. Particular attention is paid to the negative consequences of the development of technology, its impact on nature and humans. The influence of the global information network on the harmful processes occurring in the minds of young people and the impact of modern means of information technologies on its psychological, emotional and moral motivation, which leads to a gradual loss of a person of his true essence, is analyzed.

Keywords: information technology society, information communications, manipulation of consciousness, basic modes of brain operation, neural networks, human thinking, motivation.

Некрасова Нина Андреевна

*Д.ф.н., профессор, Российский университет транспорта
(МИИТ), г. Москва
sinekrasov@mail.ru*

Некрасов Сергей Иванович

*Д.ф.н., профессор Московский государственный
университет гражданской авиации
sinekrasov@mail.ru*

Клепацкий Владислав Владимирович

*К.ф.н., доцент, Российский университет транспорта
(МИИТ), г. Москва
vlad_kl@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются основные проблемы соотношения философии, техники, человека на различных этапах развития техники в европейской и отечественной философской мысли. Особое внимание уделяется негативным последствиям развития техники, её влияние на природу и человека. Анализируется влияние глобальной информационной сети на пагубные процессы, происходящие в сознании молодёжи, и воздействие современных средств информационных технологий на её психологическую, эмоциональную и нравственную мотивацию, что ведёт к постепенной потере человеком своей подлинной сущности.

Ключевые слова: информационно-техническое общество, информационные коммуникации, манипуляция сознанием, базовые режимы работы мозга, нейронные сети, мышление человека, мотивация.

Воздействие науки и техники на разные области современного общества настолько велико, что ведёт к следующему выводу: ответственность за будущее человеческой цивилизации лежит на человеке, который является и творцом, и потребителем всех современных научно-технических достижений.

Наука сегодня достигла высочайшего уровня во всех сферах фундаментальных знаний, начиная от Космоса, исследование которого требует создания сложнейших технологий, но и с изучением потенциальных возможностей проникновения в глубины человеческого тела и его психики, а также с поиском наиболее оптимальных путей развития современной цивилизации. Статус науки как фундаментального знания велик, но это не значит, что её значимость ограничивается только технологическими результатами её деятельности. Свидетельством этого являются проблемы, которые возникли в процессе научного и технического знания. И среди них, прежде всего, мировоззренческие, этические, экологические и другие. На основе этого возникает необходимость анализа гуманитарного аспекта научно-технического прогресса и философской рефлексии мировоззренческих, методологических, этических и других составляющих

научно-технического знания.

Своими корнями история техники уходит в глубокую древность. В античности понятие «techne» было синонимом мастерства в любой сфере деятельности – охоте, ремесле, искусстве, врачевании и т.п. Аристотель в «Никомаховой этике» различал понятия «techne», «emperiaria» (опытное), «episteme» (теоретическое) знание. Техника рассматривалась как такая область знаний, которая связана с деятельностью человека, то есть с тем, что создано или будет создано, чтобы служить человеку.

Со временем менялось содержание этого понятия, а с научно-техническим прогрессом расширялось и его предметное поле, включая в него как неорганическую, так и органическую природу.

В конце XIX в. возник огромный интерес к теоретическим проблемам техники, что повлекло за собой интерес к философскому осмыслению феномена «техника». В результате этого – к рождению понятия «философия техники», а основателем этого философского направления стал немецкий философ Э. Капп, который изложил свои взгляды на проблемы техники в своей работе «К истории

возникновения культуры с новой точки зрения», изданной в 1877 г.

В это же время русский инженер П.К. Энгельмейер опубликовал свой труд «Философия техники». Но только к началу XX в. возникает устойчивый интерес к этой проблеме, а в 60-е годы философия техники обретает статус самостоятельной научной дисциплины. Осмысление места и сущности техники в обществе, особенности её развития и значения для будущего человеческой цивилизации стало её задачей, а основной её проблемой – анализ различных моделей взаимоотношений «человек-природа». А также в круг её проблем вошли: формирование новой системы ценностей на основе отношений человека с природой, выработки у него «технического поведения», осмысления им пределов технического развития.

Взаимоотношения человека с техникой всегда были актуальной темой. Само возникновение техники связано с существованием человека, а её использование осуществляется в процессе всей нашей жизни. Традиционно представления о необходимости техники, её сущности и предназначении в обществе основаны на признании, что она повышает эффективность труда, сохраняет здоровье человеку и облегчает ему жизнь [5, с. 1570].

Но понимание техники как совокупности средств человеческой жизнедеятельности, которые предназначены осуществлять процессы производства и обслуживать производственные потребности человека и общества, то есть узкотехнического, инструментального явления давно ушло в прошлое. Сегодня техника уже не рассматривается как средство, которое только усиливает природные возможности человека. Предметное поле техники сегодня включает в себя не только знания, но и сферу человеческой деятельности, которая существенно изменяет окружающий мир, природную среду, мастерство человека, его сознания, восприятия им мира, всей системы ценностей. Техника привела к необратимым изменениям среду обитания, отодвинув на задний план живую природу. Господство техники обусловило рационализацию мира, и стандартизацию поведения человека, создало условия для манипуляции его сознанием.

Ещё в начале XX в. русские философы и писатели Н.А. Бердяев, Ф.М. Достоевский, В.В. Розанов и другие тревожно оценивали негативные следствия техники. Так Н.А. Бердяев, отмечая парадоксальность техники, писал: ««...без техники невозможна культура, с нею связано само возникновение культуры, и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечёт культуру к гибели» [4, с. 149]. А В.В. Розанов, отмечая негативные следствия техники, писал: «техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. Но она же её и раздавила. Появилась «техническая» душа...и вдохновение умерло» [2, с. 223].

Анализ влияния техники на человека и общество делали представители разных западно-европейских философских направлений. Глубокую антропологическую трактовку техники дал Х. Ортега-и-Гассет. Хотя техника призвана преобразовывать природу, удовлетворяя человеческие потребности, но этим она не должна ограничиваться, отмечает философ. Она призвана снижать физические затраты человека по овладению силами природы. Он пишет: ««...и смысл, и причина! техники лежат за её пределами, а именно, в использовании человеком его избыточных, высвобожденных благодаря этой самой технике сил. Такова миссия техники – освобождение человека, дарующее ему возможность быть самим собой» [3, с. 47, 36]. Задача техники, по его мнению, освободить человека от слияния с природой и перенести его на машинный мир.

Иначе оценивал технику М. Хайдеггер, утверждая, что она является разновидностью творчества человека, но в техническом воплощении: «Техника – вид раскрытия потаённости. Сущность техники расположена в области, где имеют место открытие и его непотаённость, где сбывается... истина» [6, с. 325]. Сущностью техники М. Хайдеггер считал «обнаружение бытия и выявление «потаённого». Современная техника, по его мнению, формирует «технический» способ конструирования мифа, где изменяются связи техники – человека – природы. Природа превращается в материал и источник добывания энергии. Человек становится результатом опредмечивания и моментом развития технических средств. Наяву проявляется отчуждение форм существования человека.

Современный мир порождает иные области взаимодействия человека с техникой, которые отражают сущностные характеристики человека, что вызывает многочисленные дискуссии.

XXI век можно определить, как время биотехнологической революции, так как биология демонстрирует огромные достижения и технические возможности. Возникают предпосылки воздействия на человека, вплоть до генетической его коррекции. Такие способы влияния науки на глубины человеческого существования вызывает негативные реакции общества. Конечно, некоторые результаты такого вмешательства можно оправдать, но большая часть из них крайне нежелательна. [7, с. 17-18].

Воздействие на человека на молекулярно-генетическом уровне связано с высокими технологиями. Но такой технологический подход конструирования человека, когда люди становятся объектом генетических манипуляций, не может не вызывать негативных реакций общества. Подобные воздействия на человека связаны с разнородными рисками и затрагивают права человека. Недаром К. Ясперс, определяя назначение техники, утверждал, что её власть над природой «обретает смысл

лишь при наличии целей, поставленных человеком» [8, с. 117, 118]. А в подобных случаях происходит искажение истинных целей человека.

В современном информационно-техническом мире вопросы морали становятся особенно актуальными. Когда человек всё более зависит от власти техники, нравственный статус техники становится очень острым. Человек теряет свою свободу. И здесь возникает вопрос о необходимости осуществления новаторских технологических проектов (типа планирования человека). Конечно, на сам процесс поиска нравственный запрет наложить нельзя, так как наука обладает правом исследовать любую сферу окружающей среды. Но главная составляющая возможностей науки – моральная ответственность не науки и техники, а учёных и техников, то есть тех, кто создаёт и применяет её, выступает на передний план.

Ответственность, как пишет Э. Агацци, «...предлагает свободу (ибо только свободные существа могут быть ответственными) и в то же время признает ограничения свободы, накладываемые долгом, то есть уважение к требованиям и моральным ценностям, которые не ограничивают свободу, но внутренне обязывают к ее ограничению» [1, с. 284].

Применение техники связано с риском. При этом риск удаи и риск неудачи предусмотреть нельзя. Но ответственность и учёных, и инженеров в любом случае несут оба создателя за любой вариант риска. Независимо от профессионализма их совместная ответственность рассматривается через призму общечеловеческой морали.

В современном мире особое место отводится компьютерной технике и информационным технологиям, которые существенно изменили качество жизни как человека, так и общества. Глобальные информационные сети, электронные способы обработки и хранения информации, создание широкой системы управления, возможность одновременного существования в реальной и виртуальной реальности – эти технологические инновации становятся неотъемлемой частью современной культуры. Без внедрения этих инноваций наше общество было отлучено от мировых информационных процессов. Эти новые средства информационных коммуникаций создают возможность каждому человеку быть психологически сопричастным к мировым процессам, при этом, не участвуя в них. Развитие информационной коммуникативности способствует научным, экономическим, культурным и другим международным связям, что значительно изменяет качество жизни современного человека и общества в целом.

Однако, развитие информационных технологий имеет и негативные последствия, связанные с деградацией человека и его мозгом и сознанием.

Если ранее исследователи мозга человека считали, что мозг человека организован по локальному принципу – разделён на отдельные зоны, а каждая зона (слуховая, кора, зрительная кора и др.) отвечает за свою функцию, то сегодня учёные пришли к выводу: мозг человека устроен значительно сложнее. До 25 лет жизни связи мозговых зон имеют локализацию, что необходимо для выработки концентрации внимания и развития потенциально заложенной в человеке способности ориентироваться в конкретной ситуации. Первые 25 лет жизни – это период программирования мозговой деятельности (так называемого «программного сервера»). В это время нейронные клетки разных отделов мозга постепенно связываются друг с другом, формируя нейронные связи, то есть образуют нейронные сети, которые будут отвечать за базовые режимы работы мозга [9].

Группа американских учёных под руководством профессора М. Рейчела, исследуя работу мозга человека, выделили в нём два базовых режима и соответствующие им нейронные сети. Первая – дефолт система мозга осуществляет пассивный режим его работы (именно здесь рождаются творческие решения, а самые ценные идеи – инсайт), вторая – исполнительная система – отвечает за оперативность решения задач [10], которая активируется в момент потребления информации, что проявляется в мобилизации и концентрации внимания (как бы «забывая себя» и входя в поток информации).

Дефолт система мозга (то есть сеть пассивного режима работы мозга) – это та нейронная сеть, которая активизируется тогда, когда человек «погружается в себя», то есть, не связан с внешним миром и не занят решением задачи. Именно в это время внешнего бездействия приходят самые интересные идеи: мозг человека погружается в интеллектуальные объекты, выстраивая внутренние отношения между ними в разных ситуациях, анализируя варианты этих отношений. Эти процессы осуществляются в состоянии покоя (то есть внешнего бездействия) мозга.

Эти два режима мозга (сеть оперативного решения проблемы и сеть пассивного режима работы – дефолт систем мозга) действуют в противоположных фазах: если активна одна система, то вторая отключается, и наоборот. Другими словами, обе системы являются антагонистическими в своём внешнем проявлении.

Наше время – это время получения избыточной информации, когда сеть оперативного решения задач постоянно активна, а в зону дефолт системы мозга энергия практически не поступает. Эта зона перестаёт активно работать (мозг человека как бы «впадает в спячку», то есть перестаёт думать и творить).

Как отмечают учёные, современные дети (к 14-17 го-

дам) 60-70% времени активно потребляют информацию, отправляя дефолт систему (то есть свой сервер мышления) в спячку, а значит, он перестаёт формироваться. Чтобы сервер мышления переключился в нужный режим (стал думать) необходимо время. А если этого времени нет, то мозг продолжает находиться в сети оперативного решения задач. Так происходит деформация мозговой деятельности человека.

Другая проблема современного гипер-информационного общества связана с разрушением социальными отношениями, так как в процессе эволюции дефолт систем мозга сформировалась как социальная система для того, чтобы человек выстраивал социальные отношения с другими людьми в процессе их общения. Но сегодня реальное общение людей сокращается до минимума, что учёные называют «эпидемией цифрового аутизма» (суть которого заключается в том, что молодёжь не может осуществлять деятельный психологический контакт с другими). Так, ценность другого реального человека, интерес к его взглядам, ценностям (к его внутреннему миру) заменяется контактом с искусственным субъектом (компьютером). Человек постепенно теряет свою сущность, которая проявляет себя только в общении с другим реальным человеком.

Кроме этого, если дефолт система мозга не работает, человек утрачивает способность к мотивации и прогнозированию будущего, а значит – теряет желание к обучению. При этом возрастает возможность к манипуляции сознанием человека через глобальные коммуникативные сети.

Цифровая зависимость человека ведёт и к эмоциональным реакциям: получение информации превращается в получение удовольствия. Чем быстрее и легче человек получает информацию, тем быстрее он получает удовольствие. Если же получение удовольствия затягивается, то человек становится агрессивным, вплоть до тенденции к суициду.

Чтобы дефолт система мозга работала, необходимо ограничивать потребление информации и увеличивать количество социальных коммуникаций и коллективных форм познавательного процесса путём диалоговых форм сотрудничества.

На основании анализа негативных последствий влияния информационных технологий на развитие мышления человека и деградации его социальных отношений можно утверждать, что в процессе информатизации общества огромную роль приобретает система образования, которая включает в себя как базовое образование в школе, так и профессиональное научное образование в ВУЗах, так как человеческий интеллектуальный потенциал является главной ценностью и национальным богатством страны.

Таким образом, технологические риски приобретают опасный характер. Только руководствуясь нравственным императивом, возможно ослабить всё усиливающиеся технократические тенденции современного мирового сообщества, формируя предпосылки для утверждения гуманистических ценностей в обществе и реализации творческого потенциала человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агацци Э. Моральное измерение науки и технике. М.: Московский философский фонд, 1998. 344 с.
2. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии, 1989. №2. С. 150-168.
3. Ортега-и-Гассет Х. Размышление о технике. М.: Прогресс, 2000. С.164-232
4. Розанов В.В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989, 608 с.
5. Российский энциклопедический словарь. В 2 кн. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001, Кн. 2: Н-Я. – 2015 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие,- М.: Республика, 1993. – 445 с.
7. Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем // Вопросы философии, 2004. №2. С. 16–28.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
9. Raichle M.E., MacLeod A.M., Snyder A.Z., Powers W.J., Gusnard D.A., Shulman G.L. A default mode of brain function. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2001. P. 676-682.
10. Linda Patia. Adolescent Neurodevelopment, Journal of Adolescent Health 52 (2013) S7-S13). <https://www.iahonline.org/action/showPdf?pid=CS1054-139X%2812%2900207-8>

© Некрасова Нина Андреевна (sinekrasov@mail.ru), Некрасов Сергей Иванович (sinekrasov@mail.ru),
Клепацкий Владислав Владимирович (vlad_kl@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Николаева Татьяна Анатольевна

к.ф.н., ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», г. Хабаровск
004012@pnu.edu.ru

MODERN EDUCATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATION

T. Nikolaeva

Summary: In this article, the author considers the problems of the development of modern education in the context of social transformations from the point of view of philosophical teachings. The author points out that on the threshold of the digital and man-made «millennium» there are new tasks of forming worldview guidelines for modern education, aimed at preserving the natural basis of life. The article concludes that the training of highly qualified specialists capable of working in modern conditions of scientific and technological progress and environmental conditions and the growing global environmental crisis is the main problem of the education system. Education in the modern world should contain the goals and objectives of knowing the integrity and regularity of processes taking place in the technogenic world. The author proposes to abandon the principle when universities become the main social institutions as centers for the production, processing, storage of knowledge and training of modern specialists.

Keywords: education, modern education, social transformation, transformation of society, technosphere, technocracy.

Аннотация: В настоящей статье автор рассматривает проблемы развития современного образования в контексте социальных трансформаций с точки зрения философских учений. Автор указывает на то, что на пороге цифрового и техногенного «тысячелетия» появляются новые задачи формирования мировоззренческих ориентиров перед современным образованием, направленные на сохранение естественной природной основы жизни. В статье делается вывод, что подготовка высококвалифицированных специалистов, способных работать в современных условиях научно-технического прогресса и условиях среды и нарастания мирового экологического кризиса, является основной проблемой системы образования. Образование в современном мире должно содержать цели и задачи познания целостности и закономерности процессов, происходящих в техногенном мире. Автор предлагает отказаться от принципа, когда главными социальными институтами становятся университеты как центры производства, переработки, хранения знаний и подготовки современных специалистов.

Ключевые слова: образование, современное образование, социальная трансформация, трансформация общества, техносфера, технократия.

Современное превращение знания в основной ресурс изменило само общество и индивидуума, это обстоятельство подвигло к становлению информационно-интеллектуальной экономики.

В нашем обществе индивид становится творческой силой и информационным ресурсом общества, что приводит к изменению отношения общества к современному образованию. Институт образования ориентирован на обучение самостоятельно, уметь добывать и получать знания, что объективно обусловлено большим потоком информации научного знания во всех областях, противоречиями между развитием знаний и возможностью их получения отдельным индивидуумом. Закрепление полученных знаний выступает как вспомогательное средство в развитии интеллекта индивидуума.

Образование на пороге цифрового и техногенного «тысячелетия» играет роль детерминанта происходящих социальных изменений, а также становится важнейшим фактором развития цивилизации.

Вышеперечисленные аспекты ставят новые задачи формирования мировоззренческих ориентиров перед

современным образованием и воспитанием, направленные на сохранение естественной природной основы жизни, а также формированием навыков адаптации и социализации. Решение именно этих задач зависит от интенсификации роли социальной педагогики, которая напрямую изучает процессы социализации и адаптации индивидуума на протяжении всей его жизни в условиях трансформации развития общественных институтов.

Изучение социальных закономерностей развития общества, влияющих на процессы социализации и адаптации личности – цель социальной педагогики, должна стать основной.

Анализ трудов ученых, таких как, М.П. Гурьяновой, Л.В. Штылевой, О.Л. Лебедевой, В.Г. Бочаровой, В.А. Сластениной, А.В. Мудрика и др., подтверждают данное умозаключение.

В зарубежных странах роль социальной педагогики вообще сведена до уровня социальной работы, что не позволяет активно использовать ее ресурсы с целью профилактики неблагополучия индивида. С философской точки зрения, социальная педагогика ставит

проблему недостаточного внимания к вопросам исследования социализации индивида в контексте трансформационных процессов, связанных с заменой естественного природного мира миром искусственным.

В связи с этим в формировании новой философской стратегии развития современного образования возникает необходимость выявления потенциала социальной педагогики [1, С.132].

Вышесказанное подтверждает необходимость философского анализа вопросов трансформации мира и выявления возможностей социальной педагогики в формировании новой философской стратегии развития современного образования.

Наше теоретическое исследование опирается на школу социоприродного подхода В.И. Вернадского. Земледельческое общество на протяжении тысячелетий развивалось в условиях естественной природной системы жизни, существенно не изменяло ее на основе ручной техники и аграрных технологий, что и определяло особенности социализации, воспитания и образования подрастающего поколения – как транслирования и воспроизводства из века в век сложившихся социальных устоев жизнедеятельности.

В.И. Вернадский, отмечал, что эволюция биосферы, особенно в индустриальную эпоху, стала определяться не всей совокупностью составляющих ее живых организмов, а коллективным человеческим разумом – наукой и трудом людей, опирающихся на крупную машинную технику и искусственные технологии [2, С.349]. Современное общество, развиваясь, совершенствуя науку и технику, которое изменяется само и глубоко трансформирует всю область жизни на планете. Более того, оно переводит на основе биотехнологических производств в искусственную оболочку – техносферу все жизненные естественные процессы воспроизводства не только биосферных организмов, но и индивидуума.

Нивелируя оптимистичные прогнозы В.И. Вернадского, отметим то, что изменение обществом биосферы происходит не в форме улучшения условий жизнедеятельности для всех населяющих ее живых организмов и становления ноосферы как более высокого и качественного уровня биосферы. Научное сообщество говорит о гибели биосферы и эволюционном изменении жизни в направлении замещения естественного мира искусственным, утверждению на планете интегрированных социотехноприродных процессов, генетически модифицированных организмов [3, С. 194 – 205].

О разрушении биосферной жизни достаточно ярко свидетельствует исчезновение на планете за последние сорок лет ½ популяции живых организмов, в том числе в

пресных водах – три четверти, что фиксируется биологами и экологами в индексе «живой планеты» [4, С. 10 - 19].

Далее, ученый Э.С. Демиденко говорит о новом эволюционном прогрессе на планете, который претендует на замещение естественного мира, созданного биосферой, иным эволюционным процессом. Опираясь на учения В.И. Вернадского автор развивает в науке и философии новый социоприродный подход, который позволяет нам рассматривать закономерности современных социальных и природных процессов в их взаимосвязи и направленности, определяемой техногенным социумом [5, С. 215].

В трудах философов научно-философской школы социальной трансформации мира данный подход получает развитие в сфере социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни, а также оказывает институциональное влияние на взгляды исследователей [6, С. 221 – 222]. В статье мы используем понятие «биосферная природа» вслед за исследователями и учеными социально-техногенных процессов, которые различают естественную природу, созданную биосферой, и искусственную, творимую техносферой, наукой и технологиями.

Современное внимание ученых сконцентрировано на изучении социально-экологических последствий, ставших следствием ускорения техногенного развития общества, коренные же трансформации жизни не входят в поле их зрения. При этом именно жизнь на современном этапе становится одним из основополагающих объектов трансформации, о чем свидетельствует массовое производство биотехнологических и генетически модифицированных организмов, техногенное изменение индивидуума, внедрение искусственных компонентов в локальные и глобальные биосферные циклы.

Искусственный мир и жизнь требуют от нас смены приоритетов в современном образовании.

Но трансформация человеческой эволюции не отражаются на содержании и организации учебного процесса, а также сохраняется традиционная ориентация на изучение отдельных дисциплин без установки связи между ними. Данные аспекты не позволяют человеку осознать мир в его целостности, ограничивая понимание научной картины мира, что создает в сознании обучающегося «кусковой» образ мира, нивелируя способность целостного мировосприятия, делая невозможным понимание и анализ сложных интегрированных социотехноприродных процессов.

Таким образом, подготовка высококвалифицированных специалистов, способных работать в условиях динамично изменяющихся, под воздействием ускоряющегося научно-технического прогресса в условиях среды и

нарастания мирового экологического кризиса, является проблематичной.

На наш взгляд, чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию необходима фундаментальная разносторонняя подготовка специалистов. При этом такая подготовка в системе образования противоречит корыстным интересам элитных слоев либерально-демократического общества, которые заинтересованы в дальнейшей коммерциализации образовательного пространства и одно-сторонней подготовке функционеров, обслуживающих объекты техносферы [7, С. 202 – 207]. Капиталистическая образовательная стратегия становится опасной как для развития самой науки, так и для биосферного мира в целом и индивидуума, который в попытках адаптироваться к измененной реальности, не понимая закономерностей ее развития, теряет свое природное здоровье.

На наш взгляд, в образовании пока сохраняется потенциал, который может быть использован для коррекции образовательных процессов. Потенциала педагогики оказывается недостаточным для решения сложных мировоззренческих вопросов, поэтому требуется формирование новой философской стратегии развития педагогического знания, поскольку философия объединяет знания о всеобщих законах существования и развития мира и жизни, а также дает возможность поиска новых ориентиров.

При этом недостаточность педагогической поддержки не позволяет развивающемуся человеку полноценно ориентироваться и соответственно действовать в мире.

По нашему мнению необходимо расширить круг проблем, входящих в проблемное поле исследований и социальной педагогики, и множества других педагогических систем, соответственно, скорректировать процесс развития личности, свести к минимуму негативные влияния на индивидуума, ведущие к социальному неблагополучию [8, С. 9 – 14].

Уровень развития социальной педагогики в мире, как научной дисциплины, предлагает стратегию развития образования, направленную на гармонизацию, прежде всего, социокультурных отношений в обществе. При этом упускается из виду, что потребности индивидуума формируются сейчас уже преимущественно в искусственном мире – техносферном, они определены логикой его развития. В целях сохранения биосферного мира и жизни требуется коррекция самих материальных и культурных потребностей технизирующегося социума [9, С.13 – 19].

Образование в современном мире вместо необходимого обновления целей, задач и содержания, позволяющих познать целостность и закономерность процессов,

происходящих в техногенном мире, идет по пути упрощения образовательных технологий. Такой подход способствует накоплению противоречий и деформаций в системе отношений между обществом и образованием. В итоге система образования не может изменить сложившуюся в мире ситуацию.

На основании проведенного философского осмысления мы приходим к выводу о том, что главной задачей педагогической науки становится формирование социально-педагогической стратегии развития подрастающего поколения, по сути – практически ориентированной философии педагогической мысли. Реализация миссии социальной педагогики в мире должна заключаться в формировании соответствующих подходов в образовании, позволяющих преодолеть негативные тенденции социальной трансформации мира, направив все силы общества на сохранение биосферной жизни.

Сегодняшние вопросы, на которые требует ответа педагогика, определяется потребностями общества, порожденными изменившимися социально-техногенными условиями жизни.

В данном аспекте основными проблемами, на которых должно быть сконцентрировано внимание современной педагогики, становятся: усиление прогностического характера образования в условиях социальной трансформации мира и жизни, идущего по пути трансформационных процессов, направленных на уничтожение биосферных основ жизни; повышение уровня культуры и образования современного индивидуума, развитие его творческих способностей с целью активизации его деятельности в решении проблем сохранения биосферных основ жизни; расширении поля гуманизации общественной жизни за счет сохранения и умножения биосферной жизни; усиление гармонии отношений индивидуума, общества и природы во имя сохранения жизни; решение проблем дезадаптации индивидуума в изменившихся условиях социотехноприродной реальности; интеграция всех воспитательных сил общества на базе сохранения биосферного индивидуума и формирования его высоких социальных качеств; гуманная социализация индивидуума в обществе в различных по степени техногенности условиях социального развития; изменение нынешнего техногенного образа жизни индивидуума с возвратом его к гнущему полю биосферной жизни; создание условий для развития творческого потенциала личности, направленного на сохранение биосферы и безопасной для жизни индивидуума техносферы.

Адаптироваться в условиях сложной многоаспектной нашей реальности могут люди, обладающие хорошим природным здоровьем, которое с каждым годом становится все труднее поддерживать в связи с деградацией биосферы и природно-биологических качеств

индивидуума. Индивид, обладающий слабым здоровьем и низким уровнем образования, становится не востребо-ванным обществом, что отражается на его способности к полноценной социализации. Сложившийся круг проблем требует расширения спектра социально-педагогических услуг.

Опираясь на социальную педагогику, специфика которой позволяет исследовать как природно-биологические, так и социально-техногенные факторы, влияющие на социальное воспитание, по нашему мнению, можно скорректировать процесс развития личности и свести к минимуму негативные влияния, ведущие к социальному неблагополучию. Социальная педагогика дает возможность не только подготовки индивида к деятельности в техногенном обществе, но и к жизни в условиях искусственной среды обитания при учете сложности и разнообразия влияющих на адаптацию факторов.

В условиях социальной трансформации жизни нами предлагаются основные стратегические мероприятия социального характера в системе образования, направленные на привнесение в него социально-гуманных ценностных коррективов по формированию основы мировоззрения – органического единства общества с биосферной природой и поддержания безопасной жизнедеятельности индивидуума в техногенной среде обитания.

Такие мероприятия должны быть направлены на распространение гуманизма на область взаимоотношений человечества с биосферной природой.

Индивид должен осознавать, какие основы биосферы уничтожаются вследствие социального развития, среди них – живая биосферная природа, почвенный покров, биосферные геобменные процессы, биосферный индивид, порожденный развитием биосферы и общественным воспитанием, теряющий сейчас свое биосферное тело. Среди мероприятий также следует отметить реформирование образования и усиление его прогностического характера, фундаментализацию и практическую

направленность образования, доступное, непрерывное образование и самообразование, непрерывное экологическое образование, валеологическое образование, формирование творческого (индивидуального) потенциала личности, формирование навыков коллективной работы (творчества).

Рассмотренные проблемы социальной трансформации жизни приводят нас к выводу о том, что необходимо формирование новой философской стратегии развития образования.

Данная цель способна наряду со знаниями о направленности эволюционного развития в сторону замены естественного биосферного мира миром искусственным, сформировать у обучающегося представления о целостной картине мира.

Необходимо также привить навыки позитивной преобразовательной деятельности и навыки эффективной адаптации и социализации к условиям стремительно изменяющейся под воздействием научно-технического прогресса среды обитания индивидуума.

В связи с этим уже сейчас требуется разработка программ реформирования системы образования, внедрение в образовательный процесс социальной педагогики на всех этапах взросления индивида. Развитая социальная педагогика позволит внедрять в образовательный процесс педагогические разработки, адаптированные к конкретным условиям социально-исторической среды и структурам социальных отношений. Данный институт нами предлагается использовать в качестве основной философской стратегии современного развития образования, позволяющей не только получить знания и опыт, при которых экономические и социальные функции переходят к информации.

Мы должны отказаться от принципа, когда главными социальными институтами становятся университеты как центры производства, переработки, хранения знаний и подготовки современных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. Б. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М., 2000. – С. 132.
2. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – Москва: Айрис Пресс: Рольф, 2002. – С. 349.
3. Кравчук М.А., Красков Ю.И., Малинин В.Н. Глобальный экологический кризис: стратегия выживания // Общество. Среда. Развитие. 2009. №1. – С. 194 – 205.
4. Доклад «Живая планета 2020: биоразнообразие, биоемкость и развитие». – М.: Всемирный фонд дикой природы, 2020. – С. 10 – 19.
5. Демиденко Э.С. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – Брянск: БГТУ; М.: Всемирная информ-энциклопедия, 2011. – С. 215.
6. Кефели И.Ф. Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий // Вопросы философии – 2019. – Выпуск №11. – С. 221 – 222.
7. Козырев Проблема технократизма в современной философии // Общество. Коммуникация. Образование. 2011. №124. – С. 202 – 207.
8. Беляев В.И. Философия социальной педагогики: постановка проблемы // Педагогическое искусство. 2017. №2. С. 9 – 14.

9. Карпов А.О. Исследовательское образование в обществе знаний: культурная роль, дидактические принципы, организация // Alma mater. 2016. №1. - С.13 – 19.

© Николаева Татьяна Анатольевна (004012@pnu.edu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

НА ГРАНИ СРЫВА: НАУКА И ГУМАНИЗМ

ON THE VERGE OF FAILURE:
SCIENCE AND HUMANISM

K. Salyamov

Summary: The article demonstrates the existence of a special line of philosophizing - the line of common sense. This line is contrasted with the other two, namely the Greek and the Eastern. It is argued that the distinguishing feature of the line under study is the concept of common sense. The work traces the history of the development of this philosophical term. For the most part, common sense was developed along the lines of the pragmatic tradition, but it was not limited to it. It is shown that there are two ways of interpreting common sense: scientific-critical and humanistic ways. To bridge the gap between them, the author offers his own version of the consideration of common sense.

Keywords: common sense, philosophical term, reality.

Салямов Камиль Маратович

Московский государственный университет
им М. Ломоносова
kamasalyamov@gmail.com

Аннотация: В статье демонстрируется существование особой линии философствования — линии здравого смысла. Эта линия противопоставляется другим двум, а именно Греческой и Восточной. Утверждается, что отличительной чертой исследуемой линии является концепт здравого смысла. В работе прослеживается история развития этого философского термина. Здравый смысл по большей части был развит в русле прагматической традиции, однако ею не ограничивался. Показывается, что имеется два пути толкования здравого смысла: научно-критический и гуманистический способы. Для преодоления пропасти между ними автор предлагает свой вариант рассмотрения здравого смысла.

Ключевые слова: здравый смысл, философский термин, реальность.

Введение

С возникновением науки философский способ мышления потерпел изменения. До тех пор, по мнению автора, господствовали две линии развития: программа поиска сущности сущего (ousia) и программа поиска бытия — того, благодаря чему есть сущее (quod est). Первую можно условно назвать Греческой, отсчитывая ее с Платона. Вторая же описывается в данной работе как Восточная, тесным образом ассоциированная с религиями.

Греческая линия характеризуется тем, что мир может быть контингентным (contingent) и подлинным. Для Платона, например, первым был весь чувственный мир, а вторым являлся мир идей, которому мы приближаемся благодаря таким теоретическим наукам как математика и логика, называемая у античного мыслителя диалектикой. Аристотель несмотря на то, что традиционно противопоставляется Платону, из-за своей критики теории Идей, также имеет разделение на подлинный и случайный мир. Мир форм и материй.

То, что здесь называется Греческой линией рассматривается К. Поппером как эссенциализм [15, с.124]. Однако его подход узок и, с точки зрения автора, неверен. Немецкий философ почему-то предполагает, что спор Платона (эссенциалиста) и Аристотеля был просто возобновлен в схоластике под видом спора реалистов и номиналистов, иначе говоря, К. Поппер не видит особой разницы между греческой и схоластической традицией. По всему видимому это связано с тем, что схоласты также как и Платон искали то, что

на английский можно перевести как "essence", а на русский как "сущность". Схоласты называли это "essentia", а Платон "ousia" (οὐσία). Однако онтология, которая скрывается под этими терминами различается [22, с.43-44]. В то время как греческая ousia выражало то, что подлинно есть (сущность сущего или суть всего существующего), схоласты, а по мнению автора и все представители Восточной линии, рассматривали свою essentia как бытие вещей. Так, например, Фома Аквинский пишет:

"Итак, остается только, что имя "сущность" обозначает в составных субстанциях то, что составлено из материи и формы. ... С этим согласуется и умозаключение: бытие составной субстанции не есть бытие только формы или только материи, но бытие того, что из них составлено. Но сущность есть то, в соответствии с чем, как говорится, существует вещь." [22, с.143].

Именно в этой разнице и высматривается Восточная линия. Они пытаются найти не подлинность (суть) вещей, но некоторое чудо, благодаря кому сущее возникло. Греки же, в частности Аристотель, не отделяли бытие от сущего, то есть сущее и есть свое собственное бытие и никакого "чуда" его привнесения не требует [22, с.47].

Важность этого момента довольно принципиальная, ведь если бы такого разделения не проводилось, то не было бы смысла говорить о Боге. Собственно, сама схоластика как философская школа и возникла для того, чтобы проинтерпретировать Аристотеля на христианский манер.

Восточная линия в Азии (в Индии, Китае) ярко прослеживается в учениях таких мыслителей как Будда (Сидхарта Гаутама) с его учением о нирване; Лао-Цзы с его безымянным; и наконец, Конфуций с воззрением на особое начало человека “жэнь”.

Тем не менее, на западе Восточной линии пришлось не без препятствий. С появлением таких людей как Коперник и Галилей стала распространяться идея о разделении науки и религии, тем самым возрождая греческую традицию. Это тенденции оформилась в Новое время под термином секуляризация. Однако проблем от того меньше не стало. Каким же образом наука открывает истины? Одни участники дискуссии (эмпиристы) считали, что наука должна опираться на опыт и открывать истины (подлинную реальность) путем индукции. Другие (рационалисты) были убеждены, что истина открывается не таким способом, но благодаря идеям разума, данными самим Богом. Эмпиристов и рационалистов можно условно рассмотреть, как тех, кто тяготел больше к Греческой линии (эмпиристы) и тех, кого впечатляли схоласты (рационалисты).

Традиционно считается, что данный спор был решен И. Кантом, однако на взгляд автора это не так. Кёнигсбергский мыслитель транспонировал пространство, в котором шла дискуссия от внешнего мира к внутреннему, перенося тем самым и проблемы. Кантовские вещи-в-себе стали недоступными греческими сущностями, а все доступное, вещи-для-нас, без привнесения им бытия от человека сами суть ничто. Таким образом, кенигсбергер нашел некоторый способ примирения двух линий.

Такой подход хоть и принес плоды в свое время, но является абсолютно нерелевантным касательно современного состояния науки. Ведь раз науке доступны лишь феномены (вещи-для-нас), знание которых основано на определенных а priori, то возникает вопрос с квантовой физикой. Как объяснить корпускулярно-волновой дуализм микроскопических объектов? Да и вообще, каким образом мы смогли открыть мир частиц?

Принимая во внимания собственную дистинкцию, К. Поппер не может однозначно отнести И. Канта ни к эссенциалистам, ни к номиналистам. Он, собственно, так и пишет:

“Даже те, кто не любит во всем следовать Канту (к их числу я отношу и себя), вынуждены согласиться с ним в том, что разум исследователя “должен заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащить-ся у нее словно на поводу.”

Но “коперниканский переворот” Канта несет в себе и другой смысл, указывающий нам на противоречивость (двойственность) кантовской позиции. ... [Кант — прим. С. К.] показал, что в определенном смысле наш мир вращается вокруг нас, что мы те, кто, по меньшей мере создает открываемый нами в

мире порядок” [15, с. 49-50]

К. Поппер замечает попытку Канта в том, что выше было названо как примирение греческой и восточной линии. Но ему такой ход кажется противоречивым, из-за его узкой историко-философской классификации.

В связи с этим, в данной работе предлагается рассмотреть иную линию мышления — линию здравого смысла. Согласно этому взгляду, не существует никакой подлинной реальности, сокрытой от наших глаз и также не существует никакого чуда и божественных идей. Реальность здравого смысла не имеет ничего общего с такими понятиями как схоластическое бытие (quod est) и/или греческое сущее (οὐσία/esse). Но вот что именно она такое — вопрос, который исследуется в данной работе.

Здравый смысл

По мнению автора, явным основателем этого направления стал Т. Рид — зачинатель т.н. Шотландской школы Здравого смысла. Т. Рид считает, что существует реальность, которая познается явным образом благодаря здравому смыслу. Здравый смысл он рассматривает в двух аспектах: а) как повседневное мышление обычного нормального человека; и б) как врожденные верования, принципы. Взгляд через ракурс пункта (а) связан не с личными взглядами шотландского философа, но с общей интуицией народов Европы о том, что внутренне чувство бывает нормальным и ненормальным, которую разделял и младший современник Т. Рида И. Кант [12, с.395-936]. Понять ее просто, если взглянем на английский перевод, а именно “common-sense”, который на русский буквально переводиться как “общее чувство”. Common-sense своим корнями идет от средневекового commonis-sensus (лат.), свою очередь опирающаяся на идеи Аристотеля, где пять известным внешним органом чувств соответствует пять внутренних способностей ума, которые свидетельствует нормальное интеллектуальное состояние человека (Johansen). Ключевым же, является тезис (b), который шотландский философ выдвигает после выхода “Трактата о человеческой природе”, где Д. Юм выдвигает неприемлемый с точки зрения Т. Рида скептицизм [19, с.89]. Именно в этом тезисе и корениться ключевое отличие позиции Т. Рида от И. Канта. Его аргумент, на который будут опираться все последующие анализируемые в статье авторы, тезисно формулируется так:

1. Главное допущение любого скептицизма — идея о том, что уму доступны лишь идеи, формы вещей, а не сами вещи (Р. Рорти будет называть это идеей “идей”).
2. Получается, что уму не даны вещи сами по себе (из 1), что введет к познавательной пропасти (epistemological gap). Т. Рид в инвективной форме назвал этот феномен “занавесом идей”.

3. Следовательно, любого рода скептицизм оправдан (занавес может быть как полупрозрачный, так и абсолютно не прозрачный).

Выходом соответственно становится отрицание допущения о существовании идей и выдвижения здравого смысла как набора априорных верований (аналог кантовских априори), которые позволяют нам быть уверенным в том, что мы воспринимаем. Повседневными практиками уже все расставлено так как нужно. А здравый смысл является лишь манифестацией этой правильности посредством обыденного языка.

Проблема с таким выводом возникает, как только мы задаемся вопросом о том, как функционирует наука и откуда она берется. Любимая шотландскому философу Ньютоновская физика становится результатом народной мудрости, в то время как именно эта народная "мудрость" долгое время оставалась, да и в какой-то степени остается оппозиционной к научному познанию. Философская линия "Платон-Декарт-Локк-Юм" потому ведь и существует, что порой народная мудрость говорит что-то очень странное и сомнительное. Именно поэтому, прав был Ч. Пирс, когда писал, что Т. Рид упустил остроту критикуемой им философии, однако пафос его идеи кажется автору (и Ч. Пирсу) верным и требует тщательной реконструкции.

Критический здравый смысл

Опираясь на это аргумент, но решая проблему редукции здравого смысла к повседневному мышлению, Ч. Пирс строит свою теорию Критического Здравого смысла (Critical common-sense). Эта идея отличается от шотландской школы по следующим параметрам:

- i) Верования могут изменяться со временем. [13, с.187-188]
- ii) "... некритически несомненное есть неизменно смутное (vague)." [13, с.189] Этот тезис означает, что те верования, про которые говорит Т. Рид, пригодны лишь для примитивного образа жизни. В науке же они никак не могут быть использованы, так как не являются очевидными.
- iii) Ч. Пирс признает достоинство и всю глубину юмовского скептицизма. Юм по Пирсу сомневается не во всем мире, но лишь говорит о том, что большая часть наших познавательных утверждений есть лишь гипотезы [13, с.242-244]. Причем гипотезы в том смысле, в котором Ньютон писал: "Гипотез [я] не измышляю". Юм помог нам избавиться от схоластического "чуда". В этом смысле Ч. Пирс рассматривает юмовский скептицизм как инструмент проверки несомненности провозглашенных убеждений [13, с.198].

В связи с этими положениями Пирс как раз и разрабатывают идею прагматизма. Так как мы не можем точ-

но знать, что за верования лежат в нашей основе, то мы должны критически контролировать свое мышление:

"Ведь конечную цель исследования интеллектуально-го содержания символов Прагматизм видит именно в раскрытии понятия рационального поведения, то есть поведения, подчиненного самоконтролю [13, с.186]."

Проблемы возникают тогда, когда мы ставим вопрос об объективности и субъективности. Ведь по Ч. Пирсу объективность все-таки есть, просто если Т. Рид утверждал, что она дана нам явно и априорно, то для американского философа она скрыта за туманностью (vagueness), которые нужно критическим образом сдуть. Наука, как и философия, хоть и подвержена ошибкам (fallible), но к истине стремится и приближается. Наука имеет прогресс, который выражается в достижении определенного консенсуса, не смотря на различные методы. Соответственно вопрос: что представляет из себя такая истина и как именно ученые к ней приближаются?

Для положительного ответа на эти вопросы с учетом своего собственного учения, Ч. Пирс развивает свою версию схоластического реализма [13, с.199-200]

Под схоластическим реализмом Ч. Пирс понимает утверждение о том, что общие понятия и научные законы (generals and laws) существуют реально, где реальность означает независимость от человека.

Для доказательства своей позиции американский философ осуществляет два важных хода: i) переосмысление объективности; ii) введение трех модусов реальности. Поясняет он их на примере с алмазом. Представим себе ситуацию, в которой алмаз, выкристаллизованный на ватной подушке, успел сгореть до того, как до него смогло достать какое-то отточенное лезвие. Вопрос: был ли алмаз реально тверд? Ответ Ч. Пирс безусловно положителен. Так как прагматист не спрашивается о том, что произошло *на самом деле*, но лишь о том каким образом мы бы с ним взаимодействовали, если мы его классифицируем как алмаз. Это, собственно, и есть максима прагматизма, то есть интеллектуальное содержание любого понятия заключается в том, какие мыслимые условия своего проявления на практике оно имеет. Таким образом, прагматист не мыслит лишь в рамках действительного, но и в рамках модусов возможности и необходимости. Ведь тот же алмаз, дабы быть алмазом в действительности, должен иметь определенные условия таковой своей классификации. При этом эти условия могут быть как множественные и неопределенные, то есть иметь несколько вариантов (модус возможностей); этот вариант также может быть лишь один, в такой случае он необходим. Соответственно, возвращаясь к нашему алмазу, Ч. Пирс заключает, что нас не интересует конкретно данный алмаз, ибо любой конкретный алмаз есть просто предмет классифицированный как алмаз, а это значит, что *вот*

этот алмаз, коль сколько он алмаз, вне зависимости от того, что с ним действительно произошло, является реально твердым, согласно общему понятию алмаза, которому он соответствует. Если бы мы до него все-таки успели до коснуться, то убедились в том, что он тверд, если он действительно алмаз, иначе он просто не алмаз и мы совершили ошибку в классификации.

Проще всего понять рассуждения Ч. Пирса на другом примере из другого сочинения, в котором он более детально развивает свою триаду, а именно на примере с силлогизмом. Есть большая посылка (модус возможности). Пример, все люди <когда-то> умирают. Умирание здесь есть видимая характеристика всех людей. Есть и меньшая посылка (модус действительности): Енох есть человек. Следовательно, Енох <когда-то> умирает (реальная необходимость) [14, с.170]. Причем этот закон является реальным в том смысле, что он возник независимо от нашей субъективности.

Гуманистический здравый смысл

Модификация концепта здравого смысла Ч. Пирсом связано не столько с защитой позиции Шотландской школы, сколько с обоснованием науки. Сам американский мыслитель заявлял, что строит научную метафизику, сводя философию к философии науки. Не секрет, что тема обоснования науки тогда уже начинала набирать популярность, особенно это связано с проблемой индукции. Этой проблемой также занимался Джон Стюарт Милль, с работами которого Ч. Пирс был непременно знаком. Однако, если Милль пытается решить проблему индукции, оставаясь в пределах того дискурса, в котором эта проблема возникла, то Ч. Пирс критикует ее основания, коим ему виделся номинализм – учение о том, что научные законы не существуют реально.

Тем не менее, научное мировоззрение не было “руководящим принципом” для другого отца основателя американского прагматизма — Уильяма Джеймса. Если Ч. Пирс пытался защитить науку, в частности логику и математику, то У. Джеймс — человека. Так, он пишет:

“Человек теперь не законодатель природы, он послушный исполнитель. ... Романтическая спонтанность и мужество исчезли, мироощущение стало материалистично и уныло” [20, с.7]

Реализм Ч. Пирса универсализирует не только научное мировоззрение, но человека, что неприемлемо для У. Джеймса. Для последнего не могут существовать универсальные переживания, переживания различаются не только у людей, но и внутри одного потока сознания. Даже единичный человек не испытывает одинаковые эмоции и переживания. Поэтому, по мнению автора данной работы, У. Джеймс основал номиналистическое крыло прагматизма вопреки Ч. Пирсу.

Главное различие между двумя философами заключалось в трактовке истины и, соответственно, здравого смысла, история которого является центральной для данной работы. И для того, и для другого истина является некоторым верованием, принципом действия. Однако для Ч. Пирса это верование будет проследиваться у всех с необходимостью. Какие бы вы факты не выделяли, как бы разнообразно вы не смотрели на мир, будут иметься такие верования, которые существуют с необходимостью (законы). [20, с.11] В то время как для У. Джеймса истина конструируется нашими же переживаниями, которые индивидуальны для каждого, а не всеобщие:

“мысли (составляющие сами лишь часть нашего опыта) становятся истинными ровно постольку, постольку они помогают нам приходить в удовлетворительное отношение к другим частям нашего опыта” [20, с.41]. Последовательным образом усматривается и разница между их понятием о здравом смысле. Для Ч. Пирса он представляет собой набор изменяемых верований, причем изменяемых в сторону истины, так как эти верования мы подвергаем критике.

В оппозицию критическому здравому смыслу У. Джеймс строит гуманистический здравый смысл, понимаемый им как стадия равновесия развития человеческого духа. Человек не является отделенным по Джеймсу от человечества, он включен в человеческое общежитие и усваивает общие методы мышления. Наука в этом смысле может даже противоречить здравому смыслу так как диктует нам такой опыт, который мы никак не переживаем и не мыслим. Иначе говоря, гуманистический здравый смысл разрушает бинарную оппозицию объективное-субъективное, снижая роль эпистемологии до минимума.

Прагматизм У. Джеймса был не то, чтобы, методом или философской школой, но образом жизни (way of life) отождествляемый с американским.

“Левые” неопрагматисты

Так как распространением самих взглядов Ч. Пирса занимался У. Джеймс, то именно номиналистическая, или левое крыло прагматизма было распространено больше всего. Главными представителями его можно назвать – Дж. Дьюи и Р. Рорти.

Впитав в себя онтологическое разделение М. Хайдеггера и лингвистический поворот Л. Витгенштейна в симбиозе с позицией У. Джеймса и Дж. Дьюи, Р. Рорти доводит левый прагматизм до абсолютного релятивизма и приходит к нивелированию эпистемологии.

Его аргумент можно представить следующим образом:

1. Опираясь на Л. Витгенштейна [9, с.174], он считает, что язык есть начало и причина нашего осознания феноменального опыта. Я могу осознавать

и видеть лишь то, что дано мне в языке.

2. Не существует нейтрального языка, который позволил бы нам выбирать язык объективным образом. Р. Рорти назвал эту идею иронизмом.
3. Следовательно, вся реальность и наши переживания конструируются нашим словарем и все, что нам остается – это сравнивать языки по полезности. Язык как инструмент – вот тезис Р. Рорти.

В связи со своей привязанностью к Л. Витгенштейну в плане интерпретации феноменального опыта, Р. Рорти решает свои проблемы схожим образом. Сам австрийский философ видел главным препятствием своим идеям проблему цветообозначения. Эта проблема настолько смущала его, что он написал целую работу на эту тему: “Заметки о цвете”. Вкратце его решение таково: “Кто не может играть в данную игру, [в частности игру цветообозначения – прим. С.К.] не обладает данным понятием”. [11, с.154] Иначе говоря, если какое-то общество не имеет каких-либо правил для обозначения цветов, то у них нет и представления о цвете. Р. Рорти продолжил эту интуицию. В первой части его книги “Философия и зеркало природы” американский философ приводит пример антиподов — народа, у которого в языке отсутствуют понятия о внутренних переживаниях и [18, с.71]. Вместо того, чтобы использовать такие понятия как “боль” или “красное”, они прибегали к терминологии биохимии и неврологии. Так, например, когда их младенцы тянулись к горячей вещи, матери кричали: “Она будет стимулировать С-волокна!” [18, с.723]. Важнейшим для данной работы следствием прагматизма Р. Рорти является то, что наука превратилась лишь в особого рода практику использования языка. Ее теории и концепт истины — результат установки языка, то есть конвенция. [3].

Релятивизм Р. Рорти активно атаковался его коллегой и другом Х. Патнэмом с его концепцией реализма.

Х. Патнэм критикует Р. Рорти за его мнимый прагматизм. По мнению первого Р. Рорти неправильно проинтерпретировал классиков прагматизма, что в классическом прагматизме науке все-таки придается большее значение, чем просто какой-то языковой практике. Х. Патнэм справедливо замечает, что позиция Р. Рорти – это позиция скептика, против которого, собственно, и стоит прагматизм в любой его форме.

Однако само решение проблему Х. Патнэмом не сильно отличается от Рорти. Несмотря на то, что он называет свою идею метафизическим реализмом, реализм здесь понимается в левой форме прагматизма, то есть со стороны того, кого Ч. Пирс называл номиналистом. Его идея такова: у нас действительно не может быть прямой возможности обнаружения истины, однако это не значит, что нам нужно ее отбрасывать. Истина с большой буквы нужна нам как идеал, к которому стремится наука, иначе прогресс будет невозможен. [6].

В итоге получается, что Х. Патнэм так и не решает проблему релятивизма, так как его позиция имеет общие корни с рортианской. [10].

“Правые” неопрагматисты

Правая линия прагматизма, представленная в лицах последователей принципов Ч. Пирса [16], является линией “рыцарей науки”.

Несмотря на то, что К. Поппер не является наследником идей Ч. Пирса, так как на него никак не опирался, его идеи вполне синхронизируются с Ч. Пирса. Совпадение идеи между ними было показано в работе [5]. Автор данной работы приводит множество фундаментальных точек совпадения. Так, например, и тот и другой принимали фаллибилизм в науке, идею, согласно которой наши знания всегда несовершенны; и тот и другой использовали эволюционный подход к росту знания и т.д. Позже, К. Поппер все-таки открыл для себя Ч. Пирса, и сам признал, что его мировоззрение по своей сути согласуется с таковым у Ч. Пирса [5, с.20]. Однако К. Поппер, будучи философом XX века, прекрасно понимал в отличие от Ч. Пирса, что наука имеет определенные последствия для человека как личности с должными ей эмоциональными переживаниями.

Более того, К. Поппер видел в этом две проблемы [16, с.222-223]:

1. “Комптоновская проблема”, которую он сформулировал как “проблему о влиянии *мира абстрактных значений, смыслов (meanings)* на человеческое поведение (и, следовательно, на физический мир)
2. “Декартовская проблема” — проблема взаимоотношения духа и тела.

Подобно Ч. Пирсу К. Поппер считает, что законы изменчивы, то есть эволюционируют. Физическая система не является закрытой, то есть она может изменяться под действием другой, ментальной и наоборот. Это значит, что человеческая свобода не просто не обесценивается, но наоборот включается в научное мировоззрение. Создавая теории о мире, мы влияем тем самым на физические процессы, что заставит последние перестроиться. В другой своей книге “Знание и психофизическая проблема” К. Поппер ассимилирует данное предположение со своей концепцией трех миров: мира физических состояний (мир 1), мира ментальных состояний (мир 2) и мира объективного знания, абстрактных значений, смыслов (мир 3).

Однако, возникает вопрос: почему у ученых есть привилегия на поправки в мире 3? Почему мы не можем пойти по пути Р. Рорти и сказать, что у ученых этой привилегии на самом деле нет, так как нет никакой объективности? Здесь К. Поппер разрабатывает свою версию критического здравого смысла, которую для отличия от

версии Ч. Пирса, можно назвать просвещенным здравым смыслом. К. Поппер также как и Ч. Пирс считает, что здравый смысл является смутным и некритически принятым, он назвал это в целом «фоновым знанием». Однако в отличие от последнего считает, что они могут быть ложными. Для Ч. Пирса здравый смысл не был знанием, которое можно оценивать со стороны как истинное или ложное [1]. Здравый смысл для него был набором верований, которые мы можем лишь принимать или не принимать. Методом же отбора верования служит сомнение. Если я могу сомневаться в своих верованиях, то стоит их пересмотреть, иначе мы просто убеждаемся в их несомненности. Тем не менее, попперовский подход не лишен оснований. Критикуя наивную версию здравого смысла Т. Рида, К. Поппер анализирует понятия «несомненности». Он справедливо замечает, что не существует абсолютной несомненности:

«Держа руки в карманах, я совершенно «уверен», что у меня пять пальцев на каждой из рук, но если жизнь моего лучшего друга зависела бы от истинности этого высказывания, я мог бы (и думаю, что сделал бы это) вынуть руки из карманов, чтобы «вдвойне» убедиться, что у меня каким-то чудом не пропал один из пальцев.» [17, с.83].

А раз не существует абсолютной несомненности, то наука просто не может рассматривать здравый смысл как набор несомненных верований. Здравый смысл таким образом является обыденным представлением о мире, которое наука должна преодолеть или изменить. К. Поппер рассматривает здравый смысл лишь как опору для науки, но характерной чертой для него является особый научный метод т.н. фальсификационизм — идея о том, что научная теория является научной если имеет способ, благодаря которому эта теория может быть опровергнута.

Сьюзан Хаак — явный реципиент идей Ч. Пирса, будет защищать критический здравый смысл, аргументируя это тем, что сам метод фальсификации не применим к самому себе, иначе говоря, он не является сам научной теорией [2, с.49-53]. У науки нет какого-либо привилегированного метода, все методы которые использует наука, существуют не только в ее пределах. Именно, поэтому справедлива цитата А. Эйнштейна:

«Суть науки не более чем в совершенствовании повседневного мышления [перевод — С. К.]» [2, с.47].

Однако С. Хаак, почему-то упускает важность посылок, на которой выстраивается метод К. Поппера. Для К. Поппера важна не только наука, но и личность. Личность ученого для него была важна даже больше, чем собственно наука, что наблюдается в его книге «Открытое общество и его враги». К. Поппер искал нечто, что могло бы одновременно обосновать объективность наук и романтизировать ученого, придать его деятельности некоего оттенка творчества.

Заключение

Проследив развитие концепта здравого смысла, можно выделить 2 проблемы, которые мешают достичь консенсуса:

1. Взаимосвязь здравого смысла и объективности.
2. Взаимосвязь здравого смысла и человеческой повседневности.

Решая проблему (1), правые прагматисты (Пирс, Хаак) забывают про проблему (2). Левые же (Джеймс, Дьюи, Рорти) наоборот. Отличными от них являются К. Поппер и Х. Патнэм. И тот и другой пытались решить обе проблемы, но натолкнулись на противоречия. Попперовская объективность оказывается не такой уж объективной, а патнэмовские идеалы, не таким уж идеальными. В итоге возникает вопрос: что делать?

Чтобы решить эту проблему автор данной работы предлагает несколько шагов.

Во-первых, это критика витгенштейнианской предпосылки Р. Рорти, будто между языком и ощущением нет никакого посредника; будто бы употребление языка есть причина наличия у нас понятий об ощущениях. Дж. Серл справедливо замечает общую проблему для всей ранней аналитической философии, а именно проблему происхождения языка. По мнению философа его предшественники принимали язык как данность, не замечая тот факт, что язык, как и человек имеет естественное происхождение (Searle). Язык сроднен с человеком, а это значит, что те вещи, которые он выражает не находятся в подчинительной связи с ним. Цвета и краски мира не конструируются языком. Они им лишь выделяются просто благодаря тому, что в языке мы оформляем их дискретным образом, в то время как в природе они непрерывны. В природе действительно нет красного как красного, но есть красные краски мира, на которые мы обращаем внимание. Тоже самое и с ощущениями. Иначе говоря, между языком и ощущением посредник все-таки есть и им является до-лингвистическая интенция. Принимая данное положение, мы с необходимостью должны отказаться от той идеи, что истина — это языковая игра.

Во-вторых, нужно также отбросить предрассудок правых прагматистов о том, что сам здравый-смысл можно вскрыть и изменить рациональным методом. Откуда тогда возник сам рациональный метод и рациональность? Левые верно замечают, что здравый смысл как-то связан с человеческим общежитием.

В-третьих, мы должны примерить реалистические и анти-реалистические тезисы двух лагерей. Это достигается введением понятия об ультрареальности. Действительно, субъективность и объективность в продолжительной части времени слиты в единое. Наша реальность

таким образом конструируема, но это не значит, что под ней ничего нет. Как тогда объяснить взаимодействие между различными народами, в частности между аборигенами и открывателями?

Взаимодействуя друг с другом, мы некоторым образом разрываем тесную взаимосвязь субъективности и объективности. Р. Рорти был прав, говоря, что у нас нет нейтрального словаря (vocabulary) для взаимодействия. Мы не можем общаться с аборигенами на общем языке. Однако, отклоняя витгенштенианские предпосылки, мы прекрасно понимаем, что нас обоих связывает (chaining) что-то общее. Абориген также как и я умирает; абориген также как и я ест, передвигается и имеет собственные намерения и желания. Отличным образом это раскрывается на примере мирного договора и военных действий. Чтобы заключить мирный договор между воюющими сторонами, мы с необходимостью должны найти общую

почву, коей по мнению автора данной работы, является ужас собственных действий. Ужасы войны приоткрывают занавес нашей реальности.

Таким образом, объективность не существует как знание, но как схватывание единства вещей и своего собственного существования. Пытаясь формализовать этот здравый смысл, мы так или иначе натываемся на ошибки в лице познавательной пропасти. Поэтому правы были Ч. Пирс и К. Поппер, утверждая принцип фаллибилизма, но ошибались в том, что истина всегда однобока.

Автор предлагает рассматривать истину как куб, все стороны которого невозможно видеть одновременно с одного лишь ракурса, однако здравый смысл позволяет нам быть уверенным в том, что этих сторон больше чем всегда видится, и что перед нами действительно куб, а не квадрат или что-то еще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Haack, S., & Kolenda, K. (1977). Two Fallibilists in Search of the Truth. *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*, 51, 63–104. <http://www.jstor.org/stable/4106816>
2. Haack, Susan, Just Say 'No' to Logical Negativism (April 2016). in Karl Raimund
3. Hernández, N. 2017. "Consequences of Rorty's Pragmatism in Science." *European Journal of Pragmatism and American Philosophy*, no. IX: 2. doi:10.4000/ejap.1074
4. Johansen, T.K. (2009). Aristotle on the Common Sense, by Pavel Gregoric. *Mind*, 118(472), 1138–1141. doi:10.1093/mind/fzp120
5. Niiniluoto, I. (1984). Notes on Popper as follower of Whewell and Peirce. In *Is Science Progressive?* (pp. 18–60). Springer, Dordrecht.
6. Pihlström, S. (2004). Putnam and Rorty on their pragmatist heritage: Re-reading James and Dewey. In *Dewey: Modernism, Postmodernism, and Beyond* (pp. 5–39). Routledge
7. Putnam, Hilary. (1975). *The Meaning of «Meaning»*. University of Minnesota Press, Minneapolis. Retrieved from the University of Minnesota Digital Conservancy
8. Searle, J. R. (2008). What is language: some preliminary remarks (pp. 7–38). De Gruyter Mouton.
9. Витгенштейн Л. *Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы*. Ч.1. М., 1994
10. Джохадзе Игорь Давидович (2018). «прагматизм как образ жизни»: Хилари Патнэм и Рут Анна Патнэм о философском наследии Джеймса и Дьюи. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (44), 269–277.
11. Драгалина-Черная. Е. . (2020). Цвета в логическом пространстве Людвига Витгенштейна. *Вопросы философии*, (6), 146–156. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-146-156>
12. Кант И. *Соч. В 6 томах*. М., 1966. Т.6.
13. Пирс Ч. *Начала прагматизма / Перевод с английского В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина, послесловие Сухачева В.Ю.* — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. Т.1 — 318 с.
14. Пирс Ч.П. *Начала прагматизма / Перевод с английского, предисловие В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина*, — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. Т.2. — 352 с.
15. Поппер, Карл Р. *Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия.* / Перевод с англ. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 256 с.
16. Поппер, Карл Р. *Объективное знание: Эволюционный подход.* Пер. с англ. / Отв. ред. В.Н. Садовский. Изд. 4-е. — М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2022. — 384 с.
17. Поппер Карл Р. *Все люди — философы: Как я понимаю философию; Иммануил Кант — философ Просвещения.* / Пер. с нем., вступи. статьи и примеч. И.З. Шишкова. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 56 с.
18. Рорти Р. *Философия и зеркало природы / пер. с англ. В.В. Целищева.* — М.: Канон+РООИ "Реабилитация", 2022. — 368 с., ил.
19. Томас Рид. *Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла.* Пер. с англ. Ю.Е. Милютин, лаборатория метафизических исследований при философском факультете СПбГУ, "АЛТЕЙЯ", Санкт-Петербург. 2000
20. У. Джеймс. *Прагматизм.* Шиповник, Санкт-Петербург. 1910.
21. Гагинский А.М. *О смысле бытия и значениях сущего: историко-философские разыскания // Философский журнал | Philosophy Journal.* 2016. Т. 9. № 3. С. 59–76.
22. Лошаков Руслан Анатольевич *Греческая онтология и схоластическая аналогия сущего // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grecheskaya-ontologiya-i-sholasticheskaya-analogiya-sushego> (дата обращения: 28.11.2021).

ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ПСИХАЛГИИ

Сиверцев Евгений Юрьевич

К.ф.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет
Emden1914@yandex.ru

PECULIARITIES OF MENTALITY AS ONE OF THE CAUSES OF PSYCHHALGIA

E. Sivertsev

Summary: The main objective of this article is to analyze the phenomenon of psychalgia (acute mental pain). Including philosophy data into the analysis of psychalgia makes it possible to reveal the causes of mental pain rooted in the peculiarities of the European mentality. A method of searching here is the comparative analysis where the European and the Buddhist-Taoist types of mentality are compared. The choice of the method is stipulated by statistical data: the level of psychalgia (which can be judged by the number of registered depression and suicide cases per a certain amount of population) in Europe is much higher than that in China. The ongoing comparison of the two types of mentalities reveals differences in the assessment of the spatial, temporal and social conditions of one's existence. The analysis of this difference, in its turn, leads to the identification of those features of the European mentality that affect the degree of psychalgia.

Keywords: psychalgia, mentality, finalism, teleologism, time.

Аннотация: Основной задачей статьи является анализ такого явления, как психалгия (острая психическая боль). Подключение к анализу психалгии философии показывает те причины душевной боли, которые коренятся в особенностях европейского менталитета. В качестве метода поиска применён сравнительный анализ: сравнивается менталитет европейский и менталитет буддийско-даосистский. Выбор метода объясняется статистическими данными: уровень психалгии (о нём можно судить по количеству зарегистрированных депрессий и самоубийств на определённое количество населения) в Европе значительно превышает аналогичные показатели в Китае. Проводимое сравнение двух менталитетов выявляет различия в оценке пространственно-временных и социальных условий своего существования. Анализ этого различия, в свою очередь, приводит к выявлению тех особенностей европейского менталитета, которые влияют на степень психалгии.

Ключевые слова: психалгия, менталитет, финализм, телеологизм, время.

Наша работа имеет целью философский анализ причин такого явления человеческой психики, которое обозначается термином «психалгия». Сам термин вводит американский психиатр, основатель научной суицидологии Эдвин Шнейдман (1918 — 2009). Психалгия по его мнению - «невыносимая, нестерпимая душевная боль, без какого-либо проблеска надежды на облегчение или возможную помощь...» [23, с.23]. В более современных версиях психалгия понимается как психическое явление, для которого характерны «длительность, скрытность, оттенок определения безнадежности, оттенок безвозвратности потерь, оттенок победы психоагрессивного проникновения и психотравмирующей реальности над внутренним миром человека» [6, с.508]. Психалгия создаёт у человека дискомфорт, сравнимый с тяжёлой физической болью.

Приступая к поиску причин психалгии, обратим внимание на следующее обстоятельство: как правило, когда речь идёт о психалгии и её причинах, данное явление не всегда отличают от того, что обозначается термином «депрессия». Потому мы можем обращаться как к источникам, в которых речь идёт о собственно психалгии, так и к источникам, обсуждающим депрессию.

Психалгии (равно как и депрессии) обычно делят на

два больших класса: эндогенные и реактивные. Эндогенные – это психалгии, вызванные внутренними телесными патологиями, имеющими возможность негативно действовать на настроение человека. Реактивные вызваны внешними жизненными явлениями, приводящими психику человека в болезненное состояние [14, с.5].

Работа с эндогенными психалгиями — это дело специалистов: медиков и психиатров, философский же анализ может сосредоточиться только на реактивных психалгиях.

В качестве причин реактивной психалгии обычно называются следующие факторы. Первый – фрустрация «трех основных мета-потребностей: в безопасности, привязанности (принадлежности) и достижении.» [10, с.108]. Второй фактор – чувство враждебности мира, чувство недостигаемости мною того мира, в котором живу «я начинаю чувствовать, что мир, в котором живу, – “не мой мир”, я не родился в нем и для него, он не создан для меня, и в нем нет подходящего места для человека с моим внутренним миром и опытом» [27, р. 228]. Сюда же можно добавить «отсутствие “социальной приспособленности” (поведение, редко встречающее положительное подкрепление со стороны окружающих)» [26, р.82] Третий фактор является следствием первых двух:

чувство утраты смысла жизни, чувство отсутствия цели, которой хочется добиваться. Преобладающим становится «... чувство безразличия, безысходности» [13, с.562]. «Настоящее и будущее видится мрачным и безысходным» [17, с.9].

Как представляется, современная литература, исследующая реактивную психалгию, имеет следующие особенности. Первая: исследование останавливается на уровне феноменов – т.е. на уровне внешне видимых причин. Имплицируется, что знания этих причин вполне достаточно для констатации факта наличия у индивида психалгии и поисков путей избавления его от данного состояния. Вторая особенность: когда речь идёт о причинах психалгии, её «носителем» оказывается некий абстрактный, усреднённый человек вообще: никак не учитываются национальные, культурные, исторические и прочие особенности.

Преодоление поверхностности и усреднённости вышеуказанных причин психалгии видится на пути обобщения и сравнительного анализа.

Обобщение показывает, что за эксплицируемыми феноменами (обстоятельствами, вызывающими психалгию) лежит внутреннее чувство личного и социального времени, а также понимание своего места в течении событий. Откуда, например, переживание безысходности? События негативного характера разворачиваются в постоянно расширяющемся «сейчас» и оцениваются как негативные. Почему негативные? Потому что будущее наполняется позитивным содержанием и тут же возникает противоречивое к нему отношение: с одной стороны это будущее крайне желательно, с другой стороны его наступление крайне маловероятно (во всяком случае, очень далеко). Откуда переживание враждебности мира? Мир существует, все события в нём происходят ради чего-то внешнего мне, мир ко мне равнодушен, но при этом я уверен, что есть в этом мире многое, что мир ценит, на что направлено его существование.

Сравнительный анализ может нам показать, от каких особенностей человека зависит склонность его к психалгии, от чего зависит степень её остроты.

Со сравнительного анализа и начнём. Занимаясь им, мы помним, что в литературе часто не проводится различия между психалгией и депрессией.

Статистические данные показывают следующее: количество зафиксированных случаев депрессии распространяется по различным регионам мира весьма неравномерно. Рассмотрим этот вопрос более конкретно, но вначале определимся с понятием «регион мира». Для историко-географической дифференциации регионов мира принято пользоваться терминами «культура» или

«цивилизация» (синонимами эти понятия не являются, но для нас их различие сейчас не имеет значения). Вариантов выделения цивилизаций существует много [См.: 1; 25; 18; 15], но сходства в них гораздо больше, чем различий. Например, наряду с другими обязательно выделяется европейская цивилизация, а также цивилизация китайская (используемые названия могут различаться, но суть не меняется).

Что говорит статистика о депрессии в современной Европе и в современном Китае? Некоторое время назад американский журнал *VMC Medicine* провёл исследование, которое дало следующие результаты. В странах Европы и Северной Америки симптомы Большого депрессивного расстройства (БДР) наблюдаются у 28% населения. Самыми депрессивными странами оказались: Франция (32%), Голландия (33%), США (30%). А вот менее всего к депрессии склонны граждане КНР (12%) [28]. Примерно такую же картину даёт статистика самоубийств. Например, в 2020 году во Франции было совершено 18 суицидов на 100000 населения, в Швейцарии – 17 случаев, в Финляндии – 16, а вот в Китае всего 8.

Если мы исходим из предположения, что в физическом, а также фундаментально-психическом плане все люди одинаковы, то вопрос о различии уровня психалгии в цивилизации европейской и цивилизации китайской приобретает особую ценность: разобравшись в нём, мы сможем обнаружить глубинные причины относительно высокого уровня психалгии, свойственного европейскому миру. И здесь необходимо обратиться к философии. Причина проста: философия может эксплицировать всеобщие особенности мышления, сформированные не биологией, не анатомией, не физиологией, не особенностями биографии, а факторами, имеющими социально-культурное происхождение. Аккумулируются эти факторы в том, что в литературе получило название «менталитет». Главной составляющей менталитета является т.н. «фоновое знание». Фоновое знание – это «Вся совокупность нашего так называемого знания или убеждений» [7, с.363], причём она «есть человеческая конструкция, которая соприкасается с опытом только по краям.» [Там же]

Фоновое знание европейского менталитета сформировано классической греческой мыслью и связанным с ней христианством. Менталитет китайский сформирован буддизмом (и сегодня буддистами там являются 244 миллиона человек, или 18,2% от общей численности населения) а также даосизмом. Потому китайский менталитет мы можем обозначить термином «буддийско-даосистский менталитет».

Складываться этот менталитет начал очень давно: «Формирование даосско-буддийского культа началось при королевском дворе в эпоху Поздняя Хань (X век н.э.

– Е.С.)... Примерно в это же время наблюдается превращение буддийских тем в часть китайского религиозного учения ...» [21, с.66]. И современная культура Китая «сохраняющая тенденции традиционализма, является рефлексией духовной культуры общества, исторически доминирующее основание которой составляет даосизм.» [9, с.199]

Различий между европейским и буддийско-даосистским менталитетом существует множество, но если предметом исследования является психалгия, мы должны обратить внимание на те факторы, о которых говорили выше. Это значит, мы должны прояснить: что активизирует или наоборот - снижает душевную боль. Чем определяется понимание человеком своего места в течение событий (событий своей жизни, социума), чем определяются способы ожидания человеком будущего и как будущее наполняется конкретным содержанием.

Когда речь идёт о европейском менталитете, понимание своего места в потоке событий и наполнение будущего содержанием можно охарактеризовать двумя особенностями: финализм и телеологизм.

Финализм – это такой взгляд на мир, который полагает, что все без исключения процессы, идущие в мире будут когда-либо закончены и в таком виде, в каком они шли, более никогда не повторятся. Также финализм можно определить как «представление о необратимом, окончательном прекращении существования данного типа или формы материального бытия» [3, с.22; 24, с.54].

Говоря о финализме как особенности европейского миропонимания, можно выделить следующие его виды.

Первый – финализм онтологический (или физический). Всё физическое, что мы можем помыслить, имеет временные рамки – т. е. имеет начало и конец. Вселенная рождена либо актом творения высшего существа, либо в результате «Большого взрыва» и обречена на исчезновение: либо Бог её уничтожит, либо тепловая смерть. Планета Земля исчезнет раньше Вселенной – она приблизится на критически близкое расстояние к Солнцу и сгорит. Ещё раньше исчезнет человечество – оно либо истребит себя сверхсильным оружием, либо истощит источники энергии, либо вымрет в результате эпидемии страшной болезни.

Второй вид финализма – финализм гносеологический. Его суть в идее достижения человечеством полного и исчерпывающего знания о сущем, о мире, в котором мы живём. Т.е. предполагается, что в недалёком будущем научное сообщество будет знать об этом мире абсолютно всё: «Если фундаментальная природа реальности действительно математическая, то в принципе всё познаваемо и мы ограничены лишь собственным вооб-

ражением.» [16, с. 303].

Третий вид финализма – финализм социальный. «Социальный финализм – это достижение определённого конечного уровня развития социума, согласно поставленным целям» [12, с.20] Стержнем социального финализма является идея построения такого человеческого общества, при котором все люди (или абсолютное их большинство) будут счастливы настолько, насколько позволяет их физическая природа. Это может быть достигнуто либо на земле — интенсивными усилиями самих мыслящих и действующих людей, либо вне физической земли, в каком-либо пространстве, созданном Абсолютным существом.

Четвёртый вид финализма можно назвать финализм антропологический. Большинство из людей пребывают в убеждении, что путём применения некоторых усилий (интеллектуальных, физических, волевых) они достигнут какого-либо состояния, при котором жизнь будет предельно комфортной и из которого больше не надо будет никуда стремиться.

Теперь к телеологизму. Греческое слово «τέλειος» буквально означает «заключительный», в современном понимании чаще переводится термином «цель». Соответственно, телеологизм – это мнение о том, что всё в этом мире имеет некую цель. Телеологизм можно разделить на два вида – гносеологический и активационный.

Гносеологический телеологизм – рассмотрение как всего сущего, так и отдельных его фрагментов (равно как и процессов, во всём этом идущих) в качестве феноменов, имеющих некую цель. Активационный телеологизм – рассмотрение индивидуальным человеком или группой людей (от семейной пары до целой цивилизации) своей деятельности как направленной на достижение определённой цели.

Легко заметить, что в европейском менталитете финализм и телеологизм неразрывно связаны друг с другом. Цель не может не быть финальной, представление о финале не может быть бессодержательным – содержание этого представления и есть цель. И ещё: цель и финал – с точки зрения европейского менталитета – достигаются путём *активных* действий, собственных волевых усилий.

Каково влияние финализма и телеологизма на степень психалгии? Для ответа на этот вопрос перейдём ко второй части нашего исследования – сравнительному анализу. Познакомимся с некоторыми особенностями буддийско-даосистского менталитета.

Как носитель буддийско-даосистского менталитета понимает своё место в течении событий и каковы спо-

события ожидания будущего? Он ориентируется на такие феномены, как карма и дао.

В «Философском энциклопедическом словаре» карма определяется как «сумма добрых и злых деяний жизни, которая на основе присущей ей автоматически действующей и закономерной причинности создаёт предпосылки для нового, последующего существования определённой судьбы» [22, с. 200]. Карма динамична, она являет собой «вселенский причинно-следственный закон, согласно которому праведные или греховные действия человека определяют его судьбу, испытываемые им страдания или наслаждения.» [2, с.156]. Обратим внимание на два важных обстоятельства. Первое обстоятельство: карма дифференцирована и монотонна одновременно. Дифференцирована в том смысле, что в ней постоянно возникают некие события, некие конечные множества эпизодов, связанных причинно-следственными отношениями, а монотонна в том смысле, что осуществление данных причинно-следственных связей обязательно присуще всем событиям, является единым для них для всех и в принципе не удаляемым свойством.

Второе обстоятельство: из под влияния кармы нельзя выйти: «Карма не ограничена временем и пространством...» [11, с.208] Вернее, выйти можно, но это удел немногих, и обычный человек на такой выход едва ли может надеяться. [См.: 19, с.27 - 28]

Следующей категорией, которую мы упомянули в связи с буддийско-даосистским менталитетом, было дао. Вводится эта категория в труде «Дао дэ цзин», автором которого считается Лао Цзы (VI – V вв. до н.э.). Лао Цзы определяет его как «мать всех вещей» [8, с.2] или как то, «... что движет вещами» [Там же, с.18]. Выражаясь современным языком, мы можем определить дао как «всеобщий мировой закон.» [4, с.51]. В чём особенности этого «закона», чем дао отличается от привычного европейцам закона природы? Первое отличие: если европейский закон обязательно познаётся и эксплицируется в системе символов (формула, описание последовательности и т.п.), а потом ещё и используется в практике, то дао не может и не должно быть ни познано, ни эксплицировано, ни использовано. Оно «не есть извечное Слово.» [8, с.2], «путь его загадочен и непостижим» [с.18]. Второе отличие: дао лишено какой-либо силы, энергии, способности воздействовать на что-либо: «Дао постоянно пребывает в недеянии» [4, с.51]. Это бессилие диалектично: отступая перед любой активностью, оно позволяет как всему сущему так и каждой части его раскрываться во всей полноте своего ноуменального содержания: «нет ничего, чего бы оно не делало» [Там же, с.51], дао позволяет всем элементам сущего приходить в гармоничное соответствие друг с другом. Т.е. бессилие есть величайшая сила – оно созидает мир в присущей ему гармонии. Из этого следует главная рекомендация

для поведения человека – подчинение своей жизни принципу «у вэй». «У вэй» – это отнюдь не бездельничание. Главная идея «у вэй»: «непротиводействие природе окружающих вещей и существ, а в конечном счете – и всего сущего.» [20, с.179.]. Непротиводействие – в данном случае – непротиводействие всякому воздействию, направляющемуся к человеку из внешнего мира. И оно – как и дао в целом – диалектично: нежелательно противодействовать тому, что причиняет боль, но также нежелательно противодействовать своему желанию принять меры для снятия боли.

Как даосизм организует мировосприятие? В мире всё гармонично. Причём гармонично не в некоей части пространства, в которой мы пока не присутствуем, и не в том отрезке времени, который пока не наступил (или уже миновал). Мир не нуждается ни в какой корректировке, не нуждается ни в каком совершенствовании. Человечество вообще и каждый человек в отдельности тоже не нуждаются в совершенствовании. Миру и человеку противопоказаны какие-либо усилия.

Нельзя не упомянуть возможное возражение: китайский менталитет всё же ближе к мысли Конфуция, нежели к мысли Лао Цзы. Проще всего было бы заявить, что Конфуций просто приспособил уже готовый даосизм к нуждам современного ему государства. Но историография пока не может сказать, что было создано раньше: «Дао Дэ Цзин» Лао Цзы или «Лунь Юй» («Беседы и суждения») Конфуция. С уверенностью эти произведения можно отнести к весьма длительному периоду: IV – III вв. до н.э. Не претендуя на решение вопроса о том, что создано раньше, и повлияло ли более раннее на более позднее, предположим лишь, что и даосизм, и конфуцианство суть проявления единого способа мироосмысления, сформировавшегося в Китае за несколько веков до наступления новой эры.

В центре этого мироосмысления – независимое от человека, неподвластное ему, но позволяющее познание себя и требующее приспособления к себе течение событий. У Конфуция это течение воплощается в образе Неба: «Небо – это высшая власть, воле Неба нельзя противиться.» [4, с.68]. Главный способ подчинения воле Неба – исполнение ритуала: «Использование ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию. ... Если в почтении [человек] близок к ритуалу, его не следует позорить.» [5, с.10]. Можно ли считать Небо аналогом дао? Нельзя, ибо Конфуций знает данную категорию, упоминает её, но считает менее значимым, нежели Небо: «Когда в государстве царит Дао-Путь, то он небесполезен. Когда государство утратит Дао-Путь, то он не подвергнется наказанию» [Там же]. Если строго следовать тексту Конфуция, то дао – нечто вроде уточнения воли Неба. Небо, разумеется, выше дао. Но мы имеем полное право пред-

положить, что формирование представления о всеобщей, всенаправляющей закономерности (силе), а также формирование представления о дао и о Небе – единый процесс, где всё взаимосвязано. В ходе осуществления этого процесса возникает относительно абстрактная категория – дао и более конкретная категория – Небо. Как соотносятся Небо и дао? Наверное, можно сказать, что Небо – это тоже дао, только конкретизированное и телеологизированное.

Можно ли говорить о каких-либо существенных отличиях кармы и дао? Очевидно, карма предполагает несколько более высокую степень активности субъекта, нежели дао: ориентирующийся на карму должен сам выбрать правильную модель поведения и потом сам действовать в соответствии с ней. Ориентирующийся на дао понимает, что главное – следование уже готовым схемам, выполнение уже существующих ритуалов, почтение к тем персонам, которых чтит общество.

А вот сходных черт кармы и дао гораздо больше. Например, если вести речь о времени, можно предположить, что обозреваемый отрезок очень короток. Всё, что должно наступить, присутствует сейчас. Присутствует либо в виде физически совершающегося, либо в виде очень реалистичного представления, вызывающего примерно те же чувственные образы и эмоциональные переживания, что и совершающееся физически. Весьма невелика оценка роли жизненных усилий. Усилий, которые имеют целью что-либо серьёзно изменить. Если изменение «запрограммировано» (кармой или дао), оно неизбежно произойдёт, если не «запрограммировано» - его никогда не будет, человек же здесь ни на что принципиально повлиять не может. Соответствует этому и ценность результатов усилия – она весьма невелика: результата достигает не сам человек, а естественный ход вещей.

Сравним европейский и буддийско-даосистский менталитеты в контексте влияния на степень психалгии.

Как было замечено, степень психалгии во многом зависит от понимания человеком своего места в течение событий, от способов ожидания человеком будущего и от того содержания, которым будущее наполняется.

В Европе понимание своего места и осмысление будущего характеризуются финализмом и телеологизмом. Цель и финал достигаются путём *активных* действий, осуществлением собственных волевых усилий. Собственная активность, собственной волей вызванные и ею же произведённые действия преобладают над объективностью. И ещё: всякое действие в жизненно важных обстоятельствах *оценивается*. Оценивается как доведённое до финала или *не* доведённое до финала. Если оценивается как доведённое до финала, то наступает

второй этап оценки – действие оценивается как соответствующее цели или *не* соответствующее ей. Низкая оценка первого, второго или обоих вместе ведёт к негативизации настроения.

В буддийско-даосистском менталитете финализм и телеологизм отсутствуют. Отсутствуют все четыре вида финализма: физическая материя не исчезнет никогда; полного, исчерпывающего знания сущего человек никогда не достигнет; более справедливое (тем более, «абсолютно справедливое») общество в этом мире никогда построено не будет – высшая справедливость, какая только может быть достигнута, уже существует; жизнь одного человека тоже никогда не станет принципиально лучше на долгие времена: любое улучшение временно, проходящее, за ним неизбежно последует ухудшение. Даже смерть не освобождает от тяжести бытия.

Отсутствие финализма и телеологизма ведёт и к отсутствию необходимости предпринимать какие-либо серьёзные усилия в своей жизни, а главное – исключают *оценку* их результатов. Человек мало чего ждёт, мало на что надеется, мало что оценивает и полагает количественные и качественные границы своего существования естественными, соответствующими природе вещей.

Выше было замечено: одним из главных факторов, вызывающих психалгию, является чувство утраты смысла жизни, чувство отсутствия цели, которой хочется добиваться. У европейского человека в менталитете присутствуют предпосылки для появления этого чувства. Менталитет европейца настроен на далёкий и пока отсутствующий смысл, на цель, требующую усилий, готов к острому переживанию отсутствия перспектив обретения смысла и достижения целей.

Общий вывод из всего сказанного может быть таков: основными особенностями европейского менталитета (европейского фонового знания), влияющими на степень психалгии, являются такие его черты, как финализм и телеологизм. Именно они задают концепт отсутствующего сейчас будущего и концепт внешнего мне мира с его обязательными требованиями, именно они порождают необходимость *оценки* будущего и *оценки* мира – а такая оценка может быть весьма низкой, что существенно повышает степень риска психалгии. Основными особенностями буддийско-даосистского менталитета, влияющими на степень психалгии, является низкая степень готовности к серьёзным жизненным усилиям, приятие всего происходящего как того, что соответствует естественному ходу вещей и моим действиям, как того, что не требует никакого изменения. Ни что в мире не нуждается в *оценке*. Отсутствие оценки не устраняет опасность психалгии, но может способствовать снижению её остроты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Родина, 2021. 592 с.
2. Ивентьев С.И. Карма как духовно-нравственный и социальный регулятор человеческих отношений // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. Новосибирск: ООО Центр развития научного сотрудничества, 2015. №4. С.154 – 158
3. Ильичев П.И. Идея финализма в социальной философии // Тенденции развития науки и образования. Самара: НИЦ «Л-Журнал», 2019. №55, Часть 6. С. 21 - 24
4. История китайской философии. Перевод с китайского В.С.Таскина – М.: Прогресс, 1989. 552 с.
5. Конфуций. Суждения и беседы. М.: Рипол Классик, 2017. 360 с.
6. Коробицина М.Б. Психология преодоления душевной боли у детей и взрослых // Вісник ОНУ імені І.І.Мечникова. Психологія. 2012. Т.17, Вип 8(20). С.506 – 513.
7. Куайн Уиллард Ван Орман. Слово и объект. М.: Логос, Праксис. 2000. 386 с.
8. Лао-Цзы Дао Дэ Цзин. М.: АСТ, 2019. 160 с,
9. Лебедев Н.С. Дао и современность // Известия Уральского федерального университета. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н.Ельцина. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Том 23, № 3 (165). С. 197 – 203.
10. Моховиков А.Н. Психическая боль: природа, диагностика и принципы гештальттерапии // Московский психотерапевтический журнал. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2003. №4. С.104 – 127.
11. Надеева К.А. Буддийское понятие «карма» и категория «судьба» в культуре калмыков // STUDIA CULTURAE. СПб.: Редакция журнала Studia Culture, 2013. №18. С.203 – 214.
12. Привалова М.В. Две религиозные концепции социального финализма: экзистенциальная (Н.А. Бердяев) и космическая (Н.Ф. Фёдоров) // Гуманитарный вектор. Проблемы истории философии. Чита: Забайкальский государственный университет, 2015. № 2 (42). С.18 – 23
13. Руководство по психиатрии. В 2 томах. Т. 1. / А.С. Тиганов, А.В. Снежневский, Д.Д. Орловская и др.; Под ред. А.С. Тиганова. М.: Медицина, 1999. 712 с.
14. Смулевич А.Б. Реактивные (психогенные) депрессии // Психиатрия и психофармакотерапия. М.: 2013. Т.15. №4. С.4 – 11
15. Сухонос С.И. Эстафета цивилизаций. М.: RUGRAM, 2020. 644с.
16. Тегмарк М. Наша математическая Вселенная. В поисках фундаментальной природы реальности. М.: «Corpus (ACT)», 2014. 310 с.
17. Тиганов А.С. Аффективные расстройства и синдромообразование // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. М.: ООО «Издательство Медиа Сфера», 1999. Т. 99. С. 8-10.
18. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Академический проект, 2019. 802с.
19. Торчинов Е.А. Введение в буддизм. СПб.: Азбука-Классика, 2017. 352с.
20. Торчинов Е.А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин». СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2004. 256 с.
21. Урбанаева И.С. Становление тибетской и китайской махаяны: в контексте проблемы аутентичного буддизма. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2014, 364 с.
22. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. 570 с.
23. Шнейдман Эдвин С. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315с.
24. Шохин В.К. Античное понятие культуры и протокультурфилософия: специфика и компаративные параллели //Вопросы философии. М.: Институт философии РАН, 2011. № 3. с.51- 62.
25. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Юрайт, 2021. 238с.
26. Lewinsohn P., Shaffer M. J. Consult Clin Psychol 1971; 37:81-84.
27. Wheeler G. Beyond Individualism. Toward a New Understanding of Self, Relationship and Experience. Hillsdale, NJ: The Analytic Press, 2000. p 228
28. Депрессивные, зато богатые. Статистика неумолима: чем лучше живёт народ, тем он печальнее.//Электрон. дан. Режим доступа URL: https://www.gazeta.ru/science/2011/07/27_a_3713181.shtml (дата обращения 11.10.2021).

© Сиверцев Евгений Юрьевич (Emden1914@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА: МАРКСИСТСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИИ

ON THE PROBLEM OF THE FORMATION OF SOCIAL PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY: A MARXIST RECONSTRUCTION OF HISTORY

**L. Smetankina
A. Ryabov**

Summary: The article is devoted to the problem of the specifics of the reconstruction of history in the social philosophy of Marxism, both at the stage of Karl Marx's search for evidence of the incorrectness of the speculative method in the structure of Hegel's «Philosophy of Law» in relation to the specifics of social relations, and in the perspective of incorporating historical facts into the system of ideas about inequality in the social structure ... Marx in «To the Critique of Hegel's Philosophy of Law» criticizes the very method of synthesis of contradictions of equal quality, while one of the sides of the contradiction is objective, and is not «removed», but deepens with the help of genetic analysis. So, to prove the historical reasons for the alienation of civil rights, Marx reveals the relationship between forms of property and political institutions, the facts of the dependence of the forms of social structure on the economic structure, systematizing them in the «Kreuznach notebooks», which are historical studies with final generalizations of a philosophical nature. Historical research alternates in the «Kreutznach notebooks» with criticism of the contradictions of Rousseau's concept. The categorical apparatus of history reconstruction is also changing. In the course of his work with historical works, Marx eventually turns to the study of the structure of civil society, rejecting the idea of a social contract.

Keywords: method, socio-philosophical system, social values, social relations, historical process.

Сметанкина Людмила Васильевна

д.ф.н., ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина
Краснознаменная академия связи
имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного»
Министерства обороны Российской Федерации
lsmetankina.umo@mail.ru

Рябов Александр Вячеславович

К.культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский университет Государственной
противопожарной службы Министерства Российской
Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий»
ryboff@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме специфики реконструкции истории в социальной философии марксизма, как на стадии поиска К. Марксом доказательств некорректности спекулятивного метода в структуре «Философии права» Гегеля применительно к специфике общественных отношений, так и в перспективе инкорпорирования исторических фактов в систему представлений о неравенстве в социальной структуре. Маркса в «К критике Гегелевской философии права» подвергает критике сам метод синтеза равнокачественных противоречий, тогда как одна из сторон противоречия является предметной, и не «снимается», а углубляется с помощью генетического анализа. Так, для доказательства исторических причин отчуждения гражданских прав Маркс выявляет отношения форм собственности и политических институтов, факты зависимости форм общественного устройства от экономической структуры, систематизируя их в «Крейцнахских тетрадах», которые представляют собой исторические исследования с итоговыми обобщениями философского характера. Исторические исследования чередуются в «Крейцнахских тетрадах» с критикой противоречий концепции Руссо. Изменяется и категориальный аппарат реконструкции истории. В ходе работы с историческими произведениями Маркс, в итоге, переходит к изучению структуры гражданского общества, отвергая идею общественного договора.

Ключевые слова: метод, социально-философская система, социальные ценности, общественные отношения, исторический процесс.

На первый взгляд, домарксистское гуманитарное знание кристаллизовалось в границах современных ему идеологических концепций, в которых имплицитно присутствовала идея разумности государства. Фактически же эмпирической базой гуманитарного знания являлись исторические концепции. Понятие «исторический факт» подразумевало как предшествующие его установлению необходимые элементы процедуры отбора событий с точки зрения их реальной социальной значимости, так и некую предшествующую установлению факта модель развития данного социального явления, которое должно было стать ее элементом.

Историк с неизбежностью совершал операцию системной оценки социального феномена, превращаемого им в факт. С другой стороны, задавая меру социально значимого, историк тем самым задавал масштаб социального времени в границах его концепции. К тому же историческое исследование – это и процедура сопоставления модели исторического прогресса, принятой историком за рабочую в данном конкретном случае, с другими, устанавливаемыми в других сферах гуманитарного знания.

Например, в работе «История Флоренции», изучавшегося К. Марксом Никколо Макиавелли, историографы

выделяют особо концепцию оценки исторических фактов, в частности, мысль о связи явлений внутренней и внешней политики, тезис о невозможности для субъекта истории предвидеть последствия своей деятельности, трактовку истории как естественного процесса [1, с. 59].

История, таким образом, как раздел гуманитарного знания, ни в коей мере не являлась, как это пытался представить, например, Л. Ранке, описательной, собирающей, фактофиксирующей дисциплиной, а выступала в ранге науки о человеке в его мире, создавая концепцию мира и человека. Эта особенность исторического знания – структурировать актуальную бесконечность фактов – являлась важнейшим признаком, по которому оно включалось в философское в качестве его необходимого элемента.

В домарксистской историографии по мере ее становления обнаруживались и укреплялись две тенденции: 1) отделение ценностного аспекта исторического исследования как специфического признака гуманитарного знания в отличие от естественнонаучного (Г. Риккерт); 2) тенденция формализовать гуманитарное знание, постулируя тождественность его методике логике естественнонаучного метода (О. Конт, К. Поппер, К. Гемпель).

Обе эти тенденции были своеобразной реакцией на гегелевскую систематику. Марксизм же развивался как раз из самого исторического знания. Генетический анализ – неотъемлемый аспект любого марксистского исследования. Поэтому социология, теория права, политэкономия – не рядоположенные, а системные элементы, имеющие одно и то же базовое основание – науку о человеке как в его общественных отношениях, так и в истории их становления до статуса элементов общественного целого.

Началом этого движения к интеграции элементов гуманитарного знания в единую позитивную науку о человеке можно считать критику Марксом спекулятивного метода Г. Гегеля в структуре «Философии права».

Основой для систематизации всей совокупности общественных явлений для Гегеля является замкнутое в логический круг описание моментов синтеза противоречий, субстратом которых служит вся культура. Принцип развития в философии Гегеля работает как центральный метод конструирования понятий, и чем больше в это формообразование втягивается реальная история и общественная жизнь, тем труднее этот метод применять, поскольку для фиксации специфики общественных отношений требуются другие понятия и другой метод их конструирования (специфическая логика специфического предмета).

Маркс формирует принцип развития, фиксируя про-

тиворечивость правовых отношений буржуазного общества и обращаясь к их генетическому анализу. Поэтому работу «К критике гегелевской философии права» можно считать развернутым процессом методологической реконструкции, в ходе которой обнаруживаются конструктивные элементы будущей системной связи марксистской науки об обществе. Начав критику философии права с доказательства методологической некорректности подведения всей совокупности знаний под схему синтеза равнокачественных противоречий в объединяющем, снимающем их определении, Маркс утверждает необходимость анализа связи противоречий существования. Одна из сторон противоречия является «предметной», поэтому противоречие не снимается в синтезе, а углубляется с помощью генетического анализа.

Однако доказательство некорректности спекулятивного метода должно быть выведено за пределы идеалистической системы. В самой работе это «выведение» осуществляется в ходе выявления содержания понятия «сословие гражданского общества». Маркс пишет про то, что Гегель институт майората конституирует необходимым элементом государственного устройства, выводя пэров и родовые имения из Абсолютной Идеи. На самом же деле гражданское общество, представляемое сословиями, и государство – разорваны, и разорванность эта имеет конкретные исторические объяснения.

После этого в рукописи появляется гораздо больше исторических аргументов, и практически каждый свой тезис Маркс подтверждает историческими примерами. Для подтверждения тезиса об историческом происхождении отчуждения политических прав граждан Маркс обращается к историческим источникам. В пяти тетрадах («Крейцнахские тетради») сосредоточены выписки из двадцати пяти работ историков различных школ, хронологически охватывающих двадцать пять столетий. Характер выписок, расположение материала, аппарат, составленный Марксом к тетрадам, свидетельствуют о работе по вторичной реконструкции истории по имеющимся в наличии историческим источникам. Предвосхитив многие открытия аналитиков истории, Маркс изменил традиционные представления, сводящие историографию к добросовестному изложению документальных источников. Идеал «научности», провозглашенный Л. Ранке в качестве цели исторического исследования, был повторением, только на другом уровне, гегелевского тезиса о разумности действительности.

Для Маркса описание истории есть одновременно и ее оценка с определенных социальных позиций. Историческое исследование есть схема связи социально значимого и одновременная проверка ее истинности. История не есть самостоятельный предмет, поскольку историческое объяснение – всегда фрагмент социально-философской концепции, определенная система соци-

альных ценностей (в данном случае система социальных ценностей «гражданина», не имеющего ни политических, ни гражданских прав).

Предметные указатели Маркса в «Крейцнахских тетрадах» позволяют выделить несколько групп проблем, разрешенных в ходе работы над историческими исследованиями. Прежде всего это рубрика «Собственность и ее следствия» из предметного указателя к I и II тетрадам. Маркс, используя работу К.Ф.Э. Людвига «История последних пятидесяти лет» и работу Ш. Лакретеля «История Франции после Реставрации», выявляет отношения форм собственности и политических институтов, факты зависимости форм общественного устройства от экономической структуры. Об этом свидетельствует и указатель ко второй тетради: «Собственность и ее следствия. Варфоломеевская ночь частной собственности. Конфискация имущества духовенства и преимущественное удовлетворение государственных кредиторов. Максимум и система террора. Взаимосвязь собственности с барством и холопством. Собственность как условие права голоса. Имущество и собственность» [2, с. 116].

О характере аналитической работы Маркса с историческим текстом можно судить по такому примеру: делается пространная выписка из работы Людвига с характеристикой мероприятий якобинцев по обобществлению собственности: ночь 4 августа «была переходом от такого порядка вещей, где все принадлежало отдельным лицам, к такому порядку, где все должно было принадлежать государству. Эта ночь изменила облик монархии. Она сделала всех французов равными; каждый мог достичь любых, самых высоких положений, приобрести собственность и заниматься ремеслом; эта ночь, наконец, была такой же важной революцией, как и восстание 14 июля, следствием которого она являлась. Она сделала народ хозяином в обществе, где он стал править, и подготовила новую конституцию, упразднив старую» [2, с. 85]. За этими строками следует замечание Маркса: «Это конфискация имущества духовенства, главным образом для того, чтобы избежать государственного банкротства, «чтобы удовлетворить государственных кредиторов», отсюда: «государственные бумаги с принудительным оборотом – ассигнации» (в этом – большое противоречие, благодаря тому, что, с одной стороны, частная собственность неприкосновенна, с другой – является частной собственностью, приносимой в жертву)» [2, с. 85].

Маркс переосмысливает связь исторических фактов, предложенных Людвигом. Во-первых, частная собственность не может быть просто устранена переворотом или юридическим актом. Во-вторых, любое, даже революционное правительство вынуждено вносить конституционные изменения, учитывая экономическую сторону общественных отношений. Частная собственность, таким образом, способна изменить ход революции и процесс

общественной перестройки. Весь текст «Крейцнахских тетрадей» – как бы ряд следующих одно за другим подобных аналитико-исторических исследований, заканчивающихся обобщениями социально-философского содержания.

Характерно, что выписки из исторических работ перемежаются выписками из социально-философских произведений, и таким образом, философский ряд доказательств непрерывно сравнивается с выводами исторического обобщения. Например, во второй тетради за выписками из Э. Людвига, П. Дарю, Ш. Дакретеля следуют подробные выписки из «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо, и далее, после выписок из Ж.Ж. Байеля и Г. Броугема – трактат Монтескье «О духе законов». В самом предметном указателе к первой и второй тетрадам эта связь исследований отношений собственности в ее исторических формах с критикой существующих социально-философских концепций общественного устройства просматривается в самом смещении предмета анализа с исследования собственности у Людвига к исследованию отношений права у Руссо (11-15 пункты в предметном указателе к I и II тетрадам).

Направление мысли Маркса проясняет, в частности, его работа с текстом работы Руссо «Общественный договор». Содержание выписанного текста свидетельствует о внимании Маркса к противоречиям в концепции Руссо, которые как раз и акцентируются выписками. Руссо утверждает, что самое естественное общество – это семья, и в то же время декларирует принцип общей воли как центральный принцип любой государственности: «Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого» [3, с. 472]. Из текста Руссо Марксом выписываются подробно все условия так называемого естественного права – права «теперешних королей» (замечание Маркса). «Общественное соглашение» уничтожает неравенство лишь формально. Здесь Марксом отмечается следующая фраза Руссо: «При дурных правлениях это равенство лишь кажущееся и обманчивое, оно служит лишь для того, чтобы бедняка удерживать в его нищете, а за богачом сохранить все то, что он присвоил» [3, с. 475]. Собственные аналитические выводы Маркса, сделанные на основании работы с первоисточниками, сопоставляются им на страницах «Крейцнахских тетрадей» с практикой анализа общественных отношений прусского государства и закрепляются анализом социально-философских систем французских просветителей.

В «Крейцнахских тетрадах» формируется взгляд Маркса на историю как на триединый процесс: развитие исторических форм владения в тесной связи их с развитием форм сословных привилегий и форм государствен-

ного управления. Результатом исторического развития является, во-первых, отделение государства от общественной жизни и уничтожение первичной исторической целостности индивида, который не участвует в буржуазном обществе ни в политической, ни в социальной жизни. Во-вторых, государство все в большей степени становится государством частной собственности.

Так исторические исследования Маркса подводят его к необходимости рассмотрения в дальнейшем различных форм отчуждения в буржуазном обществе. Это видно уже во второй части работы «К критике гегелевской философии права»: «Наше время, цивилизация, совершает ошибку... Оно отделяет от человека, – как нечто только внешнее, материальное, – его предметную сущность. Оно не считает содержание человека его истинной действительностью» [4, с. 313].

С формированием нового взгляда на историю изменяется и категориальный аппарат ее реконструкции. Маркс, цитируя, уточняет некоторые положения историков, схватывая действительный смысл исторического процесса. В частности, в тексте выписок из «Истории Франции» Хайнриха положения автора заостряются выявлением экономической сущности связей исторических фактов. Так, в «финансовых операциях» (Finanzoperationen) Маркс усматривает финансовые спекуляции (Finanzspeculationen), в сделках (Geschäfte) – реальную «власть, силу» (Gewalt).

Прерывая цитирование Ранке, Маркс делает очень ценное для понимания его исторической концепции замечание относительно диалектичности исторического процесса и его метафизического понимания в духе «политической теологии»: «При Людовике XVIII конституция /существовала/ милостью короля (октроированная хартия короля), при Луи-Филиппе – король милостью конституции (октроированная королевская власть). Вообще, мы можем заметить, что превращение субъекта в предикат, а предиката – в субъект, перестановка определяющего и определяемого, то и дело случались в последней революции. Но не только на революционной стороне. Король делает закон (старая монархия). Закон делает короля (новая монархия). Точно так же – с конституцией. То же – и реакционеры. Майорат есть закон государства. Государство желает закон майората. Поэтому, делая субъектом моменты государственной идеи, а ранее существовавшие государства (die alten Staatsexistenzen) – предикатом, между тем как в исторической действительности дело обстоит наоборот, идея государства была скорее предикатом его существования, он (Гегель) выражает лишь всеобщий характер эпохи, ее политическую теологию. Здесь происходит то же самое, что и с его философски-религиозным пантеизмом. Все формы неразумного (Unvernunft) становятся благодаря этому формами

разума (Vernunft). Однако в принципе здесь сделаны определяющими (Bestimmenden): в религии – разум, в государстве – идея государства (Staats-idee). Эта метафизика есть метафизическое выражение реакции, чей старый мир (есть) для нее истина нового мировоззрения (...der Reaction, der alten Welt als Wahrheit der neuen Weltanschauung...)» [2, с. 181].

Употребление термина «die alten Staatsexistenzen» в оригинале свидетельствует о том, что Маркс оборачивает гегелевский метод не абстрактно, а применительно к формирующимся представлениям об историческом процессе как реальности и способах его моделирования в границах философского метода, представлениям, согласно которым материалистическая критика не выбирает из двух свойств государства – одно, существенное, и не возводит его в ранг идеи государства, а выводит из реального государства его существенные характеристики (различие между таксономической категорией – идеей государства – и таксономическим объектом – реальным государством) [5].

Сопоставление Марксом действительной, исторической, и мнимой, извращенной диалектики, возведенной в ранг политической теологии, предваряет его будущую, более конкретную оценку идеологии как превращенной теологической формы действительной связи между государством в его правовых и политических формах и частной собственностью: «Ни одному из этих философов и в голову не приходило задать себе вопрос о связи немецкой философии с немецкой действительностью, о связи их критики с их собственной материальной средой» [6, с. 18].

С исследованием исторических форм частной собственности в тетрадах тесно связаны исследования условий возникновения классов и государственно-правовые проблемы. Маркс обращает внимание на иерархию слоев и классов, образующую род пирамиды, вершиной которой является король, выступающий первоначально как военачальник, вождь и высший сюзерен. Он же является первым земельным собственником рейха. Фундамент пирамиды – крепостные крестьяне с прослойкой независимых земельных собственников, которая при прогрессивном развитии укрепляется, и над этими классами возвышается дворянское сословие. Отмечаются также процессы самообразования городских коммун, как результат активности буржуазии. Из книг Дж. Лингардта по истории Англии выписываются места о возникновении городов и росте их мощи. В первой тетради из книги Хайнриха выписываются сведения о происхождении, составе и способе функционирования французского парламента. Из книги Т. Гамильтона «Люди и нравы в Соединенных Штатах Америки» делаются выписки о глубоких социальных конфликтах буржуазно-демократической республики.

В ходе работы с историческими произведениями происходит уточнение исходных позиций Маркса в вопросе о субъекте исторического действия, о «качестве» исторического знания, о критериях исторического прогресса. Выявив действительную детерминацию в отношении «гражданское общество – государство», Маркс переходит к изучению структуры гражданского общества. Итогом первого этапа процесса интеграции социально-философского знания в границах материалистического понимания истории явилась модель гражданского общества – общественной структуры, основание которой составляет частная собственность и соответствующие ей политические формы. В качестве рабочей принята модель общественного прогресса как движение к восстановлению естественных прав труженика и реализации принципа целостности

и универсальности в развитии человека. Дана оценка современных Марксу буржуазных общественных отношений как несоответствующих природе человека и потому преходящих. «Крейцнахскими тетрадами» завершается первый теоретический этап становления материалистической социально-философской концепции. На этом этапе формируются основания нового системного подхода. Маркс теоретически оформляет свое отношение к прусскому государству, отвергая принцип этического регулятива как принцип свободы, а вместе с ним – принципы систематизации общественной структуры, основанные на методе синтеза противоречий в высшем понятии. Основанием для отбрасывания принципа общественного договора стали как противоречия, вскрытые Марксом в социальной практике, так и системные идеи Руссо и Гегеля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. – М., Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. – 375 с.
2. Marx K. Historisch politische Notizen (Kreuznacher Hefte 1-5) // Marx K., Engels F. Gesamtausgabe. – Berlin: Dietz Verlag, 1981. - 4 Abteilung: Exzerpte. Kotizen. Marginalien, Bd.2.
3. Маркс К. Выписки из «Общественного договора» Жан-Жака Руссо // Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – 704 с.
4. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-изд. Т. 1. – М.: Политиздат, 1955.
5. Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1975. – 191 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. – 2-е изд. Т. 3. – М.: Политиздат, 1955.

© Сметанкина Людмила Васильевна (lsmetankina.umo@mail.ru), Рябов Александр Вячеславович (ryboff@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА МОТИВАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ

Фролов Анатолий Серафимович

*Д.ф.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
asfrolof@mail.ru*

EXISTENTIAL FOUNDATIONS AND HISTORICAL DYNAMICS OF RELIGIOUS FAITH MOTIVATION

A. Frolov

Summary: The article examines the existential foundations of the motives that convert a person to religious faith, which are defined as a historically dynamic phenomenon. The use of the provisions of the methodology of vitalism allows the author to interpret religion as one of the elements of the survival mechanism, which undergoes qualitative changes in the process of historical development. The article substantiates the position that the basic reason for historical changes in religion, including the motives of religious faith, is a change in the types of economic activity.

Keywords: existential foundations, motivation of religious faith, historical development of religion, pantheism, neopanteism, theism, historical type of economy.

Аннотация: В статье рассматриваются экзистенциальные основания обращающих человека к религиозной вере мотивов, которые определяются как исторически динамичное явление. Использование положений методологии витализма, позволяет автору трактовать религию в качестве одного из элементов механизма выживания, который в процессе исторического развития претерпевает качественные изменения. Обосновывается положение о том, что базовой причиной исторических изменений религии, включая мотивы религиозной веры, является смена типов хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: экзистенциальные основания, мотивация религиозной веры, историческое развитие религии, пантеизм, неопантеизм, теизм, исторический тип хозяйства.

Оправным пунктом обращения к религии в научном формате является ее определение как исторически динамичного явления. В научном анализе религии это тем более необходимо, что сознание современного человека испытывает крайне агрессивный прессинг со стороны различных конфессий, позиционирующих себя в категориях вечности и неизменности. Поэтому для исследования феномена религии принципиально важно не «боязливо оглядываться на церковное начальство и предание» [1, с. 88], а руководствоваться тем, что Ф. Ницше называл «интеллектуальной совестью» [2, с. 639].

Кроме этого, для плодотворного научного исследования религии необходим прочный и адекватный методологический фундамент. Автор данной статьи нашел этот фундамент в лице тех ключевых положений «философии жизни», которые ориентируют на понимание различных форм духовной активности прежде всего как «виталистски» направленной деятельности, а не в качестве проявлений «бескорыстного» поиска истины. Данные методологические положения дают ключ к правильной интерпретации не только общего вектора развития духовной сферы общества, но и к адекватному пониманию частных проблем духовного развития общества. Это относится ко всем видам духовной жизни, включая религию. «Виталистское» толкование феномена религии как механизма сохранения и развития жизни позволяет выстроить аргументированное объяснение основного

вектора исторической эволюции религии, развертывающейся от пантеизма, обожествления конкретных природных стихий и сущностей – к теистическому, персонализированному пониманию Бога как «любящего Отца» и далее – к образу безличного Абсолюта как этически нейтральной первоосновы бытия.

Использование данной методологии позволяет обосновать следующее положение: такое направление исторического развития религии является не результатом действия тех или иных случайных факторов, а закономерным процессом. Содержание этого процесса определяется также закономерными изменениями в механизме сохранения и развития жизни, которые происходят в движении от доцивилизационной архаики, через древние цивилизации «осевой эпохи» – к техногенной цивилизации.

Автору этих строк уже приходилось обращаться к проблеме исторической эволюции религии и рассматривать ее в онтологическом, гносеологическом и экзистенциальном измерениях, в единстве которых эволюционирует религия, независимо от конкретной конфессии [3]. Учитывая задачи и рамки данной статьи, обратимся к экзистенциальному аспекту религии. Рассмотрение религии именно в этом аспекте позволяет вывести из потаённости, обнаружить и сделать зримыми наиболее глубинные переживания человека, его потребности, интересы, жизненно важные ценности и установки, – то

есть всё то, что определяет обращение человека к той или иной конфессии и что составляет основное содержание мотивационной сферы религии.

Главные мотивы обращения к религии в доцивилизационной архаике определялись глубоким иррациональным ощущением неразрывного единства человека с Космосом, Природой. Человек архаики, подобно младенцу в утробе матери, не чувствовал границы между собой и природной средой. В процессе взаимодействия с Природой этот синкретизм восприятия субъективного и объективного, к которому применимы активно используемые С. Грофом понятия «трансперсонального» и «холотропного», [4] был прочным психологическим фундаментом уверенности архаичного человека в своих силах. Имевшее место чувство страха носило локальный характер и было связано лишь с теми явлениями, которые выходили за рамки повседневной практики выживания и неизвестная суть которых порождала ощущение угрозы. Не переживание страха, а иррациональное чувство сопричастности человека в отношениях с величественными, таинственными силами Природы было основным мотивом обращения к сакральному.

В процессе развития взаимодействия человека со средой обитания происходит изменение механизма выживания и являющегося его ядром типа хозяйственной деятельности. Основным фактором, определившим качественную трансформацию мотивов религиозной веры и пантеистического сознания явилась «неолитическая революция», переход от пассивного, присваивающего типа хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) к активному, производящему типу (скотоводство, земледелие). Для психологии и сознания человека этот переход имел два «революционных» следствия:

1. Принципиальное возрастание потребности в позитивном, рациональном, логически оформленном знании о природе, без которого производящий тип хозяйства невозможен по определению. Начинается движение от Мифа к Логосу.
2. Преодоление синкретизма мифологического мышления, характерного для него отождествления субъективного и объективного. Формируется индивидуальное, личное сознание. Человек из существа, органично погруженного в среду обитания и составляющего с ней единое целое, эволюционирует в существо, осознающее себя в качестве субъекта деятельности, направленной на природу как объект.

Такая трансформация сознания имела важную драматичную составляющую, определяющуюся тем, что впервые в изменяющейся картине мира «природа выступает как поле действия безличных, чуждых и противоположных субъекту сил» [5, с. 76]. На смену органичному сосуществованию человека с Матерью-Природой

приходит отношение к Природе как внешней грозной и противостоящей силе. Апогеем в осмыслении драматического положения человека в мире природных стихий явилась «осевая эпоха». Её содержание К. Ясперс определил следующим образом: «Человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения» [6, с. 33]. Таким образом, в «осевую эпоху», связанную с переходом к производящему типу хозяйства, страх превращается в основной, определяющий мотив религиозного самоопределения человека.

В этих принципиально изменившихся условиях потенциал пантеизма как психологического и духовного элемента сохранения и развития жизни оказывается недостаточным для того, чтобы нейтрализовать и компенсировать рожденное «осевой эпохой» ощущение ужаса и беспомощности человека. Драматизм «осевой эпохи» создает экзистенциальные предпосылки и основания для перехода от пантеистического типа религиозности к теистическому, в котором сакральное из безличной и нравственно нейтральной силы трансформируется в этически ориентированную Личность, в высшее проявление «любви и добра». Этот процесс не был одномоментным и имел противоречивое содержание, определяемое многообразием природно-климатических, географических, этнических, исторических, и иных условий. Этим обстоятельством объясняется наличие широкого диапазона оценок данного перехода. Например, Ф. Ницше определял утверждение христианства в качестве одной из разновидностей теизма как «редукцию божественного» и «*противоестественную* кастрацию божества в божество только добра» [2, с. 644, 642].

Но если абстрагироваться от субъективных страстей, то нельзя не признать, что для человека, психологически «выпавшего» из состояния органической целостности в отношениях с Природой, теистический тип религии явился наиболее оптимальным способом преодоления чувства ограниченности и беспомощности. Подобно тому, как у появившегося на свет младенца существует потребность в защите со стороны любящего отца, у «родившегося» в «осевую эпоху», нового человека, мыслящего не мифологически, а логически, возникает объективная потребность в аналогичной защите.

В этой связи уместно привести следующие слова З. Фрейда: «Что касается религиозного чувства, то его происхождение от детской беспомощности и пробужденной ею тоски по отцу представляется мне несомненным» [7, с. 246]. Хотя основоположник психоанализа в данном случае имел в виду не только теизм, а «религиозное чувство» как таковое, тем не менее, эти слова относятся в первую очередь к теистическим религиям.

Именно в личностно понимаемом Боге, в «Боге живом», в «Боге Авраама и Исаака», рожденном теизмом, обрел человек необходимую психологическую опору и средство преодоления страха, – чувства, под прессингом драматизма «осевой эпохи» сменившего локально-эпизодический статус на универсально-тотальный. Именно в этом и состоит исключительно высокая роль теистических религий как средства сохранения и развития жизни в рассматриваемых условиях.

В теистических религиях страх играл и продолжает играть роль определяющего мотива и экзистенциально-го основания религиозности. Эта доминанта мотивации религиозной веры распространяется на всю историю религии данного типа. Изменяются лишь формы страха. Обозначая человеческую душу как «фабрику страха», а тревогу как «жало страха», протестантский теолог и философ П. Тиллих выделял в духовной истории человечества три вида тревоги, соотнося их преимущественно с какой-либо эпохой: «онтическую», «нравственную» и «духовную». «Онтическая» тревога, связанная со страхом судьбы и смерти, преобладала на этапе поздней античности. «Нравственная» тревога порождалась страхом вины и осуждения и господствовала в эпоху позднего средневековья. «Духовная» тревога, которая являлась выражением страха пустоты и отсутствия смысла, доминировала на закате Нового времени [8, с. 30–48].

Теистический тип религиозности явился самым органичным для человека, который находился между ступенями «младенчества» и «взрослости». Но вступив в период зрелости, в Новейшую историю, человек оказался в принципиально иных условиях, перед лицом новых проблем, необходимым условием решения которых стал выход религии за рамки теизма, неразрывно связанного с мотивом страха.

Симптомы кризиса религии теистического типа стали проявляться не сегодня. Одним из наиболее громко озвученных диагнозов вступления теизма в период качественного обострения с изменяющимися историческими условиями является декларация Ф. Ницше «Бог умер!» Но самым ярким по форме и ёмким по содержанию в этом плане является религиозный «бунт» героев произведений Ф.М. Достоевского. В связанной с этим бунтом экзистенциальной жажде «Бога живого», безнадежно упирающейся в стену многовекового глухого «молчания Бога», глубоко и убедительно выражаются конвульсии веры в личного Бога. В этом же обнаруживает себя и предчувствие нового, не по сектантски ограниченного, а фронтального движения к такому типу религиозности, который связан с непсонифицированным образом Бога и который можно обозначить понятием неопантеизм.

Отсюда – используемая Ф.М. Достоевским и апеллирующая к «язычеству» формул «Богородица – великая

мать сыра земля есть...» [9, с. 140], которая далеко не случайна и совершенно обоснованно может рассматриваться в качестве симптоматики кризиса религиозной веры теистического типа. Именно в «религиозном неврозе» героев Ф.М. Достоевского ярче и убедительнее всего проявляется надлом прежних экзистенциальных оснований религиозности – оснований, рождаемых универсальным страхом. Как справедливо отметил в этой связи В.Д. Захаров: «Но герои Достоевского не принимают такого Бога, которого человек *выдумывает*, чтобы обмануть самого себя – из собственной боли и страха перед небытием» [10, с. 94].

Это дает серьезные основания для того, чтобы к антиномии богопознания, сформулированной устами Кириллова и в творчестве Достоевского являющейся главной, подойти иначе, чем это в многочисленных исследованиях делалось до настоящего времени. «Бог необходим, а потому должен быть. (...) Но я знаю, что Его нет и не может быть», – утверждает Кириллов [9, с. 573]. Действительно, необходимость Бога как онтологического основания бытия является аксиомой. Но эмпирический опыт человечества (Кириллова в том числе), связанный с неопровержимым фактом вечного господства зла в Мире – более чем убедительно свидетельствует о том, что Бога как личности, как «любви и добра», нет и быть не может. В контексте такой интерпретации позиция Кириллова теряет статус антиномии и трансформируется в разрешимое противоречие. Его решение предполагает преодоление теистического, персонифицированного понимания Бога.

Религиозный «бунт» героев произведений Ф.М. Достоевского продолжился в духовных поисках русского Серебряного века. У «дионисийства» Вяч. Иванова, «нового религиозного сознания» Д.С. Мережковского, «языческого» бунтарства В.В. Розанова, – феноменов, имевших специфическую форму и содержание, вместе с тем, существовал и общий корень, – углубляющийся кризис религии теистического типа.

Современное общество породило новые страхи, связанные с угрозой мировой войны, экологического коллапса, терроризма, эпидемий новых вирусных заболеваний, с реальной опасностью полной утраты человеком приватности, глобальной «перезагрузки» социума в формате цифрового концлагеря и т.д. И, тем не менее, страх, как системообразующий мотив религиозной веры, сегодня исчерпал свой конструктивный потенциал. Господствовавшие в индустриальную эпоху технологии исключали глобальность последствий принимаемых человеком решений и предполагали возможность успешного исправления ошибок, – в чём человек как на психологический посох опирался на идею личного Бога и вытекающую из неё уверенность в «божьей помощи».

Постиндустриальные технологии определяют глобальный характер последствий деятельности человека и принимаемых им решений. В таком высокотехнологичном мире теистический тип религии, внушающий надежду на «божью помощь», принципиально меняет свою роль, трансформируясь из положительного психологического фактора, повышающего уверенность в успехе, в средство, провоцирующее опасное снижение ответственности.

Доминирование страха в качестве основного мотива религиозного самоопределения личности в современных условиях качественно повышает возможность принятия безответственных решений, цена которых – с учетом современного технологического потенциала – такова, что может поставить под вопрос существование человечества и свести на нет все позитивные плоды жизнеохранительных усилий предшествующих эпох. «Детство человечества» завершилось. По этой причине основным мотивом духовного выбора современного человека, включая религиозную веру, должен быть не страх, не надежда на поддержку и исправление ошибок со стороны «сакральных сил», а высочайшая ответственность за принимаемые решения и их последствия.

В современных условиях создаются предпосылки для такой трансформации духовной жизни, в которой происходит органический синтез актуализируемого духовного потенциала прошлых эпох и цивилизаций (включая мистические знания и практики) с достижениями современной науки. В таком контексте преодоление теизма и обращение на новой основе к пантеистическому типу религиозности – это не проявление субъективно-вкусных пристрастий, а выражение объективной необходимости. И в свете такой эволюции религиозного сознания далеко не случайно появление в научной литературе публикаций, в которых происходит «реабилитация» и новое осмысление пантеизма [11]. Такие публикации не имеют никакого отношения к «неоязычеству», которое в последние десятилетия российской истории получило широкое распространение в массовой культуре.

В отличие от страдающей крайним дилетантизмом и клиповостью «неоязыческой попсы», новое переосмысление пантеизма продуктивно тем, что побуждает к глубокому осмыслению связей между содержащимися в древних учениях философскими и религиозными интуициями с современными, принципиально меняющими картину мира научными знаниями. В течение двух с половиной тысячелетий в философско-религиозных системах Древнего мира, Средневековья, Возрождения и Нового времени настойчиво утверждался образ божественного как безличного Абсолюта, первоначала бытия. Этому образу соответствует «Брахман» в учениях Древней Индии, «Дао» в даосизме, «мир идей» в философии Платона, «Единое» в неоплатонизме, *natura*

non create creans» Эриугены, «*natura naturans»* Спинозы, «абсолютная идея» Гегеля и др. Такое понимание божественного удивительно созвучно, если не синонимично, понятиям «универсальное неперсонифицированное сознание», «космический разум», «семантический вакуум», «семантически насыщенный вакуум», «семантический континуум», – содержащимся в работах современных российских физиков В.В. Налимова и Л.В. Лескова [12, 13, 14].

Фундаментальные научные открытия XX века, по своему, усилили отразившийся в творчестве Ф.М. Достоевского и представителей Серебряного века пафос сомнений в адрес персонифицированного образа Бога, способствуя качественному углублению системного кризиса религии теистического типа. Многие известные учёные XX века открыто разделяли этот скептицизм. Так, по словам главного редактора научно-популярного британского журнала *New Scientist* Роджера Хайфилда, Эйнштейн, прямо отрицая личностный статус Бога, вместе с тем, утверждал: «Я верю в Бога Спинозы, проявляющим себя в упорядоченной гармонии того, что существует, а не в Бога, заботящегося о судьбе и деятельности человека» [15].

История мировой духовной культуры свидетельствует о том, что, являясь автономными системами знаний, наука и религия, вместе с тем, не изолированы друг от друга, и в конечном счёте, в их взаимоотношениях преобладает принцип координации, а не конфронтации. И есть основания предполагать, что утверждающаяся сегодня новая научная картина мира уже в ближайшей перспективе явится одним из важнейших факторов влияния на трансформацию содержания религии и мотивации религиозной веры в направлении преодоления теистического типа религиозности.

Утверждение на новой основе неперсонифицированного понимания Бога вовсе не исключает «диалогичности» в отношении «земного» и «небесного». Напротив, именно в рамках такого типа, с актуализацией имеющего непреходящую ценность опыта исторического развития различных религий и с утверждением ответственности человека в качестве основного побудительного мотива обращения к религии возникает возможность подлинной коммуникации человека и Абсолюта. Выходящий за рамки теизма Абсолют приобретает статус скрытого слоя реальности, непроявленного средоточия неограниченных возможностей, с овладением которыми связаны многообразные психосоматические практики, уходящие в тысячелетнюю историю. И в этой связи убедительно звучит следующая мысль, высказанная О.В. Вышегородцевой: «Пантеизм устраняет необходимость посредника между Богом и личностью, открывая бесконечные возможности интимного общения человека с Богом. Бог рядом с нами, вокруг нас, в нас...» [16].

С учётом возможностей, упоминаемых О.В. Вышегородцевой сформулированная А. Швейцером этика «благоговения перед жизнью» [17, с.304 - 340] из сентиментальной утопии, которой она является в рамках техногенной цивилизации, трансформируется в систему установок и ценностей, подобно «Декалогу» «Ветхого Завета» и «Нагорной проповеди Христа», способную оказывать конструктивное воздействие на все стороны жизни человека и общества. Есть все основания утверждать, что именно на этом пути находится возможность положительного выбора из альтернативы, сформулированной устами одного из героев Достоевского: «Добудьте Бога трудом... или исчезнете как плесень» [9, с. 243].

В контексте «неопантеистического» понимания Бога молитва как основной способ интимного общения с «Небесами» не является выпрашиванием «бесплатной», легкой и ни к чему не обязывающей «благодати». Подобно тому, как это имеет место во многих религиозных системах Востока, отрицающих личностный статус Бога, она - предельно ответственная психосоматическая, медитативная практика и большой труд, позволяющий из сакрального извлекать неисчерпаемые духовные, нравственные и физические возможности и силы.

Именно в границах нового пантеизма Бог, используя определения Уайтхеда, перестает быть «врагом», которым он неизбежно становится для тех, кто в действительности не находит подтверждения его личностного статуса как «любви и добра». Но, оставаясь «пустотой» (или в терминологии В.В. Налимова и Л.В. Лескова – «семантическим вакуумом»), в то же время Бог утверждает в религиозном опыте верующего как «спутник» [18, с. 347].

Определяя статус религии в современном информационном и высокотехнологичном мире, Дж. Сакс вполне обоснованно утверждал: «Религия остается главным фондом значимых вопросов о нашем существовании» [19, с. 20]. Характер развития современного общества позволяет с уверенностью экстраполировать данный статус религии и на будущее. Вместе с тем религия не может сохранить данный статус, оставаясь замкнутой на саму себя и равнодушной к современной общецивилизационной динамике, принципиально меняющей условия

выживания человечества. Говоря о том, что одним из основных условий выживания является формирование нового «планетарного сознания», отражающего органичную связь человека с Природой, Космосом, Г.С. Киселев утверждает: «Но эта же задача (...) стоит и перед обновляющимся религиозным сознанием, которое без обновления или вообще исчезнет, или, в лучшем случае, останется на периферии человеческого общежития в качестве своего рода этнографического пережитка» [20, с. 180].

В современном духовном пространстве человечества активизируются переходные процессы, которые выражаются в принципиальной перестройке научной картины мира и развертывающимся кризисе традиционных религий, проявляющимся прежде всего в деформации их жизнеохранительных функций и коммерциализации. Сегодня человечество вступает в период, который можно назвать новой «осевой эпохой». Переход в течение тысячелетий к производящему хозяйству к началу «осевой эпохи» (VIII - II вв до н.э.) обусловил переход от мифологического к логическому мышлению и формирование предпосылок теистической религии. Происходящие сегодня радикальные изменения связанных с механизмом выживания технологий формируют предпосылки для рождения нового, - целостного сознания, в котором человек воспринимается не в усечённом формате клиповых построений, а в качестве органичной части Вселенной. В таких условиях страх как универсальный и преобладающий мотив деятельности человека и его религиозного самоопределения исчерпывает свой конструктивный потенциал.

Подобно тому, как рождение в «осевую эпоху» тотального страха привело к религии теистического типа, утверждение мотивов ответственности и того, что П. Тиллих обозначал понятием «мужество быть» [8], создают необходимые и прочные предпосылки для движения к религии «посттеистического» типа. А то обстоятельство, что такие радикальные изменения сознания затрагивают интересы многих людей и укоренившихся в структуре общества институтов, дает основание для вывода о том, что подобная трансформация религии и мотивов религиозной веры будет связана с множеством препятствий, проблем и противоречий и займёт целую историческую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франк С.Л. О невозможности философии. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. – 736 с.
2. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Собр. соч. в 2-х т. Т. 2. - М., Мысль, 1996. - 829 с.
3. Фролов А.С. Феномен религии в контексте современного светского образования // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2018. №1. – С. 76 – 107.
4. Гроф С. Величайшее путешествие: Сознание и тайна смерти. М.: АСТ, 2008. - 475 с.
5. Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики, 2002. - 554 с.
6. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Смысл и назначение истории. - М.: Политиздат, 1991. - 527 с.
7. Фрейд З. Злободневное рассуждение о войне и смерти. Болезнь культуры. М.: АСТ, 2014. – 447 с.

8. Тиллих П. Мужество быть. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. – 479 с.
9. Достоевский Ф.М. Бесы // Сочинения в 15 т. Т. 7. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. – 846 с.
10. Захаров В.Д. Размышления о природе веры. Дихотомия Бога // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 91-104.
11. Гаджиев К.С. В защиту пантеизма // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 191–202.
12. Лесков Л.В. На пути к новой картине мира [электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://stihi.ru/2009/04/08/266> (дата обращения - 20.10.2021)
13. Лесков Л.В. Прорывные технологии XXI века мира [электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.facets.ru/articles1/leskov.htm> (дата обращения – 23.10.2021)
14. Налимов В.В. Осознающая себя Вселенная [электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://web.archive.org/web/20111205183605/http://vnalimov.ru/articles/111/395/> (дата обращения - 14.10.2021)
15. Highfield Roger. Hawking hasn't changed his mind about God [электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://www.newscientist.com/article/dn19391-hawking-hasnt-changed-his-mind-about-god/?ignored=irrelevant> (дата обращения - 18.10.2021)
16. Вышегородцева О.В. Пантеизм // Новая философская энциклопедия [электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://iph.ras.ru/elib/2253.html> (дата обращения - 14.10.2021)
17. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. - 342 с.
18. Цит. по: Нибур Ричард. Радикальный монотеизм и западная культура // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.: Юрист, 1996. – 575 с.
19. Сакс Дж. Границы секуляризации// Вопросы философии. 2013.№ 4. С. 20 – 27.
20. Киселев Г.С. Новая религиозность как проблема сознания // Вопросы философии. 2002. № 5. - С. 173–182.

© Фролов Анатолий Серафимович (asfrolf@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

Наши авторы

Cherneckaya N. – PhD in Psychology, professor, Irkutsk State University, Irkutsk

Fakhurdinov R. – Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev National Guard troops Russian Federation, Novosibirsk

Frolov A. – Doctor of Philosophy, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Imanmoldaeva B. – Senior Lecturer, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Kazakhstan, Almaty

Kedyarova E. – PhD in Psychology, assistant professor, Irkutsk State University, Irkutsk

Khasabova K. – Applicant, Southern Federal University

Kiseleva A. – Methodologist, Institute of Education Development of Irkutsk Region

Klepatsky V. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Russian University of Transport (MIIT), Moscow

Kosolap A. – Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev national guard troops of the Russian Federation, Novosibirsk

Kuteynikov A. – PhD in Psychology, Associate Professor, The North-West Institute of Management - Russian Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg

Kuzmin M. – assistant Professor, Irkutsk State University

Latynov V. – PhD in Psychology, leading researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Madaliev Zh. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Kazakhstan, Almaty

Matzhanova K. – Senior Lecturer, Kazakh National Conservatory, Kazakhstan, Almaty

Our authors

Meng Fanhong – Professor at Heihe University, China, Heilongjiang province, Heihe

Nekrasov S. – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Civil Aviation

Nekrasova N. – Doctor of Philosophy, Professor, Russian University of Transport (MIIT), Moscow

Niftiyeva Ulfat – Dissertation candidate at the Baku Music Academy named after U. Hajibeyov

Nikolaeva T. – Ph.D. in Philosophy, Pacific National University (Khabarovsk)

Ryabinina M. – Senior Lecturer, Pacific State University, Khabarovsk

Ryabov A. – Candidate of cultural studies, docent, Federal State Educational Institution of Higher Education «St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and liquidation of the consequences of natural disasters»

Salyamov K. – Lomonosov Moscow State University

Shevelenkova T. – candidate of psychological sciences (Phd), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow; Institute of Psychology L.S. Vygotsky

Sivertsev E. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University

Smetankina L. – Doctor of Philosophical Sciences, Federal State Public Military Educational Institution of Higher Education “Marshal Budyonny Military Signal Academy” of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Starodubtseva G. – assistant Professor, Institute of Education Development of Irkutsk Region

Yadrishenskaya T. – Ph.D., associate professor, Pacific National University, Khabarovsk

Yatsenko O. – postgraduate student, Irkutsk State University, Irkutsk

Zhao Meng – Graduate student, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).